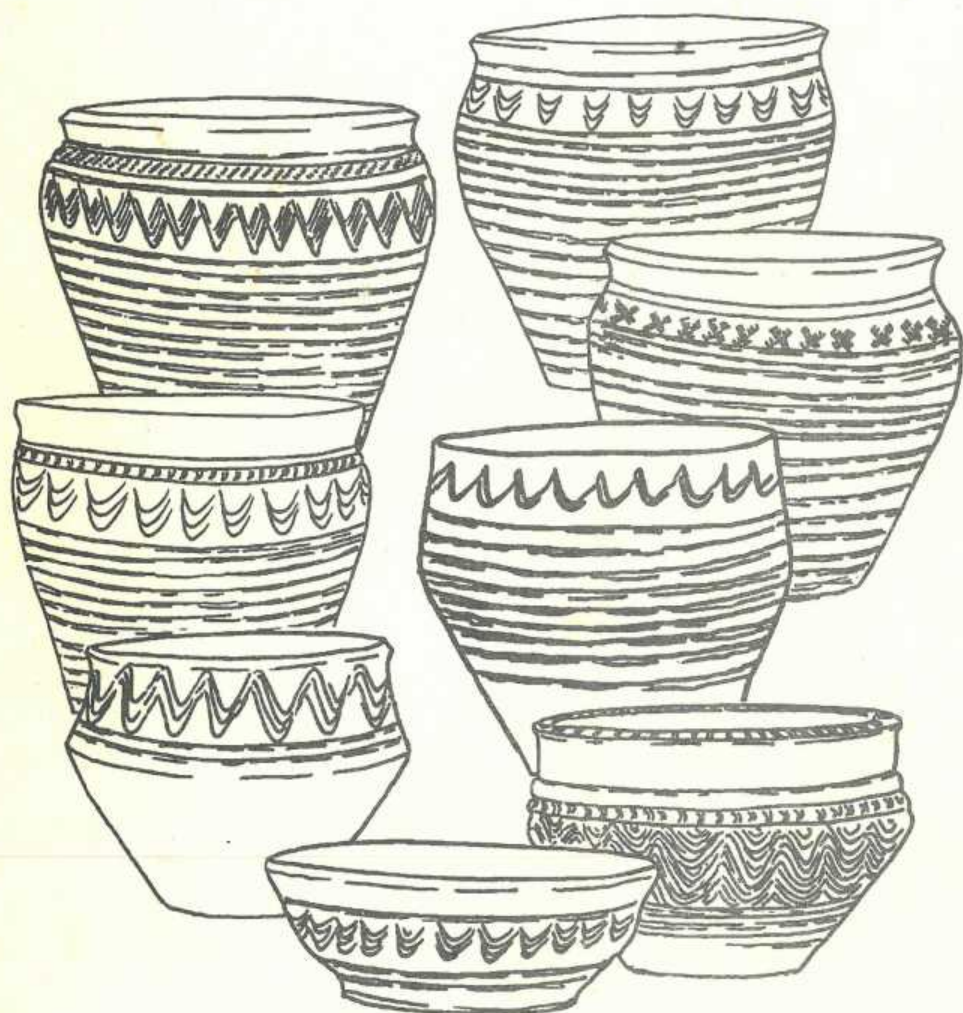

С.В.Белецкий

НАЧАЛО ПСКОВА

1996

Российская Академия Наук
Институт Истории Материальной Культуры

В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий

Городское ядро средневекового Пскова

Часть 1

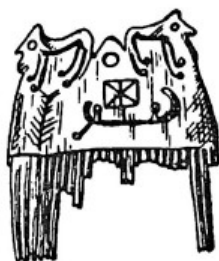
Санкт-Петербург

1996

Российская Академия Наук
Институт Истории Материальной Культуры

С. В. Белецкий

Начало Пскова

Санкт-Петербург
1996

Монография д.и.н. С.В.Белецкого посвящена проблеме происхождения города Пскова – одного из древнейших городов России, впервые упомянутого на страницах летописи под 903 г. Результаты археологических раскопок, проводившихся в Пскове в 1930-1990-х гг. позволяют, по мнению автора, реконструировать сложный и непрямолинейный процесс возникновения города, причем в механизме градообразования заметную роль сыграли группы варяжских переселенцев конца IX в. Раннегородское образование конца IX – начала XI вв. автор соотносит с Изборском "Сказания о призвании варягов". Монография является первой частью подготовленного издания "Городское ядро средневекового Пскова". Вторая и третья части посвящены публикации материалов многолетних раскопок в Псковском Кремле (часть 2) и Довмонтовом городе (часть 3).

Издание рассчитано на археологов, историков, студентов.

Археологические изыскания

Выпуск 30

Ответственный редактор

доктор исторических наук Г.С.Лебедев

Рецензенты

доктор исторических наук Е.Н.Носов,

кандидат исторических наук О.А.Щеглова

Печатается при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда (96-01-00013)

ISBN 5-201-01179-9 (1)

© ИИМК РАН, 1996.

ПОЗИЦИЯ И ОППОЗИЦИЯ (вместо введения)

Проблема происхождения городов на Руси остается одной из центральных в российской исторической науке. Это вполне естественно. Средневековый русский город — это постоянный населенный пункт со значительной концентрацией населения, занятого, по преимуществу, ремесленной деятельностью, центр торгового (в том числе — внешнеторгового) обмена, место сосредоточения органов административного управления городской общиной и околгородской округой, культурный и идеологический центр. Поэтому, изучая судьбы города, исследователь располагает редкой возможностью анализировать в комплексе круг вопросов, связанных с жизнью и бытом населения древней Руси.

Многофункциональность средневекового города очевидна. Однако, лишь только встает вопрос об исторических корнях процесса градообразования, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой — какая из функций первична. До тех пор, пока ответ на этот вопрос не будет сформулирован, вряд ли можно ожидать успешных результатов в изучении проблемы происхождения древнейших городов на Руси: необходимо хорошо представлять себе, что именно следует искать и как именно следует формулировать вопросы к источникам.

На протяжении последних десятилетий в научной литературе господствовало определение основной функции города, наиболее отчетливо сформулированное М.Н.Тихомировым: города — это центры ремесла и торговли, продукт формирования классового общества.¹ В обобщенной форме тезис о приоритетности экономической функции был сформулирован О.Г.Большаковым и В.А.Якобсоном,² а применительно к древнерусским городам определение уточнил А.В.Куза.³

Это определение признается, однако, не всеми исследователями. В наиболее общей форме противоположное мнение было сформулировано И.Я.Фрояновым и А.Ю.Дворниченко: “На раннем этапе города выступали преимущественно в качестве военно-политических, административных и культурных (религиозных) средоточий”.⁴ Аналогичную мысль высказывал и П.П.Толочко: “Средневековый город как новая социальная форма... был вызван также (а, может быть, и прежде всего) изменениями в сфере общественных отношений. Ведущими его функциями на первом этапе были политико-административная и культовая”.⁵

Противопоставление экономических и административно-политических (включая военные и культовые) функций города при определении первичной и, в соответствии

1 Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с.9-32,52-64.

2 Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия “город” // История и культура народов Востока. Древность и средневековье. Л., 1983.

3 Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР, т.15, М., 1985, с.52.

4 Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства древней Руси. Л., 1988, с.31.

5 Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983, с.30.

с общеисторическими воззрениями, выбор приоритетного направления в изучении проблемы происхождения и начальной истории древнерусского города в значительной степени связан с ответом на вопрос о том, выделять ли в качестве самостоятельного исторического периода эпоху существования в землях восточных славян и их соседей различного рода догородских центров, то есть — считать ли различающиеся между собой “протогорода” (“эмбрионы городов”) особым этапом городской истории или же относить такого рода поселения к догородской поре и устанавливать соотношение протогорода и собственно средневекового города в каждом конкретном случае отдельно.

Существование протогородов и их вероятная разнотипность признаются всеми исследователями. Но если большинство историков признают также и возможность многообразия путей смены протогородов средневековыми городами (при том, что в этом “многообразии” выделяются, так сказать, “генеральные направления” процесса), то И.Я.Фроянов и А.Ю.Дворниченко считают возможным и перспективным только “монистический подход к проблеме возникновения древнерусского города, в свете которого выглядит искусственным многообразие типов раннегородских поселений... Такого рода поселениями... могли быть только племенные или межплеменные центры”, — утверждают исследователи, допуская правомерность выделения “догородской стадии, когда город еще не был городом в подлинном социально-экономическом значении этого слова”.⁶

Оставляя пока в стороне вопрос о том, в какой мере можно ставить знак равенства между “племенными” и “межплеменными” центрами, а также не уточняя пока, что именно означает понятие “межплеменной центр” и насколько факт сосуществования “племенных” и “межплеменных” центров соответствует декларированному монистическому подходу к решению проблемы происхождения древнерусского города, мне хотелось бы подчеркнуть — подход к проблеме происхождения городов на Руси в том виде, в котором он сформулирован Фрояновым и Дворниченко (древнейшие города на Руси суть раннеславянские племенные центры), вопреки уверенности авторов, не является единственно возможным. Дело даже не в том, что реальность всегда сложнее любых заранее заданных схем: в конечном счете, упрощение и схематизация в историческом исследовании, то есть — превращение конкретного исторического процесса в более или менее абстрактную “модель”, позволяет порой более отчетливо выявить среди многообразия явлений те главные, которые, собственно говоря, и определяют направление развития. Значительно существеннее то, что заранее заданное *единственное направление поиска* может оказаться неверным изначально, вступив в противоречие с реальными фактами. В таком случае единственно возможным продолжением исследования станет возвращение к первоисточнику, то есть — начинать новый исследовательский цикл придется, так сказать, с исходной точки. Теоретически это допустимо, однако на практике представляется неоправданно громоздким, и, к сожалению, чаще всего не выполняется.

Полагаю, что более плодотворным является иной путь. Вместо того, чтобы заранее декларировать исходный и конечный результаты, целесообразно сформулировать основные вопросы к источнику. Их всего два: 1) отвечает ли рассматриваемый населенный пункт определению “средневековый город”; 2) доказана ли преемственность между средневековым городом и догородским поселением существовавшим на его месте. Сочетание в каждом конкретном случае положительных ответов на оба сформулированных вопроса к источнику дадут возможность строить различные модели градообразования на Руси. А вот “монистическими” или же “плюралистическими” окажутся эти модели покажет само исследование: заранее задавать конечный результат поиска было бы, на мой взгляд, неоправданным риском.

6 Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства..., с.28-30.

На сегодняшний день наиболее полным является определение понятия “город”, предложенное О.Г.Большаковым и конкретизированное А.В.Кузой: *постоянный населенный пункт, в котором концентрируется, перерабатывается и перераспределяется прибавочный продукт*. Правда, я не убежден в том, что данное определение дает возможность “примирить спор о приоритете экономического и политического начал в градообразовании”,⁷ поскольку первичным, все-таки, остается экономическое начало — без наличия условий для образования прибавочного продукта нечего будет концентрировать, перерабатывать и перераспределять. Но, в любом случае, появление подобных центров возможно только в условиях социально стратифицированного и имущественно дифференцированного общества. Поэтому проблема происхождения древнерусского города теснейшим образом связана с более широкой проблемой — началом государственности на Руси. Именно изучение механизма градообразования позволяет проследить конкретно-исторические судьбы территорий, составлявших ядро будущей державы Рюриковичей, а, в конечном счете, дает возможность восстанавливать реальную картину формирования древнерусского государства во всей пестроте и динамике, обусловленной спецификой расселения на территории будущего государства разноязыких народов.

Можно спорить о том, причиной или следствием крушения родового строя явился процесс градообразования на Руси. Одни исследователи убеждены в том, что появление средневековых городов на Руси явилось конечным результатом развития племенных центров догородской поры, то есть — следствием постепенного вызревания в недрах родового строя новой системы отношений, основанных на имущественном неравенстве. Другие исследователи считают факт появления городов результатом распада родовых отношений, сдерживавших подвижность населения, следствием перехода общества от родо-племенной организации к соседской общине. И те, и другие приводят в защиту своего мнения разнообразные аргументы. Но мне представляется, что не в этих спорах суть. В любом случае, можно утверждать, что появление городов на Руси материализовало собой процесс распада родового строя и зарождение классового общества. И в этом отношении города на Руси ничем не отличались от западно-европейских городов, в рвах которых, по образному выражению Ф.Энгельса, “зияет могила родового строя”.⁸

Таким образом, эпоху существования протогородских центров (“племенных”, “межплеменных”, “внеплеменных”) в землях восточных славян и их соседей следует очень отчетливо обособлять от эпохи существования собственно средневековых городов, а соотношение “протогородов” с раннесредневековыми городами в каждом конкретном случае должно специально анализироваться. Другого пути обосновать наличие или отсутствие преемственной связи между догородским поселением и раннесредневековым городом, на мой взгляд, нет.

Сказанное вовсе не означает, что я отрицаю саму возможность возникновения древнерусских городов на основе племенных центров догосударственной поры. Если гипотеза о племенном пути происхождения древнерусских городов будет убедительно аргументирована, то она, безусловно, будет иметь право на существование, как и любая другая гипотеза, получившая обоснование фактическим материалом. Но до проведения источниковедческого исследования имеющегося комплекса источников по истории каждого конкретного города вряд ли целесообразно реконструировать “генеральные пути” процесса образования городов на Руси.

7 Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып.6, М., 1983, с.12.

8 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.164.

ДВА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ НА РУСИ (мифы и реальность)

Среди имеющихся в распоряжении исследователей источников по проблеме происхождения городов на Руси центральное место занимают данные археологии. Именно опираясь на археологические материалы историки предлагали в последние десятилетия все основные схемы, модели и реконструкции процесса становления древнерусского города: на основе большесемейного поселения, из городищ предшествующей эпохи, из племенных центров догосударственной поры, из княжеских крепостей, из деревень, занимавших удобное положение близ торговых путей и источников сырья для ремесленного производства, из торговых рядков и проч. Однако большинству этих моделей явно "не хватает... историчности, ибо становление городов не было одинаковым в различные эпохи древнерусской истории".¹

Для начального периода русской истории большинство исследователей предполагало происхождение средневекового города на основе развития племенного центра догородской поры. Именно эту модель строил М.Н.Тихомиров, ссылаясь на результаты археологического раскопок древнейших городов Руси.² Б.Д.Греков, опираясь на выводы В.И.Равдоникаса, выводил средневековый город Ладогу из большесемейного поселка славян-кривичей.³ Активно оперируют ссылками на результаты исследований археологов и современные историки.⁴ Однако при чтении работ, написанных историками, складывается впечатление, что данные археологии используются в их построениях явно недостаточно. И важно даже не то, что историки оперируют фактами, полученными, так сказать, "из вторых рук" — это вполне естественно, учитывая специфику археологических источников. Хуже другое: мнения археологов, на которые историки опираются в своих построениях, зачастую учитываются избирательно и не вполне критически. Как правило, ссылки на данные археологических раскопок даются для иллюстрации заранее сформулированных моделей без учета всей имеющейся информации, а часто — даже без учета дискуссий между археологами. Если же помнить о том, что в ряде собственно археологических работ 1950-1960-х годов (а порой — даже в работах 1970-1980-х годов) этно-социальные оценки результатов раскопок даны археологами в соответствии со схемами, разработанными

1 Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // ВЛУ, 1970, № 20, с.14.

2 Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 27, 28, 287, 304, 362, 388-390 и др.

3 Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949, с.101-103.

4 Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства древней Руси. Л., 1988.

историками в предшествующие десятилетия, то отсылки историков к выводам археологов приводят к образованию порочного круга.

Значительно важнее в этой связи результаты исследований, проведенных самими археологами, лучше, чем кто бы то ни было представляющими сложность атрибуции археологических материалов. Только археолог, умеющий выявить особенности материализации исторических процессов в фактах археологии, способен объективно оценить значение результатов раскопок для реконструкции конкретных событий, происходивших в каждом отдельно взятом регионе в тот или иной отрезок времени.

Однако при обращении к собственно археологическим исследованиям проблемы происхождения древнерусского города мы сталкиваемся с двумя существенными недостатками, общими для большинства работ последних полутора-двух десятилетий, то есть — того времени, когда уже сформировался имеющийся фонд источников.

Первый из них — традиционное желание получить свидетельства безусловного существования эволюционной преемственности между средневековым городом и поселением догородского времени. Особенно отчетливо этот недостаток проявился в исследованиях Г.С.Лебедева, В.А.Булкина и И.В.Дубова, прежде всего — в их интереснейшей совместной монографии,⁵ оставшейся, к сожалению, по достоинству не оцененной.⁶ Именно в этой книге впервые за многие десятилетия была четко обозначена возможность альтернативного пути развития древнерусского города: не из “племенного”, а из “надплеменного” центра.

Основным сюжетом монографии Г.С.Лебедева с соавторами явилось детальное рассмотрение своеобразных протогородских центров в землях восточных славян и их соседей — так называемых “открытых торгово-ремесленных поселений” (ОТРП).⁷ Проанализировав материалы таких крупных протогородских поселений, как Гнездово под Смоленском и Тимерево под Ярославлем, исследователи, справедливо подчеркивали: ОТРП являлись крупными центрами, характеризующимися этнической пестротой населения и присутствием профессиональных ремесленников, торговцев и воинов. Формирование новых форм социальной общности (военных дружин, купеческих объединений) протекавшее в ОТРП, а также зафиксированный процесс интеграции различных по происхождению элементов привели к тому, что центры типа ОТРП практически с момента своего возникновения приобрели надплеменной (внеплеменной) характер. Питательной средой для ОТРП являлись два основных фактора: начавшийся процесс разложения родового строя в землях восточных славян и их соседей и размещение самих ОТРП на трансъевропейских водно-торговых путях, по которым осуществлялась циркуляция товаров между севером и югом, востоком и западом, и, прежде всего, происходило движение восточного серебра.⁸

Г.С.Лебедев с соавторами справедливо подчеркивали, что роль “ОТРП в истории древней Руси, в частности — древнерусского города, была хотя и важной, но кратковременной”.⁹ Действительно, “сами по себе ОТРП ни в одном из известных случаев не оказались центрами устойчивых политических образований, княжеств или земель. Более того, они либо вообще перестают существовать (Гнездово, Тимерево),

5 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л., 1978.

6 Ср.: Куза А.В., Леонтьев А.Е., Пушкина Т.А. Рец. // СА, 1982, № 2, с.277-288; Мачинский Д.А., Шаскольский И.П. Рец. // СА, 1982, № 2, с.288-291.

7 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники ..., 25-50, 85-94, 115-128; Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974; Булкин В.А., Дубов И.В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л., 1978; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985, с.100-119. Признавая определение “открытые торгово-ремесленные поселения” не слишком удачным, я, тем не менее, сохраняю его для удобства сопоставлений.

8 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.139.

9 Там же.

либо преобразуются в городские посады (Ладога)".¹⁰ Путь становления древнерусского города на основе ОТПП оказался, в конечном счете, тупиковым: такие центры находились в прямой зависимости от степени интенсивности функционирования водно-торговых путей, и по мере превращения этих путей из разбойничьих троп воинственных дружин IX в. в княжеские пути XI в.¹¹ на смену ОТПП приходят средневековые города — центры окняжения отдельных районов формирующегося государства.¹²

Однако установив, что протогорода типа ОТПП не перерастают в средневековые города, Лебедев с соавторами поставили перед собой крайне сложную задачу — установить, с каким именно типом поселений догородской эпохи следует связывать истоки формирования средневекового русского города. Необходимость обнаружения подобного рода догородских поселений, давших исходный импульс к образованию городов, рассматривалась при этом как нечто само собой разумеющееся.

Поиски привели к племенным центрам догосударственного времени. Исследователи перечислили среди древнейших русских городов, прошедших племенной путь становления, Киев, Полоцк, возможно — Псков и Изборск, а также Сарское городище (первоначальный Ростов).¹³ Пути преобразования племенных центров в средневековые города прослеживаются, по мнению Лебедева с соавторами, либо в облике синойкизма отдельных догородских поселений, слияние которых дало начало собственно городу¹⁴ (на примере Новгорода, возникшего, согласно гипотезе В.Л.Янина и М.Х.Алешковского,¹⁵ путем слияния трех поселков, соответствовавших трем городским концам будущего города), либо — в процессе обрастания укрепленного племенного центра неукрепленными посадами¹⁶ (традиционный¹⁷ в построениях историков механизм перерастания племенного центра в средневековый город).

Казалось бы, схема зарождения городов на Руси, предложенная Лебедевым с соавторами, достаточно стройна и непротиворечива. Действительно, процесс градообразования в землях восточных славян и их соседей тесно увязан исследователями с этапами развития общественных отношений у народов Восточной Европы и соотнесен с аналогичными процессами, протекавшими в сопредельных районах Северной и Центральной Европы. Коротко эту схему можно суммировать в следующем виде: 1. В процессе начавшегося разложения родовых отношений центры отдельных племен постепенно преобразуются в средневековые города; 2. Параллельно с этим на трансевропейских водно-торговых путях возникают внеплеменные международные торжища (типа ОТПП), сходные по облику и функциям с северо-европейскими виками и балтийско-славянскими "торговыми местами"; 3. С формированием государственных структур меняется система международных связей, и протогородские центры типа ОТПП прекращают свое существование, уступая место средневековыми городам, возникавшим в процессе окняжения отдельных районов государственной территории по инициативе центральной власти путем распространения влияния из городов, развивавшихся из племенных центров догосударственной поры.

10 Там же. с.140.

11 Лебедев Г.С. Путь "из варяг в греки" // ВЛУ, 1975, № 20.

12 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.139-140.

13 Там же.

14 Там же, с.91.

15 Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, 1971, № 2.

16 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники ..., с.139.

17 Ср.: "Главнейшим признаком социально-экономического облика города является наличие посада, без которого, в сущности, нет города" (Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах...).

Не случайно, наверное, Г.С.Лебедев в более поздней работе уже не сомневался в том, что Киев, “мать городов русских”, связан преемственным развитием с т.н. “городком Кия” на Старокиевской горе, а Новгород — являлся столицей племенного княжения словен ильменских.¹⁸ В том же направлении продолжал поиски и И.В.Дубов, подчеркивавший, “что большинство крупных городов Руси... возникло на основе слияния нескольких поселков, имевших, видимо, родовой характер”.¹⁹

У меня нет сомнения в том, что Лебедев, Булкин и Дубов верно определили функции и характер развития ОТПП. Детальный разбор как особенностей самих ОТПП, так и их отношения к средневековым городам свидетельствует о том, что путь развития средневекового города из протогородских центров подобного типа оказался тупиковым. Возможно, это действительно было связано с экономической подчиненностью ОТПП динамике функционирования водно-торговых артерий, пересекавших земли Восточной Европы. Не исключено, впрочем, что путь развития городов на основе ОТПП был искусственно прерван. Но в любом случае представляется установленным, что подавляющее большинство ОТПП не переросло в средневековые города, уступив место городам эпохи княжения территорий.

Но лишь только Лебедев с соавторами обращаются к анализу пути становления средневекового города на основе племенного центра догосударственной поры, как сразу же выясняется, что ни один из перечисленных исследователями центров не имеет на сегодняшний день надежно обоснованной модели перерастания в средневековый город. И показательно, что в коллективной монографии петербургских археологов не нашлось места для характеристики археологических материалов по таким центрам. Только для Киева приведена более или менее развернутая характеристика топографии поселения и этно-социальная оценка древнейшего городского некрополя,²⁰ однако разбор особенностей материальной культуры догородского племенного центра и собственно средневекового города Киева, эквивалентный анализу Гнездовского или Тимеревского комплексов, в монографии отсутствует.²¹

Новгород — “племенной центр словен ильменских”²² — превращается в город, согласно оценке Лебедева с соавторами, не благодаря развитию поселения на Рюриковом городище (ОТПП, по мнению авторов монографии), а только с появлением града на месте будущего владычного двора, вокруг которого, вероятно, группировались поселки-концы;²³ археологически этот “град” (как и “поселки-концы”) пока не изучен, так что гипотеза о синойкизме трех поселений остается только гипотезой.²⁴ Средневековый город Полоцк (наследник племенного центра полочан) возникает, по справедливому мнению Лебедева с соавторами²⁵, на месте Верхнего замка и Великого

18 Лебедев Г.С. Эпоха викингов ..., с. 217-222, 237-242.

19 Дубов И.В. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., 1982, с.66.

20 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с. 10-17; Лебедев Г.С. Эпоха викингов..., с. 237-249.

21 Кроме Гнездова и Тимерева в этой монографии более или менее подробно охарактеризованы только материалы раскопок Ладоги и ее окружи, однако, согласно заключению авторов, первоначальная Ладога являлась поселением типа ОТПП, см.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.85-90, 139.

22 Там же. с.90-94.

23 Там же, с.94.

24 Е.Н.Носов достаточно убедительно показал, что начальная история Новгорода связана с поселенческой агломерацией у истоков Волхова, а центром этой агломерации являлось укрепленное поселение на Рюриковом городище, см.: Носов Е.Н. Новгород и Рюриково городище в IX-XI вв. (к вопросу о происхождении Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.1, вып. 2-6. М., 1987, с. 5-14. он же. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; он же. Новгородская земля IX-XI вв. Историко-археологические очерки / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1992.

Посада; вопрос о возможном наличии или отсутствии преемственной связи между этим городом и предполагаемым племенным центром на Полоцком городище²⁶ в исследовании петербургских археологов даже не ставился.²⁷ Сарское городище, являвшееся, по мнению Лебедева, Булкина и Дубова первоначальным Ростовом,²⁸ в древнерусское время сохраняло значение загородной резиденции одного из ростовских бояр.²⁹ Средневековый город Ростов возникает на северном берегу оз. Неро как княжеский город, и положение его относительно Сарского городища приблизительно такое же, как у средневекового Смоленска по отношению к Гнездовскому комплексу.³⁰ Да и с Киевом, кажется, не все в порядке: хотя на протяжении длительного времени центром поселенческой агломерации, предшествовавшей средневековому городу, действительно являлось поселение на Старокиевской горе, а во второй половине X в. “начинается грандиозное строительство” и “основные усилия прилагаются к созданию репрезентативного центра Киева, детинца на Старокиевской горе”,³¹ этот репрезентативный центр существует сравнительно недолго, и уже на рубеже X-XI вв. переживает крупные потрясения, которые привели к прекращению функционирования детинца на Старокиевской горе, а заодно и поселения на Лысой горе (отождествленного Г.С.Лебедевым с крепостью Самватас, упомянутой Константином Багрянородным).³² Совпадение во времени этих событий³³ с прекращением функционирования киевского некрополя и возведением “города Ярослава”, на мой взгляд, вряд ли случайность.

Таким образом, из списка городов, развитие которых, по мнению Лебедева, Булкина и Дубова, проходило племенным путем, только Псков и Изборск в период существования здесь средневековых городов сохраняют первоначальное положение относительно поселений догородского времени. Однако эти города не получили в монографии Лебедева с соавторами характеристики, достаточной для вывода о преемственном развитии их из догородских поселений. Поэтому можно полагать, что вывод о прочных корнях средневековых русских городов в племенных центрах догородской поры был сформулирован Лебедевым, Булкиным и Дубовым, из общих соображений, и на детальную проработку археологических источников не опирается.

Реально же ситуация оказывается диаметрально противоположной мнению авторов монографии: в подавляющем большинстве случаев вместо преемственного раз-

25 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.57. Исследователи опираются на результаты работ Г.В. Штыхова и Л.В.Алексеева, см.: Штыхов Г.В. Древний Полоцк (IX-XII вв.). Минск, 1976; он же. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск, 1978; Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв. М., 1966.

26 Племенной центр, согласно оценке Лебедева с соавторами; вероятнее — центр типа ОТПП, см.: Белецкий С.В., Лесман Ю.М. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА, 1979, № 1.

27 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.57-60.

28 Там же, с.131-133.

29 Леонтьев А.Е. “Город Александра Поповича” в окрестностях Ростова Великого // ВМУ, 1974, № 3, с.85-96; он же. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII-XI вв.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975; Дубов И.В. Северо-восточная Русь..., с.87; он же. Города величеством сияющие. Л., 1985, с. 45-48.

30 Дубов И.В. Города, величеством сияющие, с. 164, рис.1; Леонтьев А.Е. Ростов. Предпосылки возникновения древнерусского города // Труды V Международного конгресса славянской археологии, т.1, вып. 2-а, М., 1987, с. 151-157.

31 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.11, 14, 15.

32 Там же, с.13-15; Лебедев Г.С. Эпоха викингов..., с.240-242; см. также: Толочко П.П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева. 1978-1983 гг. Киев, 1985, с.10.

33 Естественно, речь может идти только об археологическом совпадении во времени, то есть — о соответствии друг другу накрывающих дат, определенных археологическими методами.

вития “племенного центра” в средневековый город фиксируется сосуществование так называемой “пары городов” — протогородского центра и возникающего рядом с ним средневекового города. Это явление получило в литературе наименование *перенос города*. В других случаях вместо преемственного развития племенного центра в средневековый город фиксируется катаклизм, следствием которого являлась замена протогорода средневековым городом. Это явление, на мой взгляд, принципиально не отличается от переноса города, фиксируя отчетливый разрыв в преемственности развития поселения при переходе от догосударственной поры к эпохе государственности.

Проблема переноса города — одна из наиболее дискуссионных среди проблем начальной истории городов на Руси. Напомню, что в литературе сосуществуют две основные версии, по разному объясняющие это явление. Согласно основной версии, в наиболее общем и сконцентрированном виде изложенной И.В.Дубовым, явление переноса города объясняется борьбой нового, феодального строя с уходящим в небытие родо-племенным строем: в процессе этой борьбы рядом со старым “племенным” (или — “внеплеменным”) центром возникал новый центр, преемственно сменявший старый центр при сохранении округа в прежнем виде; в период сосуществования центров к новому постепенно переходили функции старого, а последний затухал.³⁴ Согласно альтернативной версии, пары городов являлись одновременно существующими в пределах одной и той же округи центрами, различающимися между собой по преобладающим функциям: город и лагерь викингов,³⁵ город и погост.³⁶

Мне представляется, что первая из двух версий значительно ближе к истине. Факт кратковременного сосуществования “старого” и “нового” центров, составляющих пару городов, установлен давно. Период сосуществования центров укладывается в пределах четверти-трети столетия, то есть — соответствует периоду смены одного поколения жителей. И эту асинхронность поселений, составляющих пару, пока никому не удалось опровергнуть надежным фактическим материалом: по прошествии четверти-трети столетия старый центр либо прекращает существование (Гнездово, Тимерево), либо — меняет функции (Сарское городище), теряя прежнее значение центра округи. Как ни интерпретировать пары городов, но продолжают развитие во времени и в пространстве не старые центры, а пришедшие им на смену средневековые города. И в этом отношении традиционная для работ историков версия о племенном пути становления древнерусского города, хотя и была сохранена Лебедевым с соавторами в качестве основной “модели” возникновения городов на Руси, однако не получила сколь-нибудь серьезной дополнительной аргументации. Напротив, из всего изложения результатов исследования, суммированных в монографии петербургских археологов, отчетливо следует, что прочный и устойчивый путь развития фиксируют только города, возникавшие в эпоху окняжения государственной территории.

Вторым серьезным недостатком археологических исследований проблемы происхождения древнерусского города является распространение наблюдений, полученных для одного конкретного населенного пункта, подвергнутого обстоятельному изучению, на все остальные древнерусские города. Этот недостаток, в известной мере, свойственен и коллективной монографии Г.С.Лебедева, В.В.Булкина и И.В.Дубова. Но особенно отчетливо он проявился в последние десятилетия в докладах советской делегации, представленных на V Международном конгрессе славянской археологии,

34 Дубов И.В. К проблеме “переноса” города в древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983, с.70-82; он же. Северо-восточная Русь..., с.64 сл.; он же. Города величием сияющие, с.25-32.

35 История СССР с древнейших времен. Т.1, М., 1965, с. 489.

36 Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории древнерусского города // История СССР, 1979, № 4, с.108.

прежде всего — в обобщающем докладе В.В.Седова,³⁸ а также в его более ранней монографии.³⁹

В.В.Седов допускает, “что единого пути образования городов в древней Руси не было”,⁴⁰ и с этим выводом трудно не согласиться: города, основанные в XII-XIII вв., действительно, возникали в иных исторических условиях, нежели города X в., поэтому пути их возникновения совершенно не обязательно должны совпадать.

Начальный период городской истории Руси В.В.Седов относит к IX — первой половине X вв. и полагает, что в средневековые города развивались протогородские племенные центры предшествующего времени.⁴¹ Характерными признаками последних, по мнению Седова, являются: сочетание различных несельскохозяйственных занятий населения (ремесло, торговля, в том числе — международная), этническая пестрота в составе населения и заметное социальное расслоение, основанное на имущественной дифференциации (выделение княжеско-дружинного сословия).⁴² К числу подобных протогородов В.В.Седов причисляет городища Зимно, Добриновское, Хотомель, Каневское, Пастырское, Рюриково, Сарское, Изборское (Труворово), Ладожское.⁴³ Исследователь не исключает, что подобным центром мог быть и Киев, “хотя, — добавляет Седов — осязательных археологических слоев этого протогорода при его раскопках пока выявить не удалось”.⁴⁴

В.В.Седов не уточняет, в какой степени можно считать “племенными центрами” такие населенные пункты, которые с самого начала охотно принимали в состав своего населения иноплеменников и были пестрыми в этническом отношении.⁴⁵ Остался без ответа вопрос о том, какую роль играли в процессе становления города на основе такого племенного центра принятые в состав его общины иноплеменники. Не приводит исследователь и достаточно убедительных критериев, по которым можно было бы отличить племенной центр (то есть — центр племени), принимавший иноплеменников, от многоэтничного поселения, не являвшегося племенным центром. Оставляя пока открытыми все эти вопросы подчеркну главное: В.В.Седов допускает возможность двух путей развития средневекового города на Руси — на основе племенных центров догосударственной поры и из многоэтничных поселений — считая протогородами и те, и другие.

Перечисляя древнейшие русские города, возникшие, по данным письменных источников, ранее X в., В.В.Седов подчеркивает, что большинство из них (Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Изборск, Белоозеро, Ростов, Муром) располагались в ареалах расселения восточно-славянских племен и их соседей, являясь в догосудар-

38 Седов В.В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии, т.1, вып.1, М., 1987, с.12-31; см. также: Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989, с.38-46.

39 Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / Археология СССР, т.14, М., 1982.

40 Седов В.В. Начало городов..., с.12-13. Делая этот вывод, Седов опирается на тезисы докладов М.Ю.Брайчевского, С.А.Таракановой и Н.Н.Воронина, опубликованные в 1951 г., а также на статью Е.И.Горюновой, изданную в 1955 г., см.: Брайчевский М.Ю. К происхождению древнерусских городов (города Среднего Поднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII-IX вв. н.э. по полевым данным последних лет) // КСИИМК, 1951, № XLI, с. 32-33; Тараканова С.А. К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИИМК, 1951, № XLI, с. 30-31; Воронин Н.Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК, 1951, № XLI, с.14; Горюнова Е.И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК, 1955, № 59, с.11-21.

41 Седов В.В. Начало городов..., с.24.

42 Там же, с.17.

43 Впрочем, В.В.Седов оговаривает, что поселение в Ладого принадлежит к числу внеплеменных (Седов В.В. Начало городов..., с.15).

44 Седов В.В. Начало городов..., с.15.

45 Там же, с.17.

ственный период племенными центрами (в трех случаях — Белоозеро/весь, Ростов/меря, Муром/мурома — неславянскими). И только два города, входящие в список древнейших летописных городов Руси — Ладога и Любеч — были, по мнению Седова, городами неплеменного происхождения.⁴⁶ Часть городов, упомянутых в летописи в X в., В.В.Седов также в предположительной форме связывает с развитием племенных центров более раннего времени: Искоростень/древляне, Туров/дреговичи, Перемышль/хорваты, Пересечен/уличи, Чернигов/северяне. Правда, исследователь оговаривает, что “конкретных данных археологии для изучения условий возникновения этих городов пока нет”, но допускает возможность того, что “где-то на месте этих городов имелись административно-культурные поселения — центры восточно-славянских племенных объединений”.⁴⁷

Если бы данная модель происхождения древнерусского города получила аргументацию на археологическом материале, то можно было бы признать справедливым и конечный вывод: “Основным на этом этапе градообразования (IX — первая половина X в.) была эволюция племенных центров в раннефеодальные города”.⁴⁸ По сути дела, общие представления Седова в этом случае сомкнулись бы с представлениями Лебедева, Булкина и Дубова, также признающими в качестве основного пути градообразования на Руси эволюцию в средневековые города догородских племенных центров.⁴⁹

Но, к сожалению, ни один из перечисленных в докладе В.В.Седова племенных центров не был подвергнут исследователем детальному анализу (кроме Изборска — центра псковской ветви кривичей, по мнению В.В.Седова).⁵⁰ Все центры, эволюционировавшие, по В.В.Седову, в средневековые города, исследователь считает племенными, ориентируясь на сведения летописи о существовании у восточных славян “племенных княжений”.

Выше я отмечал, что по крайней мере для части городов, проходивших, согласно версии В.В.Седова, племенной путь развития, археологические материалы не дают оснований для такого заключения: фиксируются не племенные центры, постепенно эволюционирующие в средневековые города, а пары городов (Сарское городище/Ростов, Гнездово/Смоленск, Полоцкое городище/Полоцк, Рюриково городище/Новгород), состоявшие из протогорода и сменившего последний раннефеодального города. Как будто бы, и для других городов, перечисленных Седовым среди городов, прошедших племенной путь развития, проследить перерастание “племенного центра” в средневековый город не удастся. Городу Белоозеру,⁵¹ как теперь можно считать установленным,⁵² предшествовал центр у с.Городище; древнерусский город, на протяжении ряда лет исследовавшийся Л.А.Голубевой, являлся раннефеодальным горо-

46 Там же, с.17-24.

47 Там же, с.24. Кстати говоря, в самое недавнее время соответствие города Турова “племенн” дреговичей основательно поставил под сомнение В.А.Кучкин, см.: Кучкин В.А. Дреговичи в X -- начале XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1996, с.44.

48 Там же.

49 Основное отличие в моделях заключалось бы в следующем: Седов оставляет за многоэтничными поселениями (типа Ладоги, по Седову, то есть — типа ОТПП по Лебедеву с соавторами) право на перерастание в средневековые города, в то время как петербургские археологи убеждены в тупиковом характере развития внеплеменных центров типа ОТПП.

50 Седов В.В. Начало городов..., с.15-17, 22-24; он же. Восточные славяне..., с.236-247.

51 Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М., 1973.

52 Сухов П.А. Славянское городище IX-X вв. в южном Белозерье // МИА, 1941, № 6; Дубов И.В. Города, величеством сияющие, с.29; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986, с.207; Голубева Л.А. Весь, скандинавы и славяне в X-XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979, с.131-137; она же. Новые скандинавские находки на Белоозере // ТД VIII СК, Петрозаводск, 1979, с.186-187.

дом, входившим в пару Городище/Белоозеро и сменившим во времени и в пространстве протогородской центр более раннего времени. Не все ясно с Муромом. С городом, упомянутым в летописи в связи с событиями 60-х годов IX в., обычно принято соотносить поселение на месте кремля,⁵³ где открыты отложения культурного слоя с материалами дьяковской культуры. Однако раскопками 1982-1983 гг. установлено, что отложения древнерусского времени ранее XI в. в культурных напластованиях муромского кремля отсутствуют.⁵⁴ К XI в. относится и ядро городского посада в районе ц.Николаы Набережного: слой здесь начинает формироваться “не ранее XI в., а, скорее всего, в середине столетия”.⁵⁵ Как соотносится древнерусский город Муром XI-XII вв. с догородским поселением на месте кремля пока не ясно. Но если прав А.А.Спицын, полагавший, что город Муром IX в. находится в стороне от древнерусского города (городище у с.Чаадаево),⁵⁶ то и в этом случае мы сталкиваемся с фактом сосуществования “пары городов”. Разумеется, ситуация с возникновением Мурома требует проверки, но это означает также невозможность уверенно утверждать для Мурома племенной путь становления города. На других городах, перечисленных В.В.Седовым среди древнерусских городов, проходивших племенной путь становления (Искоростень, Туров, Перемышль, Пересечен, Чернигов) останавливаться не буду: сам Седов отмечает, что “конкретных данных археологии для изучения условий возникновения этих городов пока нет”.⁵⁷

Таким образом, единственным аргументом В.В.Седова в пользу вывода о племенном пути возникновения древнерусских городов остаются материалы раскопок Изборского (т.н. “Труворова”) городища. Однако, характеризуя их, исследователь допускает, что “Изборское городище не является характерным эталонным памятником среди множества подобных городов Восточной Европы”,⁵⁸ так что проецировать выводы, сделанные при анализе материалов раскопок Труворова городища на другие памятники Восточной Европы можно только с очень серьезными оговорками. Для меня, кстати говоря, остается загадкой — о каком “множестве” племенных городов, эволюционировавших в средневековые города, идет речь. Если В.В.Седов имеет ввиду перечисленные в докладе поселения второй половины I тысячелетия по Р.Х. (Зимно, Хотомель, Добриновское и др.), то в средневековые города эти поселения не перерастают, и это само по себе примечательно. Так что, если Труворово городище действительно являет собой пример эволюционного перерастания протогородского племенного центра в средневековый город, как это утверждает В.В.Седов, то среди археологически исследованных древнерусских городов Изборск окажется исключением, а не правилом.

Все сказанное позволяет утверждать, что в докладе В.В.Седова, как и в коллективной монографии Г.С.Лебедева, В.А.Булкина и И.В.Дубова, убедительные археологические доказательства типичности и прочности племенного пути становления средневекового русского города не приведены. Конечный же вывод о том, что племенной путь развития городов на Руси является основным и наиболее распространенным, сформулирован В.В.Седовым из общих соображений.

Представляется, что в попытках наметить магистральные пути становления средневекового города в землях Восточной Европы исследователи — как историки, так и археологи — на протяжении многих десятилетий исходят (осознанно или, что, по-видимому, бывает чаще — неосознанно) из априорно поставленной задачи:

53 Воронин Н.Н. Муромская экспедиция // КСИИМК, 1947, № XXI, с.136-139.

54 Чалых Н.Е. Археологическое изучение Мурома // АИП, 1985, [№ 5], с.53.

55 Там же.

56 Спицын А.А. Древности бассейнов Оки и Камы // МАР, 1901, № 25, с.52.

57 Седов В.В. Начало городов..., с.24.

58 Там же, с.15.

любыми путями отыскать в недрах родового строя восточных славян исторические корни древнейших русских городов. Не случайно, наверное, В.В.Седов в том же самом, уже многократно цитированном докладе специально подчеркивал, комментируя факт упоминания среди древнейших русских городов Белоозера, Ростова и Муром: “Правда, здесь имело место подселение славян”.⁵⁹ И, как бы оправдываясь, добавлял: “Эти города отнесены уже к числу русских”.⁶⁰ Что значит “русских”? “Ославяненных”, так что ли? Без “подселения славян”, стало быть, процесс градообразования в пределах державы Рюриковичей оказывается невозможен? Ну, а если окажутся вдруг правы оппоненты В.В.Седова, и древнейшие археологические слои на Труворовом городище, соотнесенные Седовым со славянами-кривичами (носителями культуры длинных курганов) будут признаны неславянскими (балтскими? финскими?), тогда что же — изменится оценка уровня социального развития общины (протогородской центр, по В.В.Седову), жившей на этом поселении? Или здесь придется искать свидетельства “подселения славян”?

Сходную с В.В.Седовым позицию на V Международном конгрессе славянской археологии занимал Д.А.Авдусин. Однако в его докладе убежденность в том, что процесс градообразования в лесной зоне Восточной Европы связан исключительно с появлением славян, высказана со значительно большей последовательностью и определенностью. Авдусин утверждал, что в лесной зоне Восточной Европы города возникали только там и тогда, где и когда появлялись славяне. Славяне, по мнению Д.А.Авдусина, продвигались с юга на север “достаточно быстро и, скорее всего, малыми группами”.⁶¹ Они осваивали “под поселения не только незаселенные территории, но и земли, занятые местным населением”.⁶² При этом “быт местных поселков очень быстро сменялся славянским”,⁶³ а сами аборигены оказывались настолько подавлены славянами, что уже не представляли “собой явления, заметно влиявшего на характер города”.⁶⁴ Иными словами, согласно версии Д.А.Авдусина, аборигены лесной зоны Восточной Европы только и ожидали прихода “малых групп славян”, чтобы быстро и не без удовольствия ассимилироваться.

Основным аргументом Д.А.Авдусина в защиту тезиса о славянском характере древнейших городов в лесной зоне Восточной Европы является, как будто бы, довод социально-экономического характера — убежденность автора в том, что “на поселениях аборигенов еще не сложились социальные и хозяйственные условия для превращения их в города”.⁶⁵ Нижние слои Труворова городища, в частности, Авдусин считает “балтскими”, опираясь на вывод Седова о проживании на Труворовом городище населения, насыпавшего длинные курганы⁶⁶ и следуя “Е.А.Шмидту, утверждавшему балтский субстрат населения культуры длинных курганов и лишь последующую их славянизацию”.⁶⁷

Казалось бы, в такой ситуации следовало бы детально остановиться на признаках, которые легли в основу вывода В.В. Седова о протогородском характере поселения на Труворовом городище: достаточны или же недостаточны эти признаки для опре-

59 Там же, с.22.

60 Там же.

61 Авдусин Д.А. Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.1, вып. 2-а, М., 1987, с.8.

62 Там же, с.10.

63 Там же.

64 Там же. с.10-11.

65 Там же. с.10.

66 Там же. с.9.

67 Дискуссия по докладам // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.1, вып.2-б, М., 1987, с.163.

деления уровня социального развития данной общины. Однако спор между Седовым и Авдусиным разгорелся вокруг вопроса о том, “балтские” или же “славянские” элементы характеризуют нижний слой памятника.⁶⁸ Получается, что основным в дискуссии стал вопрос об этно-языковой принадлежности жителей поселка, и именно от определения славяне или же неславяне жили в Изборске зависит само решение проблемы — сложились или же не сложились здесь условия для формирования протогородского центра. Не случайно Д.А.Авдусин подчеркивал: “Нельзя говорить об образовании городов, не охарактеризовав среду, в которой они образуются”.⁶⁹ Этот вывод был бы совершенно справедлив, если бы требуемая характеристика среды была социально-экономической, а не сводилась к этно-языковой.

Таким образом, попытка обобщить данные археологии по проблеме начальной истории древнерусского города, предпринятая В.В.Седовым, представляется мне неудачной. И в этом отношении я не могу согласиться с Г.С.Лебедевым, отмечавшим в дискуссии: “В.В.Седов предложил убедительную периодизацию процесса развития городов”.⁷⁰ Справедливо выделение в качестве самостоятельной эпохи существования племенных центров, предшествовавшей эпохе возникновения древнерусских городов и в значительной степени подготовившей последнюю. Однако вопрос о том, как соотносятся племенные центры с раннефеодальными городами и в каком отношении племенные центры находятся к центрам внеплеменным, а последние — к раннефеодальным городам, остался в обобщающем докладе В.В.Седова не только не решен, но даже не поставлен.

В настоящее время вряд ли найдется исследователь, способный всерьез оспорить факт существования в землях восточных славян и их соседей догородских центров, заселенных, по-преимуществу несельскохозяйственным населением. Очевидно и то, что именно существование предпосылок для окончательного отделения ремесла от сельского хозяйства подготовило почву для крушения родового строя и перехода к общественным отношениям, основанным на имущественной дифференциации и социальной стратификации населения. Однако серьезной ошибкой, на мой взгляд, являются попытки свести социальные процессы, протекавшие в обществе и материализовавшиеся, в частности, в процессе градообразования и сложения государственности, к сугубо этническим процессам, в том числе — к поискам истоков средневекового русского города в племенном строе восточных славян. Отсюда получается картина, оторванная от закономерностей исторического развития: если “племенной центр”, то — обязательно “славянский”, если “неславянский”, то — “с подселением славян”, а если славян нет, то и “социальные и хозяйственные условия для превращения в город отсутствуют”.

Теоретически перерастание племенных центров восточных славян в средневековые русские города, естественно, исключать не приходится. Более того, мне этот путь становления древнерусского города представляется, в конечном счете, вполне вероятным. Но подчеркну: отнюдь не “племенной путь” становления городов на Руси являлся основным. Городища роменской культуры, например, вплотную приблизившиеся к тому порогу, за которым уже начинается собственно древнерусский город, так и не стали городами,⁷¹ погибая в период окняжения территорий. Равным образом, большинство славянских общинных центров Буковины, находящейся “в стороне от разного рода миграций”,⁷² “около рубежа IX-X вв. ... внезапно прекращает свое

68 Там же. с. 158, 159, 163, 164.

69 Там же, с.163.

70 Там же. с.155.

71 Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981, с.6-39.

72 Тимошук Б.А. Общинный строй восточных славян VI-X вв. (по археологическим данным Северной Буковины) / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1983; он же. Восточнославянская община VI-X вв.

существование”,⁷³ и “древними феодальными центрами” здесь “оказались города — княжеские крепости, строительство которых на территории Буковины началось около рубежа IX-X вв.”⁷⁴ Даже Ревнянское поселение, на примере которого Б.А.Тимошук прослеживает перерастание “общинного центра” в раннефеодальный город,⁷⁵ на рубеже IX-X вв. переживает крупное потрясение, “когда на месте сожженного убежища была построена княжеская крепость”.⁷⁶

Путь становления средневекового города на Буковине вряд ли подкрепляет версию происхождения средневековых русских городов путем эволюции восточнославянских племенных центров. Д.А.Авдусин был убежден в том, что Б.А.Тимошук удалось показать “на археологических материалах процесс перехода от родовых поселков через промежуточные формы к поселениям соседской общины, к дружинным и городским поселениям”.⁷⁷ Действительно, Тимошук писал о том, что ремесленные поселения славян Буковины при благоприятных условиях становятся торгово-ремесленными посадами раннефеодальных городов, а поселения профессиональных воинов при благоприятных условиях становятся детинцами раннефеодальных городов.⁷⁸ Однако на практике этот путь остался нереализованным.⁷⁹

Значительно более существенным представляется появление в землях восточных славян и их соседей в период зарождения государственности протогородских поселений, характерной особенностью которых является этническая пестрота населения. Обозначая такие населенные пункты как “открытые торгово-ремесленные поселения”, Г.С.Лебедев с соавторами ставили во главу угла внешний облик археологических памятников, характеризующийся отсутствием, либо незначительными размерами укрепленной части при обширном неукрепленном предместье. Разумеется, такая чисто археологическая характеристика оказалась достаточно удобной для сопоставления ОТПП как между собой, так и с памятниками окрестностей.⁸⁰ Однако для социально-экономической характеристики центров и выяснения их международного значения наименование “открытые торгово-ремесленные поселения” не слишком удачно. Наиболее существенным является “надплеменное значение как самих центров, так и, прежде всего, вызревающих в них общественных сил и групп”⁸¹ Именно надплеменной (внеплеменной) характер центров (независимо от конкретного облика археологического комплекса, обусловленного, зачастую, особенностями конкретной ландшафтной приуроченности населенного пункта) способствовал интенсивному процессу вызревания новых форм социальной общности.⁸² И именно благодаря своему внеплеменному характеру поселения типа ОТПП действительно явились катализатором новых общественных функций.⁸³ Община внеплеменного центра,

н.э. М., 1990.

73 Тимошук Б.А. Общинный строй..., с.22.

74 Там же.

75 Там же, с.32.

76 Там же, с.33.

77 Авдусин Д.А. Образование древнерусских городов..., с.6.

78 Тимошук Б.А. Общинный строй..., с.32.

79 Кстати, последнее был вынужден признать и Д.А. Авдусин, отмечавший, что “зафиксированная (Тимошук — С.Б.) ситуация позволяет в деталях исследовать процесс становления городских центров, прекративших свое существование на промежуточном этапе, не достигших конечного уровня развития”, см.: Авдусин Д.А. Образование древнерусских городов..., с.6.

80 Булкин В.А., Дубов и.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.139.

81 Там же.

82 Там же.

83 Там же.

характеризующаяся этнической пестротой, не была скована тесными родовыми связями с округой — связями, препятствовавшими развитию общественных отношений.⁸⁴ Поэтому более точным и более полно отвечающим функциям и значению подобных центров представляется наименование “внеплеменные торгово-ремесленные поселения” (ВТРП).

Оторванность ВТРП от сельского хозяйства, то есть — от непосредственного производства продуктов питания, дифференциация жителей по профессиональной занятости, социальная стратификация общины, имущественное неравенство отдельных ее членов, процесс формирования новых форм социальной общности — все эти признаки соответствуют социально-экономическому значению понятия *город*.⁸⁵ Признавая справедливым соотношение по преобладающим характеристикам восточно-европейских ВТРП с северо-европейскими виками и балтийско-славянскими “торговыми местами”,⁸⁶ можно расценивать ВТРП в качестве древнейших поселений городского типа в землях восточных славян и их соседей. Вряд ли к этим поселениям применимо понятие протогород, широко распространенное в литературе. Точнее представляется обозначение их, в соответствии с периодизацией и терминологией Г.Янкуна, как *городов старшего типа*.

Безусловно, многие признаки, характеризующие ВТРП, сближают эти центры с общинными племенными центрами типа Зимно или Хотомель. В последних также фиксируются и процесс профессиональной дифференциации, и социальное расслоение общины. Однако там все эти процессы протекали в условиях существования общинных отношений, крепко спаянных родственными узами. Не случайно, наверное, при археологических раскопках подобных общинных центров не удается зафиксировать отчетливых свидетельств имущественной дифференциации населения ни по типам жилищ, ни по специфическому составу находок, ни по особенностям погребального обряда, характеризующего некрополи общин. На это указывали, ссылаясь на наблюдения И.И.Ляпушкина,⁸⁷ В.В.Мавродин и И.Я.Фроянов.⁸⁸ В работе В.В.Седова, написанной четверть века спустя после исследований И.И.Ляпушкина, археологических свидетельств в пользу гипотезу об имущественном и социальном расслоении восточно-славянской общины привести не удалось,⁸⁹ и исследователь был вынужден опираться на выборочно использованные сведения письменных источников.

Конечно, имущественное неравенство между верхушкой племени и основной массой свободных общинников должно было иметь (и, вероятно, имело) место: об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют находки на поселениях единичных предметов из драгоценных металлов. Однако внутренний обмен, зажатый в тисках родовых отношений, как и внешний обмен, производимый не отдельными членами племени, а общиной в целом (хотя бы и в лице племенной знати), тормозили развитие общества и консервировали сложившуюся систему общественных отношений.

Разумеется, при наличии необходимых условий, племенные центры теоретически могли перерасти в раннефеодальные города. Но вот условий-то для такого перерастания и не оказалось. Сосуществуя с городами старшего типа, протогородские племенные центры, фактически, оказались отрезаны от прямого выхода на внешний рынок: функции посреднической торговли были сконцентрированы в ВТРП. А для

84 Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах..., с.7-15.

85 Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР, т.15, М., 1985, с.51.

86 Лебедев Г.С. Эпоха викингов..., с.100-119.

87 Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА, 1968, № 152.

88 Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах..., с.12.

89 Седов В.В. Восточные славяне..., с.236-247.

формирования внутреннего рынка препятствием стали тесные кровнородственные связи внутри общины. Именно поэтому, на мой взгляд, потенциальные возможности племенных центров оказались, в конечном счете, нереализованными.

Повсеместная смена как протогородских центров, так и городов старшего типа раннефеодальными городами (их, вслед за Г.Янкуном, можно обозначить как *города младшего типа*), происходившая на этапе окняжения государственной территории и зафиксированная, с одной стороны, существованием пар городов, а с другой стороны — гибелью протогородских центров, является вполне естественной в развитии общества на завершающем этапе перехода к новой системе общественных отношений. Аналогичная картина прослеживается и в Скандинавии, и в землях балтийских славян: и вики, и торговые места заменяются здесь городами младшего типа, то есть — теми населенными пунктами, которые продолжили развитие во времени и в пространстве и стали в конечном счете средневековыми правовыми городами.⁹⁰

Показательным в этой связи является тот факт, что в большинстве случаев замена ВТРП городами младшего типа происходила путем постепенного вытеснения старого центра новым, когда старый центр угасал, а новый разрастался. Катаклизмы, сопровождавшие “перенос города” — явление достаточно редкое. В то же время прекращение функционирования протогородских племенных центров насильственным путем — это повсеместное явление при окняжении территорий. Полагаю, что такое различие в судьбах между протогородами и городами старшего типа естественным образом вытекает из различий между ними по преобладающим функциям: для городов старшего типа определяющими являлись социально-экономические функции, для протогородских племенных центров — функции административно-политические и культовые. С уничтожением старых племенных центров происходила ломка старой административно-политической системы. Необходимость такого акта диктовалась самой процедурой окняжения территорий, включаемых в пределы государственной юрисдикции. Ликвидировав старые административные центры и приняв на себя их функции в пределах округа, города младшего типа, в то же самое время, начинали контролировать и социально-экономические процессы, взяв эти процессы (в том числе — товарообмен) под контроль новой для округа администрации. Необходимость существования в пределах округа города старшего типа, таким образом, отпадала, что и приводило к постепенному затуханию ВТРП.

Иначе чем борьбой старого и нового общественного строя все это объяснить не удастся. И в этом отношении показательным, что В.В.Мавродин и И.Я.Фроянов, убедительно продемонстрировавшие то, как родовой строй сковывал развитие общественных отношений,⁹¹ не решились сделать вывод, следующий из их собственных рассуждений: города возникают только после крушения родового строя, а потому — совершенно не обязательно искать исторические корни древнейших русских городов в племенных центрах догосударственной поры. Напротив, конечный вывод исследователей: “Первые русские города вышли из племенных центров”,⁹² — вступает в противоречие со всем основным содержанием статьи. Вот уж воистину: “Новому вину — новые мехи”.⁹³

90 Херрманн Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986, с.86-89.; Лебедев Г.С. Эпоха викингов..., с.105.

91 Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах...

92 Там же, с.15.

93 Там же, с.12. Цитированная фраза В.В.Мавродина и И.Я.Фроянова, является, по-видимому, афористичной передачей евангельского текста: “Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то, и другое” (Матф., гл.9, ст.17).

ИЗБОРСК ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ И ТРУВОРОВО ГОРОДИЩЕ (проблема соотношения)¹

В предыдущей главе отмечалось, что путь формирования средневекового русского города Изборска, если он правильно реконструирован В.В.Седовым, будет скорее исключением нежели правилом в общей картине возникновения городов на Руси. Действительно, ситуация, сложившаяся в Нижнем Повеличье и прилегающих районах побережья Псковско-Чудского озера, заметно отличается от других регионов древнерусского государства. Здесь на расстоянии немногим более 30 км друг от друга расположены два средневековых города — Псков и Изборск, — не прошедшие, по мнению большинства исследователей, этапа “переноса города”. Древнейшее поселение на месте Пскова занимало площадку Псковского городища, и именно Псковское городище со временем превратилось в детинец средневековой псковской крепости. Такая же картина, как будто бы, фиксируется и по результатам раскопок Изборска: Труворово городище, на площадке которого размещался крупный протогородской центр последней четверти I тысячелетия по Р.Х., позднее стало детинцем древнерусского города Изборска. Именно Изборск приводят исследователи в качестве примера типичного развития средневекового города из племенного центра догородской и догосударственной поры.² Этот же вывод обычно адресуют и Пскову.³

Уже сам факт одновременного существования в пределах одного микрорегиона двух крупных “племенных центров”, ставших со временем древнерусскими городами, наводит на мысль о том, что в данном случае “что-то не так”. Не случайно, наверное, В.В.Седов в своих последних работах обходит молчанием традиционную для историографии версию “Псков — племенной город, центр племени псковских кривичей”,⁴ сосредоточив внимание на версии “Изборск — племенной город, центр племени псковских кривичей”.⁵ Действительно, второго подобного случая на территории

- 1 В сокращенном виде глава опубликована, см.: Белецкий С.В. Изборск “Варяжской легенды” и Труворово городище (проблема соотношения) // С.С.С.Р., ПАВ, № 6, 1993, с.112-114.
- 2 Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф.Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // ВЛУ, 1970, № 20, с.14.
- 3 Тараканова С.А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК, 1950, № 35; она же. К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИИМК, 1951, № 41; Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX-XIII вв. М., 1966, с.132; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л., 1978, с.138-139.
- 4 Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956, с.388-390.
- 5 Седов В.В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.I, вып.1, М., 1987; он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. / Археология СССР, т.13, М., 1982,

древней Руси мне обнаружить не удалось. Широко известные пары городов типа Гнездово/Смоленск или Тимерево/Ярославль всегда при ближайшем рассмотрении оказываются асинхронными, а период их сосуществования исчисляется поколением жителей. Для пары городов Псков/Изборск подобное объяснение, как будто бы, вступает в противоречие с установленным по материалам многолетних раскопок длительным сосуществованием населенных пунктов. И, следовательно, сводить объяснение пары городов Псков/Изборск к переносу города, то есть — к постепенному затуханию одного и одновременному усилению другого поселения явно недостаточно. Но уместно задать вопрос — а справедливо ли отождествление названного в летописи среди древнейших русских городов Изборска с поселением в черте д. Старый Изборск под Псковом?

Проблема локализации Изборска, впервые упомянутого в летописи в контексте рассказа о призвании варягов, до недавнего времени не принадлежала к числу дискуссионных. Соответствие летописного Изборска поселению близ Пскова для отечественной историографии традиционно — оно было очевидно уже летописцу XVII в., записавшему: “Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок псковский, а тогда был в кривичех болший город”.⁶ Все исследователи сходились в том, что город Изборск IX в. находился в черте д. Старый Изборск Печорского р-на Псковской обл., а детинцем его в IX-X вв. (и позднее — до XIV в.) являлось т.н. “Труворово городище” на северной окраине деревни. Эта же локализация принята и В.В.Седовым, под руководством которого с 1971 г. проводятся раскопки на площадке Труворова городища. Именно благодаря работам В.В.Седова локализация Изборска варяжской легенды получила “вторую жизнь” и вошла в подавляющее большинство сводных работ по истории древней Руси.⁷

Кажется, Д.А.Мачинский первым усомнился в достоверности локализации Изборска IX-X вв. именно на Труворовом городище. “То городище, которое ныне отождествляют с древним Изборском, находится не в бассейне Великой, а у истоков ничтожной речушки, впадающей в Псковское озеро. Трудно предположить, что центр, где осели варяго-русы (Трувор), находился в стороне от важных водных путей, тем более, что определенная группа источников связывает Изборск-Исборг и с именем княгини Ольги-Хельги... Место происхождения Ольги связано с Великой. Может быть, на месте погоста Выбуты и был древнейший Изборск-Исборг?” — писал исследователь, не исключая, впрочем, что — “первичный Изборск находился и еще южнее..., у впадения в Великую Исы, Сороти или Синеи”.⁸

Как бы неожиданна ни была гипотеза Мачинского, она, вне всякого сомнения, нуждалась во внимании. Это, однако не произошло, и результаты раскопок Труворова городища продолжали подаваться в литературе в качестве источника для воссоздания истории древнерусского города Изборска.⁹ К сожалению, сами материалы раскопок при этом почти не публиковались, так что степень аргументированности выводов фактическим материалом продолжала оставаться не обнародованной.

Между тем, даже из предварительных публикаций материалов раскопок памятника

с.56,57; он же. Становление европейского раннесредневекового города. // Становление европейского раннесредневекового города. М., 1989, с.41.

6 Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950, с.20.

7 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники..., с.83-85; Древняя Русь. Город, замок. село / Археология СССР, т.15, М., 1985, с.23; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985, с.222,223; Куза А.В. Малые города древней Руси. М., 1989, с.108-109.

8 Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986, с.20,21.

9 Седов В.В. Становление..., с.41.

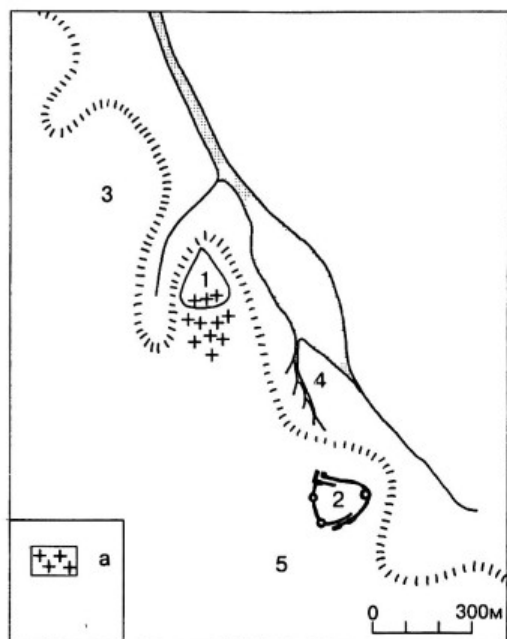

Рис. 1. Схема расположения памятников в д. Старый Изборск. 1 — Труворово городище; 2 — крепость на Жеравьей горе; 3 — урочище "Словенское поле"; 4 — "Славянские" ("Святые", "Ольгинские") ключи; 5 — урочище "Скудельня". а — кладбище

Второй — основной — слой представлен отложениями серого и серо-коричневого цвета с прослойками глины, песка, золы, угля, включениями угольков и частиц прокаленной почвы. Он достигает 1,8-2 м и во многих местах лежит на материке. В основании его пятнами прослежены остатки третьего — предматерикового — слоя: темная до черного гумусированная супесь мощностью 0,05-0,25 м с обильным включением угля. Остатки предматерикового слоя сохранились и под насыпью вала.

Важнейшей характеристикой культурного слоя Труворова городища являются фрагменты керамики.¹¹ Из нижнего слоя происходят исключительно обломки лепных сосудов VIII-IX вв. Основу керамического набора — более 60%¹² — составляют сосуды, находящие себе соответствие в славянских древностях южного побережья Балтийского моря (рис.2).¹³ Однако более 30% керамики нижнего слоя представлено

10 Материалы раскопок последующего времени остались не осмотрены.

11 Воспроизведенные в таблицах графические реконструкции сосудов выполнены автором в полевых условиях в 1973-1980 гг. и сведены в таблицы "Керамического альбома" (хранится в архиве Изборской экспедиции ИА РАН). Пользуюсь случаем поблагодарить В.В.Седова, предоставившего мне возможность принимать участие в работах Изборской экспедиции, обрабатывать коллекции керамики из раскопок Труворова городища, использовать эти материалы в диссертации (Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979, с.3-17) и опубликовать в настоящей работе реконструкции сосудов из раскопок на Труворовом городище.

12 Количественные характеристики даны в подсчетах автора.

13 Седов В.В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА, 1978, № 155, с.63-67, рис.1; он же. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с.134-139, рис.26,29; он же. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА, 1975, № 144, с.69.

можно подчерпнуть информацию, заметно противоречащую существующей в литературе версии происхождения города Изборска. По-видимому, для оценки достоверности существующих выводов следует обратиться к первоисточнику.

Труворово городище находится в 0,3 км к север-северо-западу от д. Старый Изборск, близ кладбища (рис.1), занимает мыс коренного берега оз.Городищенское при впадении в пойму озера глубокого оврага, по дну которого протекает безымянный пересыхающий ручей. Высота площадки городища над поймой 38-40 м. Площадка подтреугольная в плане, площадью около 1 га. По ее южному краю проходит треугольный в сечении подковообразный в плане вал высотой до 6 м.

Раскопками 1971-1987 гг.¹⁰ площадка городища исследована почти полностью. Установлено, что культурный слой достигает мощности 2,3-2,5 м. Выделяются три стратиграфических слоя. Верхний, в основном совпадающий с дерново-пахотным, на большей части площадки городища не превышает 0,2-0,25 м. Только в юго-восточной части площадки городища этот слой достигает 1 м за счет остатков каменных построек XVI-XVIII вв.

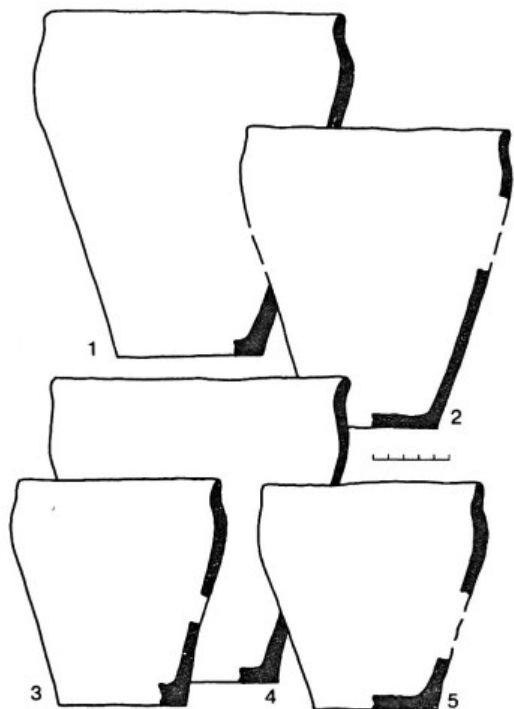

Рис. 2. Лепная керамика Труворова городища.
Кухонная посуда.

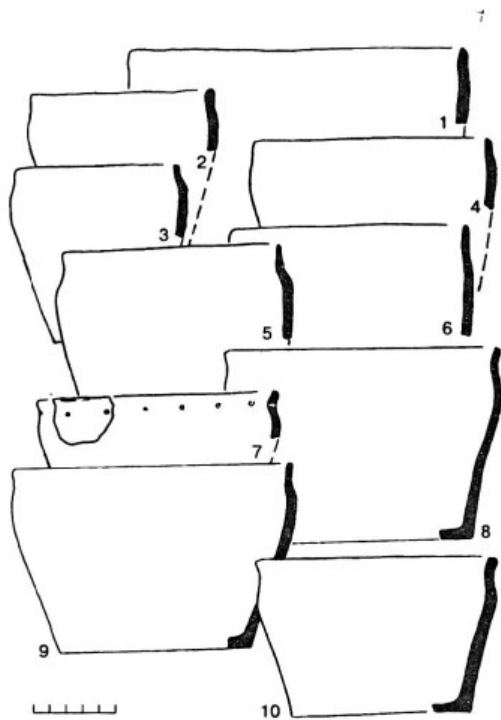

Рис. 3. Лепная керамика Труворова городища.
Кухонная посуда.

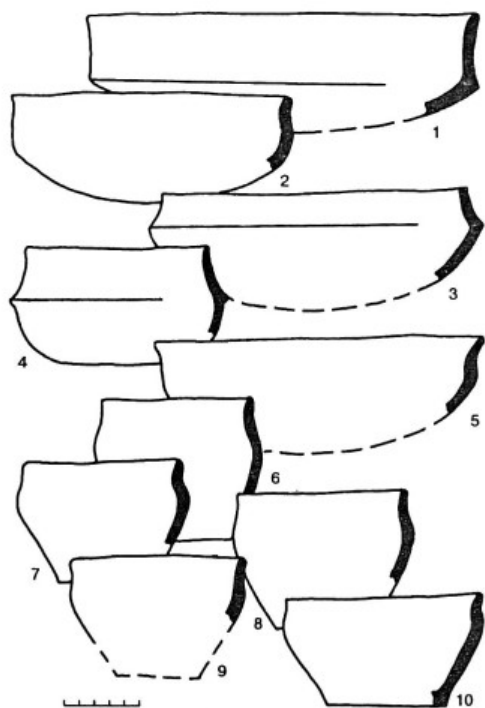

Рис. 4. Лепная керамика Труворова городища.
Столовая посуда.

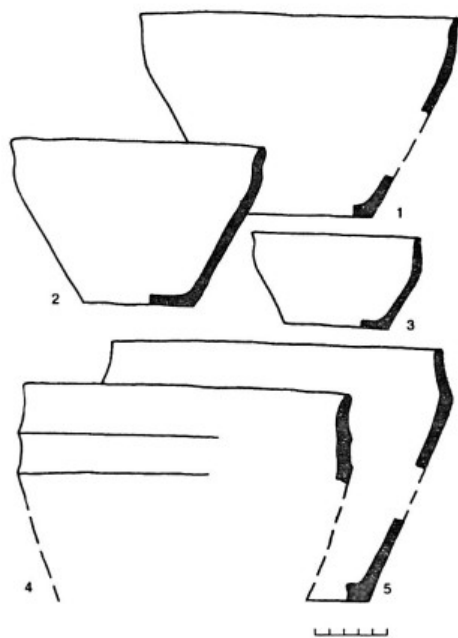

Рис. 5. Лепная керамика Труворова городища.
Кухонная посуда. Редкие типы сосудов.

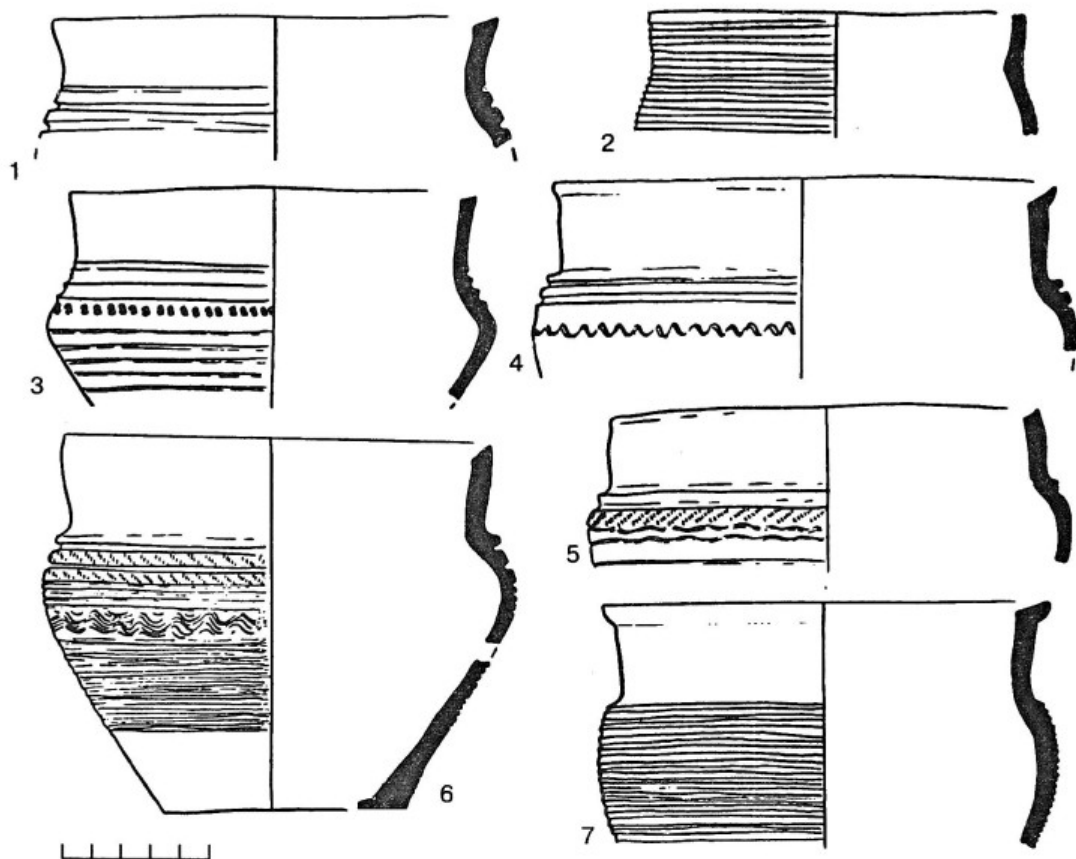

Рис. 6. Круговая керамика XI в. Труворова городища.

фрагментами кухонной и столовой посуды, характерной для памятников типа Камно-Рыуге (рис.3-4),¹⁴ принадлежавших прибалтийско-финскому населению Нижнего Повеличья и Западного Причудья. Прочие типы сосудов представлены на памятнике единичными экземплярами (рис.5).¹⁵ Сочетание находок керамики различного происхождения, бытовавшей на поселение в одно и то же время, дает основание для заключения о достаточно пестром составе жителей поселения: при заметном преобладании иммигрантов среди постоянного населения было, очевидно, немало аборигенов края.

Основной слой городища характеризуют находки круговой керамики XII-XIV вв. (рис.8-10). Отсутствие хронологически промежуточных слоев можно было бы объяснить уничтожением части культурного слоя¹⁶ при насыпке вала городища.¹⁷ По

14 Седов В.В. Лепная керамика..., с.65, рис.2; Белецкий С.В. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА, 1977, № 150, с.92-95; он же. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, 1980, № 160, с.6, рис.3, 5-13; он же. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983.

15 Седов В.В. Лепная керамика..., с.65, рис.1-Б.

16 Там же, с.63; он же. Изборск в 8-10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985, с.119.

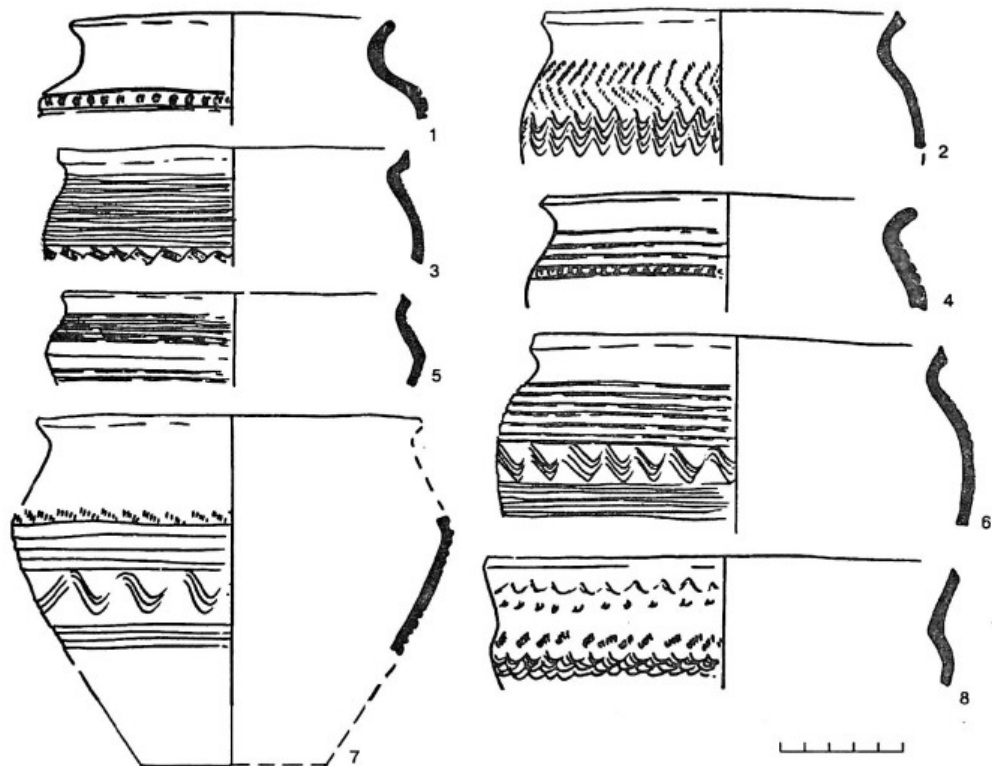

Рис. 7. Круговая керамика XI в. Труворова городища.

отношению к части напластований такое заключение справедливо: единичные фрагменты керамики XI в. (рис.6-7) найдены в насыпи вала и, во взвешенном состоянии, в слоях XII-XIV вв. Кроме того, керамика XI в. найдена во многих материковых ямах, появившихся в результате хозяйственной деятельности населения и фиксирующих на это время достаточно плотную жилую застройку площадки городища

Фрагменты предкруговой и примитивнокруговой керамики конца IX-X вв. (хорошо известной по материалам раскопок в соседнем Пскове) отсутствуют не только на площадке Труворова городища, но и на территории примыкающего к городищу посада.¹⁸ Таким образом, объяснять отсутствие напластований культурного слоя конца IX-X вв. исключительно их уничтожением при позднейших земляных работах, кажется, не приходится.

Верхний слой городища характеризуется находками круговой керамики XVI-XVIII вв. и более позднего времени. Этот слой сформировался в период функционирования на площадке городища Николо-Городищенского монастыря. Слои второй половины XIV — начала XVI вв. отсутствуют, что связано, очевидно, с отсутствием на площадке в это время жилой застройки.

Открытые при раскопках остатки построек и оборонительных сооружений позволяют выявить три основных периода в застройке площадки городища. Древнейший период (VIII-IX вв.) соответствует отложениям нижнего слоя (рис.11). С южной

17 Лопатин Н.В., Яковлев А.В. Исследования вала Изборского городища // АИП, 1990, [вып.11], с.100,101.

18 Гроздилов Г.П. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ, 1965, № 7, с.71,72. Коллекция хранится в фондах Гос.Эрмитажа.

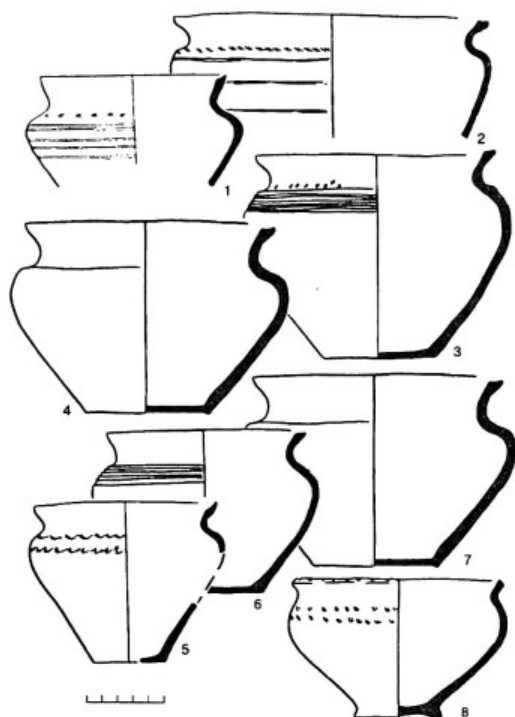

Рис. 8. Круговая керамика XII-XIII в.
Труворова городища.

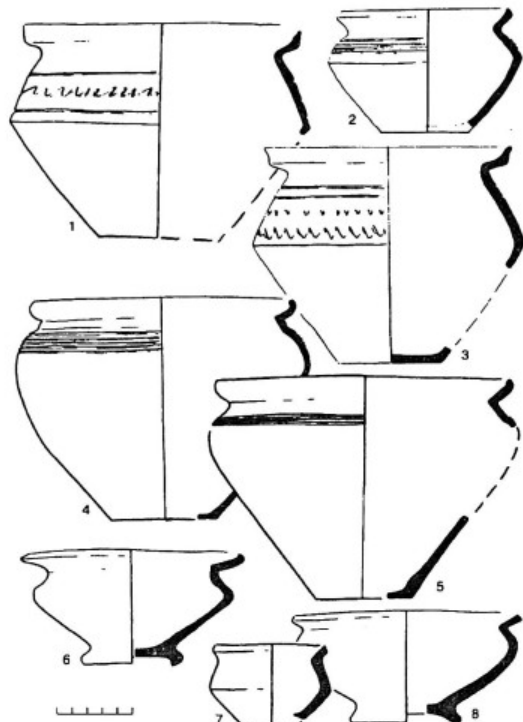

Рис. 9. Круговая керамика XIII-XIV вв.
Труворова городища

напольной стороны городище было в это время укреплено валом из плотной глины. Вал проходил севернее ныне существующего и окружал полукольцом мысовую часть площадки городища (ок. 0,5 га). На мысу также фиксируются остатки вала. В северной части площадки городища В.В.Седов реконструирует незастроенную площадь.¹⁹ Там действительно отсутствуют остатки построек. Однако сохранность нижнего слоя в целом и построек в частности крайне плохая, а отопительные сооружения в основном представлены в виде развалов. Не исключено, что отсутствие следов застройки в мысовой части площадки городища объясняется более интенсивным разрушением нижнего слоя, нежели в центральной и южной частях площадки.

Около трети открытых при раскопках поселения печей и очагов принадлежит к типам, характерным для домостроительства поселений типа Камно-Рыуге,²⁰ а остальные, по мнению В.В.Седова, находят себе соответствие в древностях юго-западной группы славянства.²¹ Возможно, параллели проведены верно. Однако ссылка В.В.Седова на работы В.Г.Котигорошко и П.Доната, приводимая в обоснование этого заключения, вряд ли оправдана: сохранность печей нижнего слоя Труворова городища не настолько хороша, чтобы можно было бы проводить уверенные параллели. Это же относится и к характеристике конструктивных особенностей построек и их интерьеру — типичным, по заключению В.В.Седова, для «северной части восточного славянства средневековой поры».²² Раскопками зафиксированы следы пожара, в котором погибли постройки нижнего слоя городища.²³

19 Седов В.В. Восточные славяне..., с.82, табл.ХVI, 9; он же. Изборск в 8-10 веках, с.122; он же. Начало городов..., с.14, рис.1.

20 Седов В.В. Изборск в 8-10 веках, с.120-122.

21 Седов В.В. Восточные славяне..., с.56; он же. Изборск в 8-10 веках, с.121.

22 Седов В.В. Начало городов..., с.16.

За пределами древнейшего вала застройка была, возможно, более хаотичная, чем в пределах детинца.²⁴ Однако надежно восстановить здесь систему застройки трудно из-за плохой сохранности остатков сооружений и явно недостаточной вскрытой площади. Можно лишь отметить, что фрагменты лепной керамики найдены не только на площадке городища, но и за ее пределами — на плато, отделенном от городища оврагом (так называемое “Словенское поле”). Это позволяет предполагать наличие уже на первом этапе существования поселения застройки не только непосредственно за валом городища, но и на удалении от него (рис.12). Впрочем, сведения о посадах Труворова городища в VIII-IX вв. весьма скудны: работы Изборской экспедиции ИА АН СССР были сосредоточены на изучении площадки городища.

Для второго периода существования поселения (XI и XII? вв.) более или менее отчетливо фиксируется только система оборонительных сооружений городища (рис.13). Мысовая его часть (0,4 га) была окружена по периметру дубовым (?) частоколом, следы которого сохранились в виде материковых канав; в заполнении канав найдены частицы древесного тлена. В центре южной стены детинца прослежены остатки воротного проезда, дошедшие до нас в виде крупных столбовых ям.²⁵ Возможно, в центральной части детинца в это время существует незастроенная площадь, но уверенности в этом нет, как нет уверенности и в застройке детинца жилыми постройками по периметру вдоль частокола:²⁶ напластования слоя этого времени были практически полностью уничтожены при планировочных работах XIII в. Вероятно, именно в XI в. был срыт вал городища VIII-IX вв., не вписывавшийся в новую систему фортификаций. Однако пока нет никаких данных о существовании в XI-XII вв. укреплений на южном краю нынешней площадки городища, как нет данных и о существовании рва в том месте, где он проходит в настоящее время. Поэтому суждение о двучленной (детинец + окольный город) топографической структуре крепости остаются только догадками.²⁷

В третий строительный период (XIII-XIV вв.) полностью меняется система фортификаций городища (рис.14): исчезают укрепления детинца XI-XII вв., а вместо них появляются вал и ров вдоль южного края площадки городища. По гребню вала прослежены остатки каменной крепостной стены. Вероятно, на рубеже XII-XIII в. каменные стены были возведены по всему периметру площадки городища, однако в других местах они перекрыты кладками более позднего времени. Фиксируется не

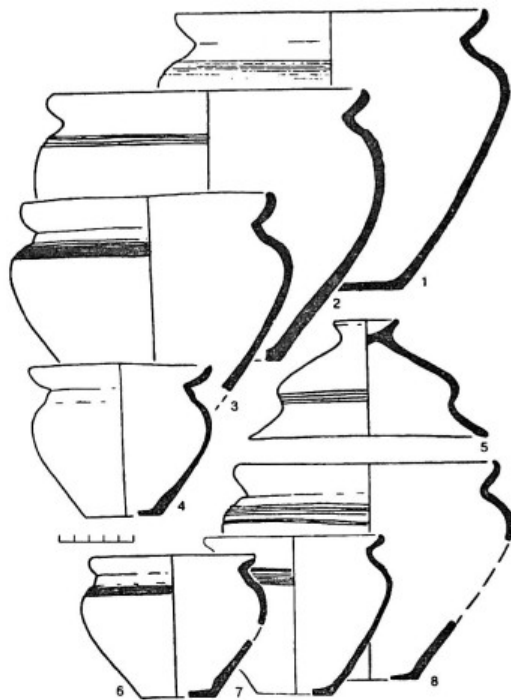

Рис. 10. Круговая керамика XIII-XIV вв. Труворова городища

23 Седов В.В. Раскопки в Изборске..., с.68; он же. Изборск в 8-10 веках, с.119.

24 Там же, с.14, рис.1.

25 Там же, с.23, рис.5.

26 Там же, с.22-23.

27 Там же, с.22-24.

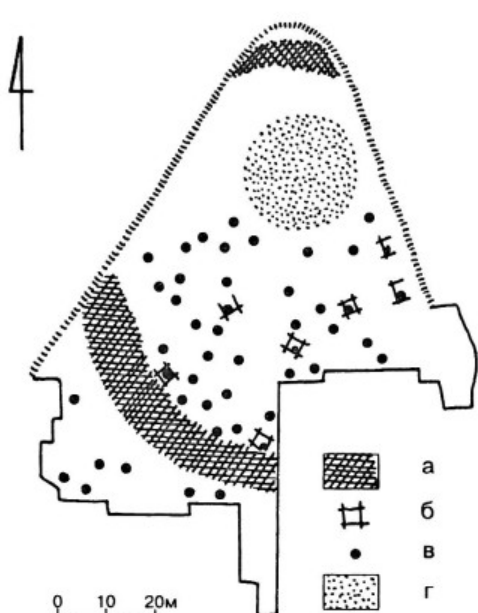

Рис. 11. План поселения VIII-IX вв. на Труворовом городище (по В.В. Седову). а — вал; б — остатки построек; в — отопительные сооружения; г — площадь

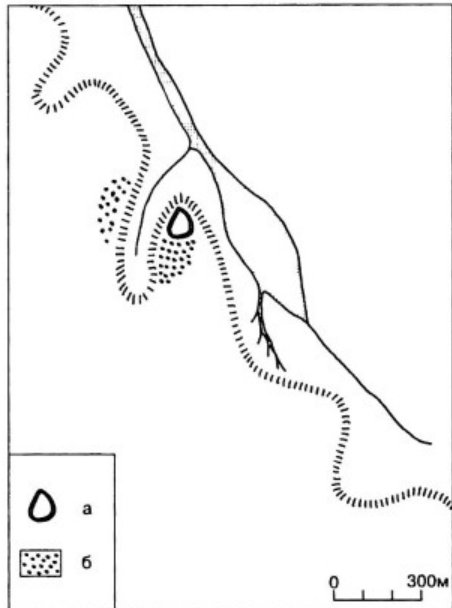

Рис. 12. План-схема поселения VIII-IX вв. в черте д. Старый Изборск. а — укрепленное поселение; б — неукрепленное поселение.

менее двух реконструкций фортификации Труворова городища этого времени. Первая из них связана с досыпкой вала и возведением по его гребню новой каменной стены. Вторая фиксирует досыпку вала до высоты 6 м и сооружение по периметру площадки городища мощных каменных стен. На мысу возводится башня. Ее шестигранная в плане форма наводит на мысль о существовании яруса, возведенного в дереве.

Пространство в пределах укреплений плотно застраивается срубными постройками с дощатыми полами на лагах и печью-каменкой в углу или у стены (напротив входа?). У многих построек прослеживаются два и более периода существования, поэтому можно полагать, что горизонт застройки XIII-XIV вв. существовал стабильным длительное время. Топография построек позволяет, как будто бы, реконструировать следы уличного проезда, ведущего к башне через площадь, свободную от застройки.²⁸

Для второго и третьего периодов имеются более или менее достоверные данные о топографической структуре населенного пункта (рис.15). На противоположном от городища краю оврага, в урочище "Словенское поле" ("Славянское", "Словенецкое", "Словенск") размещалось селище, являющееся остатками посада. Размеры его — не менее 400 x 150 м. В шурфах и подъемном материале здесь собраны многочисленные фрагменты керамики XI-XIV вв., раскопками открыты следы железодельного производства.²⁹ Выходы слоя с керамикой XI-XIII вв. фиксируются также на площади 310 x 130 м к югу от Труворова городища, где, вероятно, размещалась другая часть городского посада.³⁰ За пределами посада зафиксированы остатки некрополя, сохра-

28 Седов В.В. Изборск — город-крепость XII-XIII вв. // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984, с.117, рис.

29 Гроздилов Г.П. Археологические памятники..., с.71.

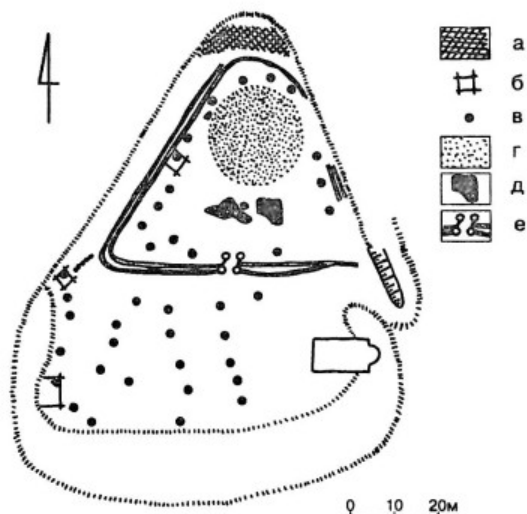

Рис. 13. План поселения XI (XI-XII?) в. на Труворовом городище (по В.В.Седову). а — вал; б — остатки построек; в — отопительные сооружения; г — площадь; д — остатки каменных построек; е — канавы

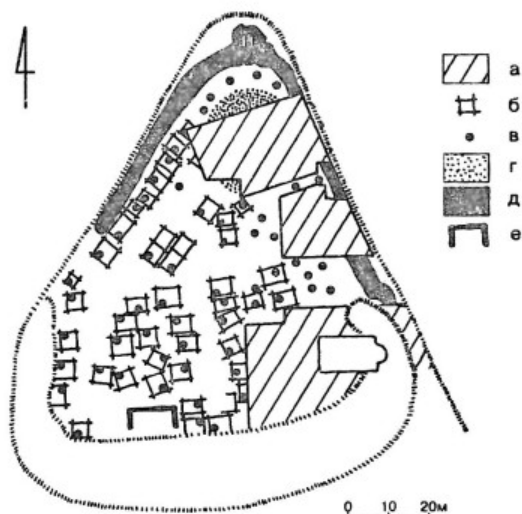

Рис. 14. План поселения XIII-XIV вв. (до 1329 г.) на Труворовом городище (по В.В.Седову). а — участки, оставшиеся нераскопанными; б — остатки построек; в — отопительные сооружения; г — площадь; д — фортификации; е — каменная постройка

нившегося фрагментарно (могильники у д.Конечки, на “Словенском поле”, на “Чудском поле”³¹): исследованные раскопками 1912, 1921 и 1974 гг. погребения, а также случайные находки разных лет относят функционирование некрополя к XI-XIII вв. (до XIV в.?). В ближайших окрестностях Труворова городища в XI-XIII вв. существовало несколько небольших поселений, судя по площади распространения подъемного материала и шурфовке — типа хуторов-однодворок.³²

В первой трети XIV в. крепость на Труворовом городище ветшает. Прослежены участки кладки, подвергавшиеся вычинкам. Зафиксированы застрявшие в кладке стен арбалетные наконечники стрел — свидетельства осады города Изборска войсками Ордена в 1269 и 1299 гг.³³ Во время одной из кампаний начала XIV в. (1323 г.?) крепость на Труворовом городище была разрушена и более не возобновлялась. В 1329 г.,³⁴ в годы псковского княжения Александра Михайловича Тверского и при посадничестве в Пскове Шелого, детинец Изборска был перенесен на более приспособленную к обороне соседнюю возвышенность — Жеравью гору. К концу XIV — началу

30 Харлашов Б.Н. Обследование древнерусских поселений в окрестностях Изборска // АИП, 1992, [вып.12], с.143-144.

31 Седов В.В. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988, с.91-106.

32 Харлашов Б.Н. Обследование..., с.143-144.

33 Артемьев А.Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА, 1978, № 155, с.70.

34 Белецкий С.В. О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995, с.101-102.

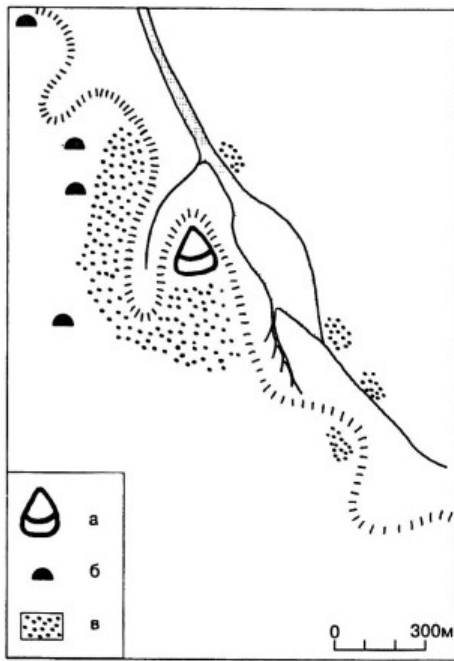

Рис. 15. План-схема поселения XI-XIV вв. в черте д. Старый Изборск.

- а — укрепленное поселение;
- б — некрополь;
- в — неукрепленное поселение

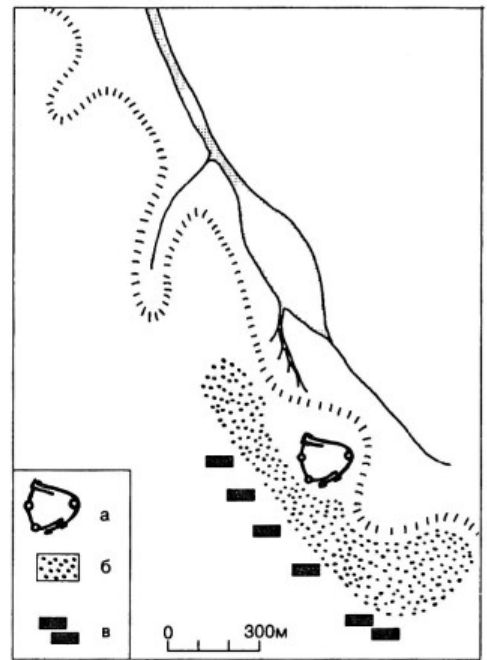

Рис. 16. План-схема поселения XIV-XVII вв. в черте д. Старый Изборск.

- а — крепость;
- б — посады;
- в — некрополь

XV вв. формируется новая городская структура включавшая, кроме крепости, обширные посады³⁵ и некрополь в урочище Скудельня³⁶ (рис.16). Замечу, однако, что топография Изборска XV-XVII вв., безусловно, представляет собой дальнейшее развитие топографической структуры города XI-XIV вв. — структуры достаточно архаичной даже для древнерусского времени.

Попробую подвести некоторые итоги анализа культурной стратиграфии Труворова городища и его округи. В VIII-IX вв. на площадке Труворова городища существует крупное поселение. При преобладании славянского компонента, не менее трети жителей поселка составляли прибалтийско-финские элементы. Вместе с данными о ремесленной деятельности жителей³⁷ и фактом знакомства населения с товарно-денежными отношениями уже в начале IX в.³⁸ это свидетельствует о протогородском характере поселения.³⁹

Во второй половине IX в. поселение на Труворовом городище прекращает существование. Зафиксированные в нижнем слое следы пожара вместе с находками предметов вооружения северо-европейских типов⁴⁰ позволяют считать, что жизнь на

35 Харлашов Б.Н. Обследование..., с.144.

36 Гроздилов Г.П. Археологические памятники..., с.74; Седов В.В. Погребальные памятники..., с.100.

37 Седов В.В. Изборск в 8-10 веках, с.124-126.

38 Гайдуков П.Г. Монетные находки Изборска // АИП, 1983, [вып.3], с.28,29; Гайдуков П.Г., Фомин А.В. Монетные находки Изборска // КСИА, 1986, № 183, с.101-110.

39 Седов В.В. Восточные славяне..., с.57, 242; он же. Изборск в 8-10 веках, с.128; он же. Начало городов..., с.17; он же. Становление..., с.41.

Труворовом городище прекратилась около середины IX в., причем — не без вмешательства извне. Активную роль в этом сыграли, судя по всему, профессиональные воины, пользовавшиеся предметами вооружения скандинавских типов.

Вновь основанное на Труворовом городище в XI в. поселение справедливо рассматривается всеми исследователями как остатки древнерусского города Изборска. Однако никаких данных о том, что город XI-XIV вв. являлся непосредственным преемником протогородского центра VIII-IX вв. и, в частности, унаследовал наименование именно от этого центра, в распоряжении исследователей нет. Напротив, весьма характерным представляется наличие в черте д. Старый Изборск куста микро-топонимов с ярко выраженной этнической окраской: “Словенское поле”, “Славянские ключи” и проч. Нельзя исключать того, что эти микро-топонимы содержат в себе отголоски древнейшего самоназвания города (Словенск?) — наименования, предшествовавшего позднему топониму “Изборск”.

Показательно, что поселение на Труворовом городище пребывает в запустении приблизительно с того времени, с которым летописи связывают призвание варягов. Полагаю, что Изборск, зафиксированный на страницах летописей в контексте рассказа о призвании варягов, не имеет отношения к поселению на площадке Труворова городища. Вывод же о том, что “в археологических материалах Изборска (Труворова городища — С.Б.) проникновение скандинавов и пребывание дружины одного из легендарных братьев Рюрика не находит какого-либо подтверждения”,⁴¹ представляется мне не вполне корректным: отсутствие следов проживания в IX-X вв. на Труворовом городище скандинавов связано с отсутствием в это время на площадке городища сколь-нибудь заметного поселения.

Таким образом, гипотеза Д.А.Мачинского о несоответствии Труворова городища Изборску “варяжской легенды” представляется мне в высшей степени заслуживающей внимания. Данные многолетних плодотворных раскопок памятника экспедицией под руководством В.В.Седова, как кажется, дают основание для того, чтобы исключить поселение на Труворовом городище из числа древнейших *летописных* городов России. Соответственно, реконструкции начальной истории древнерусского города, основанные на результатах раскопок этого памятника, могут быть сняты с обсуждения как не вполне соответствующие имеющемуся фактическому материалу.

40 Артемьев А.Р. Наконечники стрел..., с.67-7-; он же. Копья из раскопок в Изборске // КСИА, 1982, № 171; с.87,88; он же. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991, с.183.

41 Седов В.В. О скандинавских находках в Изборске // ТД X СК, с.180.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПСКОВА

Возникновение города Пскова на протяжении нескольких десятилетий не было предметом дискуссии. Исследователи давно сошлись в том, что решенные проблемы целиком зависят от данных археологии. После целенаправленных раскопок на Псковском городище, проведенных в 1946-1949 гг., в научной литературе утвердилась версия, сформулированная на археологическом материале С.А.Таракановой и исторически осмысленная М.Н.Тихомировым: средневековый город при слиянии Псковы и Великой развился из племенного центра славян-кривичей.¹

Замечу, что большинство наблюдений С.А.Таракановой, сделанных на археологическом материале, было постепенно переосмыслено и получило, каждое в отдельности, новое толкование. Однако версия возникновения города, тем не менее, продолжала жить в исторической литературе самостоятельной жизнью. Это не удивительно. Перерастание славянского племенного центра в древнерусский город было сформулировано М.Н.Тихомировым с подкупающей простотой и четкостью, так что такие детали, как стратиграфические наблюдения археологов или споры о культурной принадлежности отдельных объектов слоя и находок, казались не принципиальными, а часть предложенных археологами переатрибуций, кажется, вообще осталась историками не замечена.

Возобновление дискуссии о происхождении и времени возникновения Пскова приходится на конец 1970-х — начало 1980-х годов, когда в печати почти одновременно были изложены две версии начальной истории города, основанные на повторном обращении к первоисточнику — материалам археологических раскопок. К.М.Плоткин² привел новую систему аргументов в обоснование традиционной версии происхождения Пскова из племенного центра догородской поры, а автор³ выдвинул альтернативную версию, согласно которой культурный слой Псковского городища содержит остатки нескольких последовательно сменивших друг друга поселений, не связанных между собой преемственным развитием, причем в механизме градообразования ведущую роль играл иммиграционный поток конца IX-X вв.

Сам по себе факт сосуществования двух противоположных точек зрения на начальную историю одного и того же города не удивляет. Однако он вряд ли может остаться без комментария, если в основе обеих версий лежат одни и те же археоло-

1 Тараканова С.А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК, 1950, № 35; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

2 Плоткин К.М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

3 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, 1980, № 160.

гические находки и наблюдения. Совершенно очевидно, что либо одна из двух версий ошибочна, либо не верны обе версии и требуется новое обращение к первоисточнику, либо, наконец, состояние источника таково, что получить при его изучении однозначные выводы невозможно.

Но в любом случае можно констатировать, что проблема происхождения Пскова не принадлежит к числу простых и, следовательно, она вряд ли может оцениваться "из общих соображений". Именно поэтому можно было бы ожидать, что после изложения в печати аргументов в пользу каждой из двух версий начальной истории Пскова последует критический разбор этих версий с выявлением причин расхождения между оценками информативных возможностей источника и с установлением позитивных моментов в каждой из двух версий. Такой путь продолжения дискуссии представлялся единственно приемлемым.

Этого, однако, не произошло. Более того, в литературе вновь наметилась тенденция ограничиваться в решении проблемы происхождения Пскова изложением традиционной версии: ведущая роль в образовании города принадлежит внутренним социально-экономическим процессам, протекавшим в славянском этническом массиве Нижнего Повеличья и прилегающих районов Причудья. При этом допускается и возможность участия в судьбах региона некоторого количества иммигрантов, и межэтнические контакты славян-кривичей с прибалтийско-финским миром, и некоторая разнородность в этническом составе жителей Пскова, в том числе — наличие незначительного числа выходцев из Скандинавии.⁴ Однако роль внешних импульсов в механизме формирования раннегородского образования практически сведена на нет. Во всяком случае, значение таких импульсов расценено как третьестепенное. Основной упор вновь делается на славяно-кривичский этнический компонент, роль которого в возникновении Пскова признается решающей.

Важным моментом современного состояния обсуждения проблемы начальной истории Пскова является перенесение акцента с разбора особенностей культурной стратиграфии Пскова на обсуждение этно-культурной ситуации, сложившейся во второй половине I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье. Судьбы жителей поселка при слиянии Псковы и Великой исследователи рассматривают сквозь призму судеб населения псковской округи.⁵ При этом предполагается, что в археологических материалах Пскова должны были так или иначе найти отражение те культурно-исторические процессы, которые протекали в регионе. Признавая совершенно справедливым подобный подход к решению проблемы начальной истории Пскова, обратимся к культурной стратиграфии Нижнего Повеличья.

Первая половина I тысячелетия по Р.Х.

Непрерывное заселение территории Нижнего Повеличья фиксируется с эпохи раннего железного века. К этому времени относятся единичные памятники с находками сетчатой керамики. Кроме Псковского городища подобная керамика найдена в пределах псковской округи только на селищах у д.Усадище и Ключище. Отчетливые отложения времени бытования сетчатой керамики в непо потревоженном виде не встречены ни на одном из памятников: во всех случаях находки фрагментов такой керамики происходят из культурного слоя, в котором широко представлены материалы более позднего времени.

4 Седов В.В. Скандинавские элементы в раннесредневековом Пскове // ТД XI СК, М., 1989, с.145-147.

5 Плоткин К.М. Этнокультурная ситуация второй половины I тысячелетия н.э. в низовьях р.Великой // АИП, 1987, [вып.7], с.48-50; он же. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М., 1989, с.159-186.

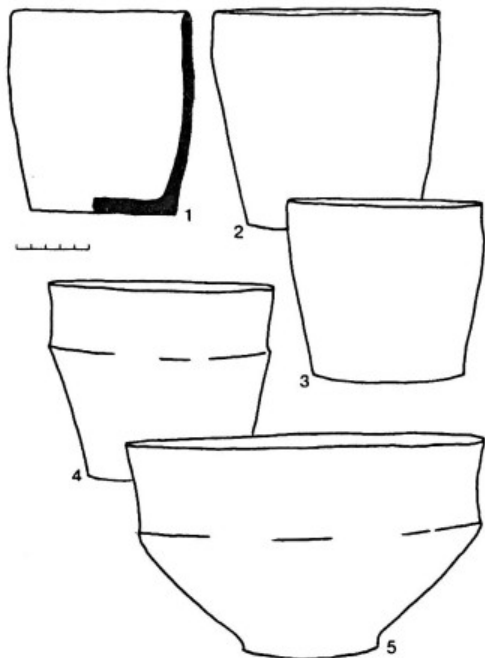

Рис. 17. Лепная керамика из каменных могильников первой половины I тысячелетия по Р.Х. (2-5) и сосуд из кургана середины — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. (1) в южной Эстонии. 1 — Кынну; 2-5 — Вирунука. 1-3 — сетчатые сосуды; 4-5 — подлощенные сосуды.

Однако не исключено, что этот археологический вакуум мнимый и вызван недостаточно масштабными раскопками так называемых жальников.⁸ Предполагая, что в процессе дальнейших целенаправленных полевых исследований на территории Нижнего Повеличья будут обнаружены каменные могильники с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х., я считаю возможным относить поселения с находками фрагментов сетчатой керамики в регионе именно к этому кругу древностей. Незначительное количество таких памятников в окрестностях Пскова объясняется, с одной стороны, недостаточной обследованностью территории, но, с другой стороны, может быть связано с периферийным положением Нижнего Повеличья относительно основного ареала распространения культуры каменных могильников с оградками.

Происхождение культуры каменных могильников на основе развития древностей

6 Аун М. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н.э. // Изв. АН ЭССР, 1976, т.25, № 4, с.345-346.

7 Лаул С.К. Юго-восточная Эстония в период раннего железа (II-V вв. н.э.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллинн, 1974, с.23-31. Пользуюсь случаем поблагодарить С.К.Лаул, познакомившую меня с материалами раскопок каменных могильников с оградками на территории Эстонии.

8 В частности, Л.Е.Грушина начала в 1979 г. раскопки могильника у д.Ключище, традиционно считавшегося жальничным. В раскопе, накрывшем восемь "жальничных оградок", условно выделенных при поверхностном осмотре памятника, под дерном была открыта сплошная вымостка из гранитных валунов и мелкого булыжного камня. Предполагив, что могильник принадлежит к группе погребальных сооружений типа южноэстонских каменных могильников, Л.Е.Грушина приостановила раскопки и законсервировала открытые сооружения, см.: Архив ИА РАН, р.1, д.7906, л.20-23. Замечу, что могильник у д.Ключище находится в топографической близости от селища с находками сетчатой керамики.

Территориально памятники с сетчатой керамикой Нижнего Повеличья тяготеют к ареалу распространения древностей раннего железного века в соседних с Псковщиной районах Эстонии. По наблюдениям эстонских коллег, сетчатая керамика появляется там в эпоху бронзы и доживает до середины I тысячелетия по Р.Х.⁶ В первой половине I тысячелетия по Р.Х. сетчатая керамика является характерной для культуры каменных могильников с оградками (рис.17, 2-5), распространенных на территории Эстонии и в смежных районах Латвии: по данным С.К.Лаул, такая керамика составляет до 64% всей керамики, найденной в каменных могильниках вырусской группы, непосредственно граничащей с Нижним Повеличьем.⁷ С носителями культуры каменных могильников с оградками принято связывать и отложения слоя с сетчатой керамикой на поселениях в Эстонии.

На территории Нижнего Повеличья пока не выявлено ни одного могильника, который можно было бы уверенно отнести к культуре южноэстонских каменных могильников с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х.

более раннего времени в пределах территории Эстонии и побережной Финляндии (культура ящичных погребений) в настоящее время может считаться установленным. Таким образом, памятники раннего железного века в Нижнем Повеличье, безусловно, принадлежали автохтонам края.

Середина-третья четверть I тысячелетия по Р.Х.

В это время в пределах Нижнего Повеличья распространяется культура длинных курганов.⁹ Характерным признаком этой археологической культуры являются погребальные сооружения валообразной формы, насыпанные из песка и содержащие несколько (до нескольких десятков) захоронений по обряду кремации на стороне. Наряду с курганами валообразной формы в состав могильников культуры длинных курганов входят также овальные и круглые в плане насыпи, большие курганы и курганы комбинированной формы. Инвентарь, сопровождавший погребения, достаточно скуден, наиболее частой находкой является керамика (рис.18, 1-8, 10-18; 19, 1, 2, 4, 6, 7; 20, 2, 6, 8, 9, 11-14).

Поселения, принадлежавшие носителям культуры длинных курганов, исследованы в Нижнем Повеличье и прилегающих районах Причудья на сегодняшний день так же недостаточно, как и четверть века назад.¹⁰ Более или менее отчетливо с этой группой древностей можно связать только отложения третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. на городище Сторожинец в Восточном Причудье (рис.21),¹¹ городище и селище Алтаскиви в Западном Причудье¹² и селища у д.Лезги в бассейне Псковского озера (рис.22).¹³ На всех остальных поселениях, при обследовании которых найдены фрагменты грубой лепной керамики, уверенно относить собранные материалы к культуре длинных курганов или же к более позднему времени не приходится из-за сильной фрагментированности находок. Однако повсеместное распространение в пределах Нижнего Повеличья и Причудья могильников культуры длинных курганов свидетельствует о том, что в середине — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. заселение окрестностей Пскова стало несколько более плотным.

В вопросе о происхождении носителей культуры длинных курганов среди исследователей нет единства. Очевидно, что решение вопроса не может быть замкнуто на древностях одного сравнительно компактного региона. Памятники культуры длинных курганов практически одновременно появляются на значительных пространствах лесной зоны Восточной Европы — от бассейна Мсты до Западного Причудья и от Верхнего Подвинья до бассейнов Луги и Плюсы.¹⁴ Древности эпохи раннего железного века на этих территориях различаются между собой, и уже в силу этого нельзя признать убедительной версию об одновременном переходе населения лесной зоны Восточной Европы к курганному обряду, материализованному древностями

9 Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ, вып.Е1-8, М., 1974; Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллинн, 1980.

10 Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА, 1970, № 163, с.104-105.

11 Попов С.Г. Городище Сторожинец // КСИА, 1989, № 198, с.45-56.

12 Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992, с. 45-46. Пользуюсь случаем поблагодарить М.Э.Аун, любезно познакомившую меня с материалами из раскопок памятников I тысячелетия по Р.Х. в юго-восточной Эстонии и оказавшую большую помощь в работе с документацией по раскопкам, составленной на эстонском языке.

13 Александров А.А., Белецкий С.В. Памятники I тысячелетия н.э. у д.Лезги // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994, с.52-55.

14 Седов В.В. Длинные курганы..., карта I; Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА, 1981, № 1, с.42-56.

Рис. 18. Грубая лепная керамика из погребальных памятников второй половины I тысячелетия по Р.Х. в Повеличье и Причудье. 1 – Городня, кург.2, погр.3; 2 – Арнико, кург.1799 г. (без масштаба); 3,4 – Жеребятино, кург.2, погр.1-2; 5 – Городня, кург.2, погр.1; 6 – Залахтовье, кург.81, погр.3; 7 – Светлые Вешки, кург.11, погр.1; 8 – Тамме, кург.1839 г., 9 – Залахтовье, кург.119; 10 – Залахтовье, кург.81, погр.3; 11,13,17 – Жеребятино, кург.1, погр.1-2; 12 – Залахтовье, кург.21; 14 – Варбузе, кург.1848 г.; 15 – Косе метс, кург.8; 16 – Лезги, кург.8, погр.1; 18 – Лаоссина, кург.9, погр.3.

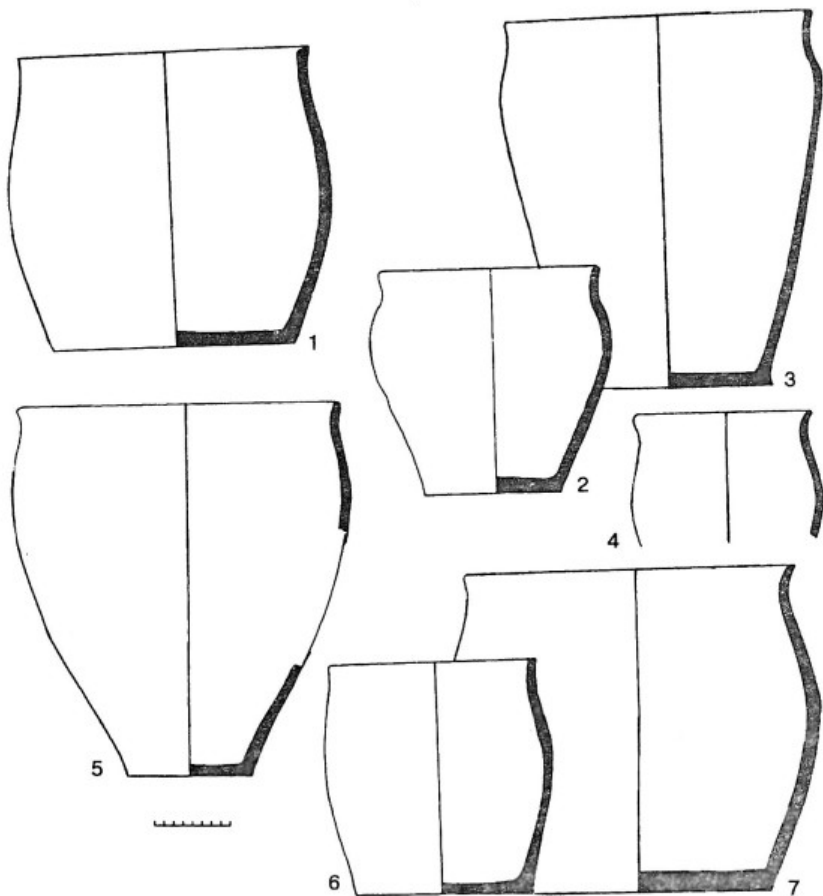

Рис. 19. Грубая лепная керамика из погребальных памятников второй половины I тысячелетия по Р.Х. в Повеличье и Причудье. 1 – Косе метс, кург.7, погр.2; 2 – Михайловское, кург.3, погр.1; 3 – Лоози, кург.1965/66 г.; 4 – Жеребятино, кург.1, погр.1-2; 5 – Узмень, погр.34; 6 – Косе метс, кург.7, погр.4; 7 – Косыгино, кург.6

однокультурного облика.¹⁵ Более вероятной представляется гипотеза о расселении носителей культуры длинных курганов по территории лесной зоны из более или менее компактного региона.

В литературе предлагались три основные версии происхождения культуры длинных курганов. Эстонские коллеги настаивают на том, что в основе культуры длинных курганов лежат традиции культур раннего железного века на территории юго-восточной Эстонии: культура каменных могильников с оградками или грунтовые могильники (так называемые “погребальные площадки”).¹⁶ В.В.Седов, первоначально выводивший носителей культуры длинных курганов из районов Балтийского Поморья,¹⁷ впоследствии отказался от этого предположения и пришел к выводу о том, что обычай сооружать длинные курганы зародился на Псковщине на основе традиции устройства

15 Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л., 1978, с.62-64.

16 Лаул С.К. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии // Изв. АН ЭССР, 1971, т.20, № 3, с.319-329; Тыниссон Э. Монография о длинных курганах // Изв. АН ЭССР, 1976, т.25, № 4, с.300-305; Аун М. Курганные могильники..., с.98-102; она же. Археологические памятники..., с.167.

17 Седов В.В. Кривичи // СА, 1960, № 1, с.56-57; он же. Славяне Верхнего Поднепровья..., с.105-108.

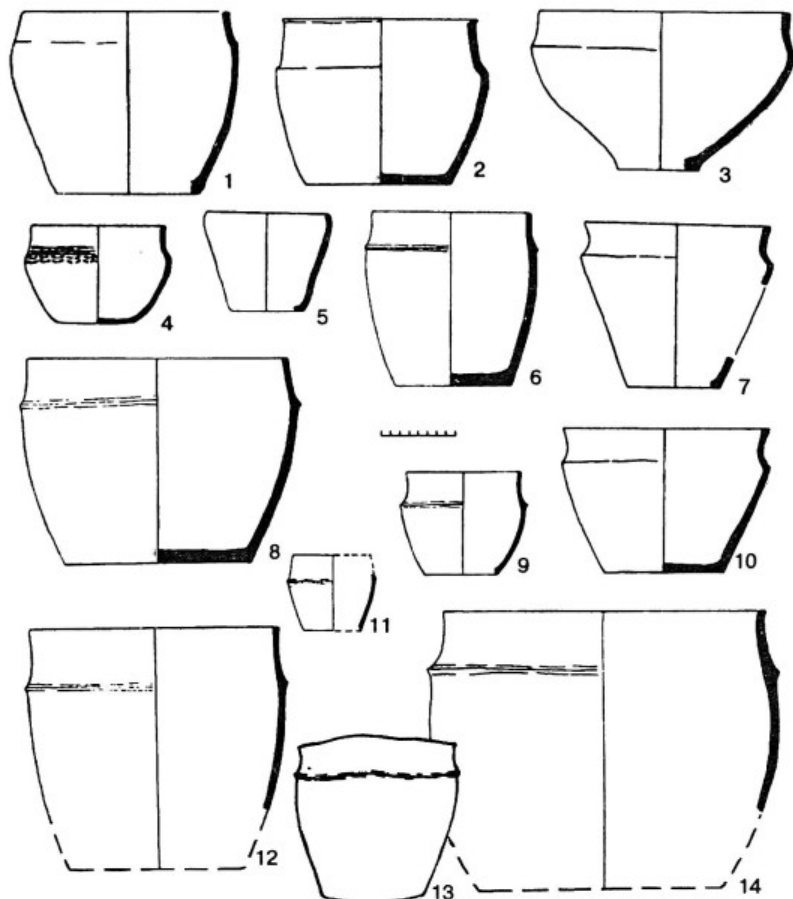

Рис. 20. Подшошенная лепная керамика из погребальных памятников второй половины I тысячелетия по Р.Х. в Повеличье и Причудье. 1,3,7,10 – Северик, кург.6, погр.1-2; 2 – Лезги, кург.3, погр.3; 4 – Северик, кург.6, погр.16; 5 -- Лоози, кург.1965/66 г.; 6 – Гридише, кург.6, погр.1; 8 – Безьва-III, кург.1, погр.5; 9 – Любинец, кург.12; 11 – Мартиново, кург.29; 12 – Кыну, кург.1, погр.2; 13 – Володи, кург.2, погр.2 (без масштаба); 14 – Лоози, кург.1888 г.

грунтовых могильников; при этом предполагалось, что носители традиции грунтовых могильников явились для Псковщины пришлым населением.¹⁸ Наконец, высказывалась гипотеза о происхождении культуры длинных курганов на основе традиций банцеровской культуры Северной Белоруссии.¹⁹

Нетрудно заметить, что во всех перечисленных версиях (кроме гипотезы о происхождении культуры длинных курганов на основе культуры каменных могильников) присутствует одно общее положение: обычай сооружать курганы сложился в среде носителей культуры на основе традиции устройства грунтовых могильников с погребениями по обряду кремации на стороне. По-видимому, эта версия в целом справедлива. И в этой связи подчеркну: традиция сооружения курганов на территории юго-восточной Эстонии не находит себе здесь иных предшественников, кроме “погребальных площадок”, то есть — тех же грунтовых могильников. Однако послед-

18 Седов В.В. Длинные курганы...; он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР, т.13, М., 1982, с.52-53.

19 Очерки по археологии Белоруссии. Т.2, Минск, 1972, с.24-26; Загорульский Э.М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск, 1977, с.75-77; Минасян Р.С. Поселение и могильник на берегу оз.Узмень // Труды Гос.Эрмитажа, 1979, т.20, с.180-184.

ние, по справедливому замечанию Е.Н.Носова, не являются особенностью именно древностей Западного Причудья: аналогичные “погребальные площадки” характерны для культуры длинных курганов и на других территориях распространения этой археологической культуры.²⁰ Поэтому наличие в могильниках культуры длинных курганов в Западном Причудье “погребальных площадок” не может служить основанием для того, чтобы считать носителей культуры длинных курганов здесь автохтонами (или потомками автохтонов) края. При разительных отличиях большинства признаков, характеризующих автохтонные древности Эстонии (культура каменных могильников), от признаков, характеризующих культуру длинных курганов, вряд ли можно считать аргументом в пользу южно-эстонской “пра-родины” культуры длинных курганов гипотезу о переходе коренного населения края “к новому обряду захоронения на основе дальнейшего развития социально-экономических отношений”.²¹

Совершенно иная ситуация характеризует соотношение культуры длинных курганов и банцеровской культуры. Сходство керамики, элементов погребального ритуала и сравнительно немногочисленного погребального инвентаря у носителей этих двух археологических культур таково, “что между ними имеется больше общего, нежели различий”.²² Основное различие между культурами заключается в том, что для культуры длинных курганов характерным признаком погребального сооружения является наличие курганной насыпи различной формы, в то время как для могильников банцеровской культуры характерно отсутствие надмогильных сооружений.²³ И так как можно считать установленным, что носители культуры длинных курганов перешли к обычаю сооружать курганы от обычая совершать грунтовые захоронения, то различие между культурами можно расценить как признак относительной хронологии двух групп древностей.

Датировка памятников банцеровской культуры традиционно²⁴ определяется в пределах середины — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. Совпадение хронологии банцеровских древностей и культуры длинных курганов, казалось бы, препятствует установлению их относительной хронологии и, следовательно, не дает оснований для определения соотношения культур между собой. Однако это препятствие мнимое: из-за недостаточности твердо датированных комплексов датировка серединой —

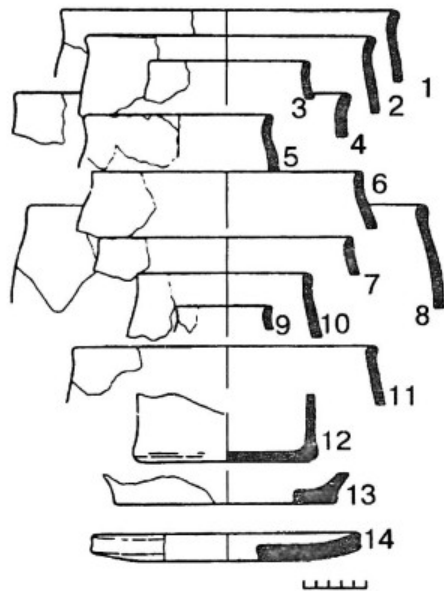

Рис. 21. Керамика из нижнего слоя поселения Сто-
рожинец (по С.Г.Попову)

20 Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА, 1981, № 166, с.64-68.

21 Аун М. Курганные могильники..., с.99.

22 Минасян Р.С. Поселение и могильник..., с.182.

23 Там же, с.183.

24 Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии (VII-VI вв. до н.э. — VIII в. н.э.). Минск, 1978; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья..., с.48-50; он же. Восточные славяне..., с.38.

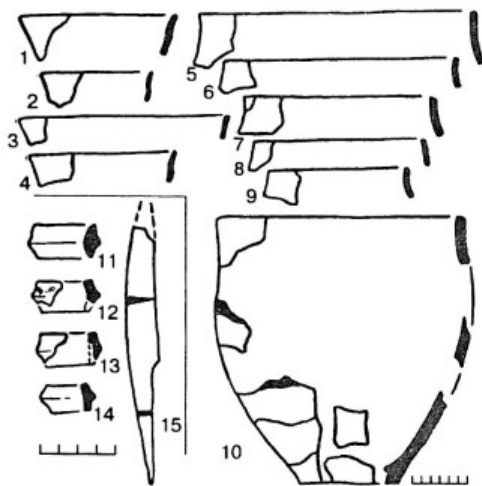

Рис. 22. Керамика (1-10) и инвентарь (11-15) поселения Лезги.

обширных территориях лесной зоны Восточной Европы, носители культуры длинных курганов во всех случаях не утратили до конца обычай сооружать грунтовые могильники²⁷. И если культура длинных курганов действительно восходит к древностям, для которых были характерны грунтовые захоронения без видимых надмогильных сооружений, то сохранение носителями культуры длинных курганов традиции устройства грунтовых могильников свидетельствует о сравнительно быстром продвижении населения из районов первичного расселения на значительные расстояния. В таком случае совпадение “накрывающих дат” оказывается неизбежным.

Если изложенное справедливо, то можно полагать, что характерным признаком района первоначального расселения носителей культуры длинных курганов должно быть сочетание в рамках однородной по всем признакам археологической культуры

- 25 Минасян Р.С. Поселение и могильник..., с.183. Не исключено, что нижняя дата как для банцеровской культуры, так и для культуры длинных курганов, в процессе дальнейших исследований существенно удревется.
- 26 Существующее в литературе мнение о том, что носители банцеровской культуры хоронили своих покойников не только в грунтовых могильниках, но и в курганах (Митрофанов А.Г. Железный век..., с.120-121), основано на недоразумении: к банцеровской культуре ошибочно причислены погребальные памятники культуры длинных курганов, содержащие находки слабопрофилированных и тюльпановидных сосудов “банцеровского типа”, которые территориально находятся в северной части ареала распространения банцеровской культуры (Дорохи, Старое село, Янковичи и др.). Однако такая керамика типична для культуры длинных курганов в целом, а не только для памятников в бассейне Западной Двины. Именно поэтому нельзя согласиться с заключением В.В.Седова, убежденного в том, что появление керамики банцеровского типа в длинных курганах Северной Белоруссии объясняется ассимиляционными процессами, протекавшими в контактной зоне между носителями культуры длинных курганов и банцеровскими племенами (Седов В.В. Восточные славяне..., с.53). Если принять это заключение, то придется признать, что названный процесс протекал не только в Верхнем Подвинье, но практически на всей территории распространения культуры длинных курганов, в том числе — на значительном удалении от территории распространения собственно банцеровской культуры. Это представляется нереальным.
- 27 Подобные могильники исследованы не только в землях южной Псковщины, граничащих с ареалом банцеровской культуры (Минасян Р.С. Поселение и могильник...), но также на Новгородчине (Носов Е.Н. Поселение и могильник...). Возможно, грунтовый могильник, предшествовавший могильнику культуры длинных курганов, фиксируется также у д.Лезги в бассейне Псковского озера (Александров А.А., Белецкий С.В. Памятники I тысячелетия..., с.54-60).

третьей четвертью I тысячелетия по Р.Х. как банцеровской культуры, так и культуры длинных курганов, “является скорее традиционной, нежели окончательно установленной”²⁵

Некоторые основания считать культуру длинных курганов стадияльно более поздней, чем банцеровская культура, все-таки имеются. Для банцеровской культуры, как уже отмечалось, характерны грунтовые могильники²⁶, то есть — тот тип погребального сооружения, который находился у истоков традиции возведения курганов носителями культуры длинных курганов. Расселяясь на

двух типов погребальных памятников — грунтовых и курганных могильников. Именно эта особенность является характерным признаком древностей середины — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. в верховьях Западной Двины²⁸. И именно Верхнее Поднепровье и Подвинье — северная часть распространения банцеровской культуры — могут быть расценены в качестве того исходного региона, в пределах которого начался переход от грунтовых могильников банцеровской культуры к курганному обряду захоронения культуры длинных курганов (рис.23). Если так, то для нижнего Повеличья и Причудья носители культуры длинных курганов были, безусловно, пришлым населением.

Последняя четверть I тысячелетия по Р.Х.

Решение вопроса о древностях этого времени в Нижнем Повеличье и Причудье опирается в целый ряд трудностей, главная из которых — проблема верхней хронологической границы существования культуры длинных курганов. Согласно традиционной версии, наиболее подробно разработанной В.В.Седовым, в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье и Причудье продолжали жить потомки носителей культуры длинных курганов, которые постепенно перешли к обычаю сооружать круглые курганные насыпи, содержащие одиночные захоронения по обряду кремации на стороне, типичные, по мнению В.В.Седова, для всего славянского мира. Преемственная связь длинных курганов с круглыми полусферическими насыпями, а также совместное нахождение различных по форме курганов в одних и тех же могильниках является одним из (если не сказать — основным) аргументов в пользу славянской этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов.²⁹

Есть основания полагать, что изложенная версия, лежащая в основе вывода о долговременном заселении Нижнего Повеличья славянами-кривичами, не вполне соответствует имеющемуся фактическому материалу. В пределах Нижнего Повеличья, в частности, до сих пор не известны курганы последней четверти I тысячелетия по Р.Х., которые можно было бы и по особенностям погребального обряда, и по конструкциям погребального сооружения сопоставить с классическими славянскими курганами. Более того, часть подвергнутых раскопкам круглых курганов в могильниках культуры длинных курганов содержит, как и собственно насыпи культуры длинных курганов, по несколько погребений, в том числе — погребений середины и третьей четверти I тысячелетия по Р.Х.³⁰ Уже одно это не позволяет безоговорочно признать традиционную версию развития погребального обряда культуры длинных курганов в качестве обязательного и единственно возможного пути развития всех для

28 Особенностью ситуации, зафиксированной здесь, является широкое распространение могильников культуры длинных курганов, но при этом полное отсутствие поселений, которые исследователи относили бы к этой культуре. В то же время, в верховьях Западной Двины широко представлены поселения типа Жабино, традиционно причисляемые исследователями к банцеровской культуре (Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья..., с.49). Идентичность керамики с поселений и из погребений в могильниках культуры длинных курганов очевидна. Топографическая приуроченность поселений и могильников к одним и тем же ландшафтам, а также частая топографическая близость могильников и селищ между собой позволяют настаивать на том, что поселения и могильники принадлежали одним и тем же коллективам древнего населения в регионе. В пределах этого же региона исследованы селище и могильник Узмень, принадлежность которых к банцеровской культуре сомнений не вызывает. Р.С.Минасян справедливо подчеркивал: "Различие погребальной обрядности между грунтовыми могильниками типа Акатово-Узмень и могильниками с длинными и полусферическими курганами проявляется только в наличии у последних курганной насыпи" (Минасян Р.С. Поселение и могильник..., с.183).

29 Седов В.В. Восточные славяне..., с.52-56.

30 Тыниссон Э. Монография..., с.301; Аун М. Курганные могильники..., с.90.

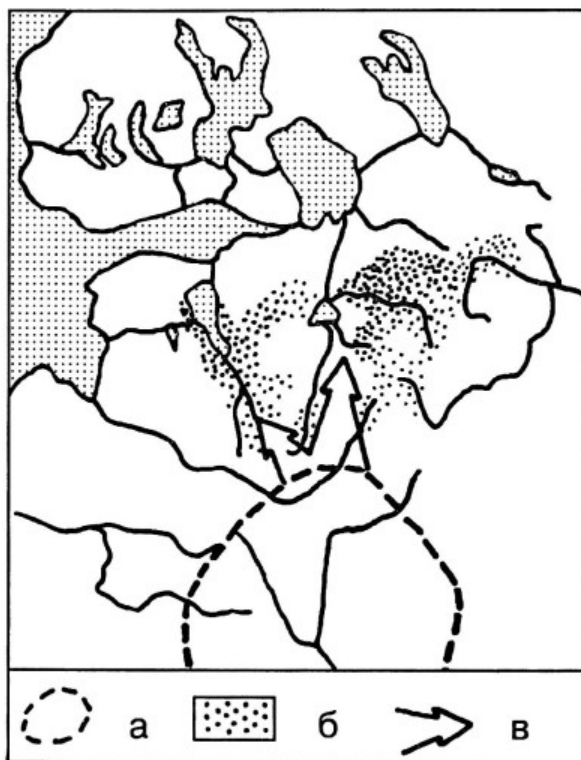

Рис. 23. Керамика банцеровской культуры и направление расселения носителей культуры длинных курганов в лесной зоне. а — ареал банцеровской культуры; б — ареал культуры длинных курганов в Псковско-Новгородских землях и сопредельных районах Эстонии; в — направление расселения.

без исключения районов распространения памятников этой культуры.

Но важно даже не это. Я готов допустить, что среди нераскопанных круглых полусферических курганов Нижнего Повеличья и Причудья в будущем будет выявлено некоторое количество насыпей, соответствующих и по конструкции погребального сооружения, и по элементам обрядности классическим славянским курганам конца I тысячелетия по Р.Х.: хотя это и вполне вероятно, но вряд ли принципиально изменит общую картину заселения региона.³¹

Значительно более существенным представляется факт неоднородности погребального ритуала и конструкций погребальных сооружений, фиксирующиеся по данным раскопок погребальных памятников Нижнего Повеличья и Причудья. В пределах региона для последней четверти по Р.Х. известны курганы, относящиеся к культуре длинных курганов, каменные могильники, сопки, а также особая группа памятников, сочетающих элементы обрядности и конструктивные особенности погребальных сооружений, присущие как культуре длинных курганов, так и культуре каменных могильников — курганы с подкурганными каменными конструкциями.³² Все это свидетельствует об этно-культурной неоднородности заселявших регион групп населения. Следовательно, вряд ли есть основания фиксировать в пределах Нижнего Повеличья в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. однородный славянский этнический массив.³³

Несколько более однородной представляется картина, устанавливаемая по результатам раскопок поселений последней четверти I тысячелетия по Р.Х. Кроме Псковского городища и Труворова городища в д. Старый Изборск наиболее исследованными в пределах региона являются городище Камно под Псковом, городище и селище Рыуге в юго-восточной Эстонии и селище Усадище южнее Пскова.

Городище и селище Рыуге (рис.24), раскапывавшиеся М.Х.Шмидехельм, принадлежит к числу наиболее полно исследованных поселений последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в юго-восточной Эстонии.³⁴ В состав керамического набора

31 Версия развития погребального обряда культуры длинных курганов основана в работах В.В.Седова на материалах, прежде всего, длинных насыпей. Сводки по круглым курганам с погребениями по обряду сожжения, равноценной сводке по длинным курганам, до настоящего времени не составлено, а попытка И.И.Ляпушкина обособить круглые курганы с сожжениями от длинных успеха не имела (Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА, 1968, № 152). Для Псковщины попытку собрать воедино все сведения о круглых курганах с сожжениями, подвергнутых раскопкам, предпринял А.А. Александров (Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА, 1982, № 171, с.21-28). При этом выяснилось, что особенности обряда и конструкции насыпей не дают основания для вывода об однородности и однокультурности этой группы древностей. Кроме того, обосновывая свою версию развития погребального обряда культуры длинных курганов, В.В.Седов опирался на объединение в одну археологическую культуру как могильников псковско-новгородской группы древностей, так и могильников смоленско-полоцкой группы. В последних действительно широко представлены комплексы последней четверти I тысячелетия по Р.Х. и, как будто бы, наблюдается эволюция развития погребальной обрядности от удлиненных насыпей с несколькими захоронениями к круглым полусферическим насыпям с одиночными захоронениями (Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. По археологическим материалам. М., 1990). Однако большинство исследователей справедливо разделяет смоленско-полоцкие и псковско-новгородские группы культуры длинных курганов, рассматривая их как особые группы древностей, если даже не как особые археологические культуры, связь между которыми еще нуждается в выяснении. На материалах псковско-новгородской группы культуры длинных курганов версия развития погребального ритуала, разрабатывавшаяся В.В.Седовым, не подтверждается.

32 Седов В.В. Длинные курганы..., с.18; Плоткин К.М. Округа Пскова..., с.170-171; Белецкий С.В. Курган у деревни Романово под Псковом // СА, 1986, № 3, 174-185.

33 Замечу, что в погребальных памятниках Западного Причудья комплексы, отчетливо датированные последней четвертью I тысячелетия по Р.Х. неизвестны, а комплексы, отнесенные к этому времени условно — единичны

34 Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959; Аун М. Археологические памятники..., с.25-32.

памятника входит грубая кухонная и парадная столовая лепная посуда.³⁵ В наборе кухонной керамики доминируют сосуды баночной формы со слегка наметенными плечиками и стенками, незначительно сходящимися по направлению к широкому дну; такая керамика составляет 46,3% всей лепной керамики городища (рис. 25). Встречены ребристые, канеллированные и конические сосуды, а также миски (рис. 26). Парадная столовая посуда представлена ребристыми, банковидными и коническими сосудами, а также округлодонными чашами (рис. 27); она составляет в совокупности 46,4% всей лепной керамики памятника.

Другие поселения юго-восточной Эстонии последней четверти I тысячелетия по Р.Х. обнаруживают аналогичный набор керамических форм. Столовая посуда составляет на этих памятниках от 16 до 30%, но реально ее было, очевидно, несколько больше.³⁶

Особенностью кухонной посуды на поселениях юго-восточной Эстонии являются проколы под венчиком, что уже неоднократно отмечалось в литературе.

Городище Камно под Псковом (рис.28) раскапывалось С.А. Таракановой, а позднее — К.М.Плоткиным.³⁷ Среди городищ Нижнего Повеличья этот памятник, после Псковского и Труворова городищ, является наиболее исследованным. В состав керамического набора городища Камно входят кухонная (рис.29-30) и столовая (рис.31) посуда. Среди кухонной посуды преобладают сосуды с едва наметенными плечиками и стенками, незначительно сходящимися по направлению к широкому дну. Проколы под венчиками, кажется, не зафиксированы. Сосуды такого типа составляют до 65% всей лепной керамики памятника. В набор кухонных форм входят сосуды стройных пропорций, сходные с керамикой Труворова городища (7,5%). Сосуды других форм (ребристые, канеллированные, конические и проч.) составляют в совокупности до 5%. Имеются также миски (5,7%). Парадная столовая посуда составляет 13,2%.³⁸

Селище Усадище раскапывалось Б.Н.Харлашовым. Установлено, что памятник многослойный: в культурном слое содержатся разновременные материалы — от эпохи раннего железного века до позднего русского средневековья.³⁹ Керамика последней четверти I тысячелетия по Р.Х. представлена грубой кухонной (91%) и парадной столовой (9%) лепной посудой.⁴⁰

Сравнивая поселения по массовому керамическому материалу нетрудно заметить,

35 Аун М. Лепная керамика..., с.343-361; она же. Археологические памятники..., с.41-52. Коллекции хранятся в Институте истории АН Эстонии. Все процентные соотношения даны в подсчетах автора на материалах раскопок 1952 г. При подсчетах учитывались только типологически определимые фрагменты сосудов, главным образом — венчики.

36 Аун М. Лепная керамика..., с.348-352.

37 Тараканова С.А. Псковские городища // КСИИМК, 1956, № 62; Плоткин К.М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА, 1974, № 139; Глазунов В.В., Плоткин К.М. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА, 1978, № с.82-91; РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.1859.

38 Белецкий С.В. Керамика городища Камно Псковской обл. // КСИА, 1977, № 150; он же. К вопросу о возможностях статистического изучения лепной керамики // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. Коллекции хранятся в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга и Псковского музея-заповедника. Все подсчеты сделаны на материалах раскопок 1973 г. Подчеркну, что при подсчете общего числа фрагментов лепной керамики, а не только типологически определимых, обломки столовой посуды составили всего 1,6%. Это легко объяснимо: крупные кухонные сосуды, изготовленные из рыхлого теста с примесью дресвы, разбивались на большее число фрагментов, чем небольшие столовые сосуды, изготовленные из тонкотертого теста и лучше обожженные. Пользуюсь случаем поблагодарить К.М.Плоткина, ознакомившего меня с материалами раскопок памятника.

39 Харлашов Б.Н. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА, 1986, № 183, с.70-76.

40 Подсчеты приведены по данным об абсолютном количестве найденных фрагментов керамики, содержащимся в отчетах Б.Н.Харлашова, см.: Архив ИА РАН, р.1, д.9448, л.9-13; д.9549, л.2-4;

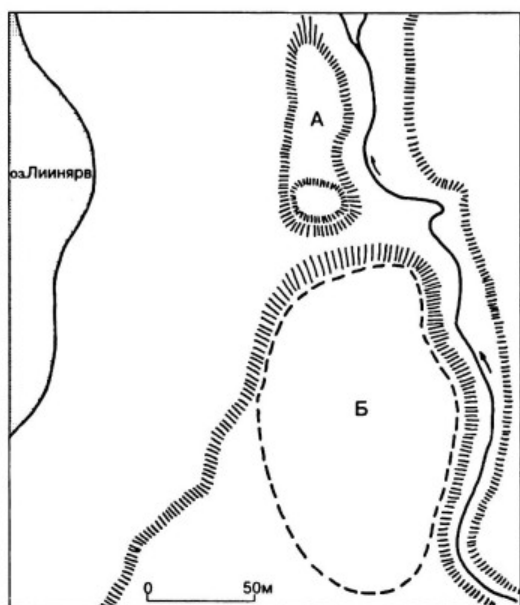

Рис. 24. Городище (А) и селище (Б) Рыуге (по Л.Янитсу и др.).

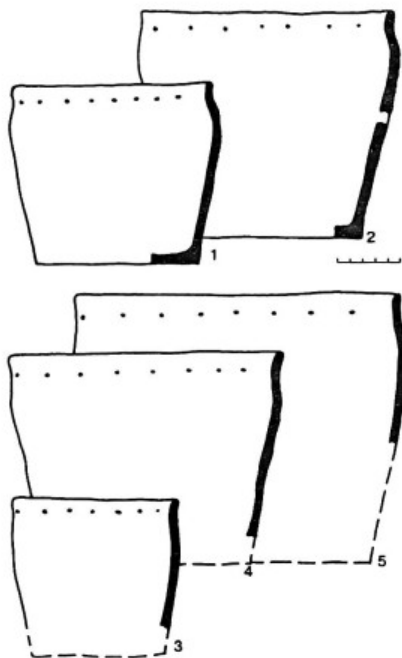

Рис. 25. Лепная керамика городища Рыуге. Кухонная посуда

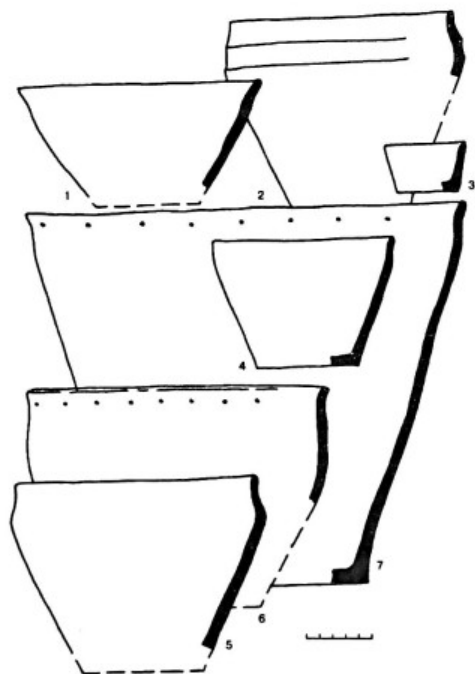

Рис. 26. Лепная керамика городища Рыуге. Кухонная посуда. Редкие типы сосудов

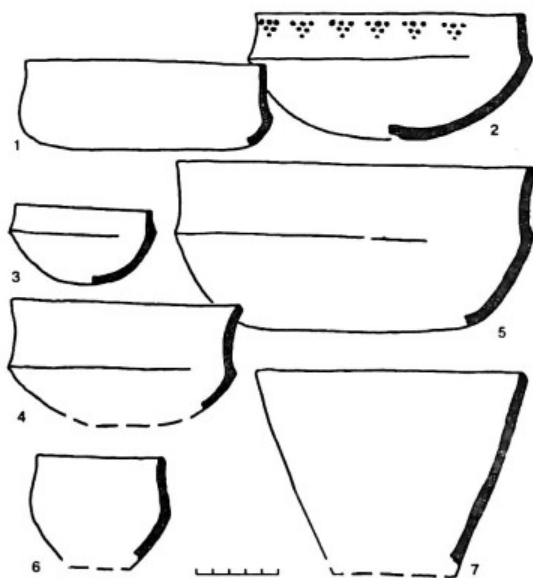

Рис. 27. Лепная керамика городища Рыуге. Столовая посуда

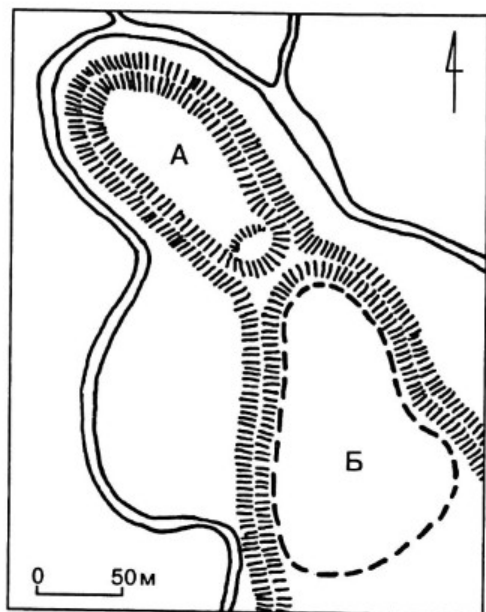

Рис. 28. Городище (А) и селище (Б) Камно (по С.А.Таракановой)

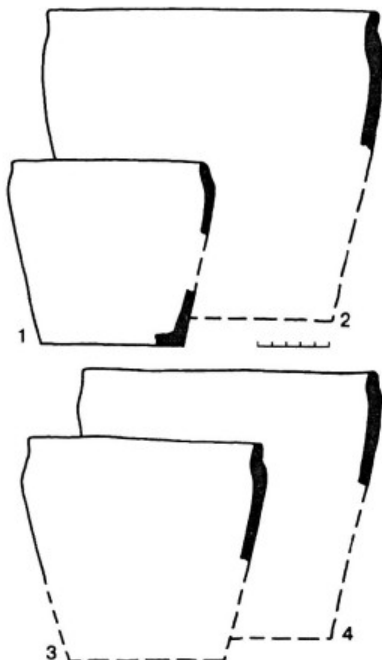

Рис. 29. Лепная керамика городища Камно. Кухонная посуда

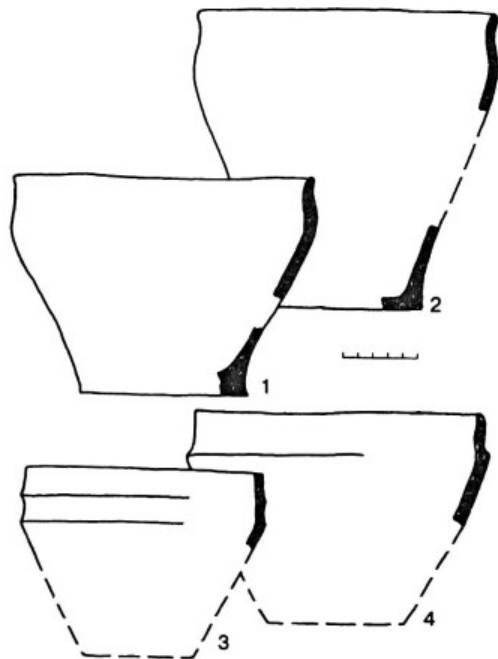

Рис. 30. Лепная керамика городища Камно. Кухонная посуда. Редкие типы сосудов

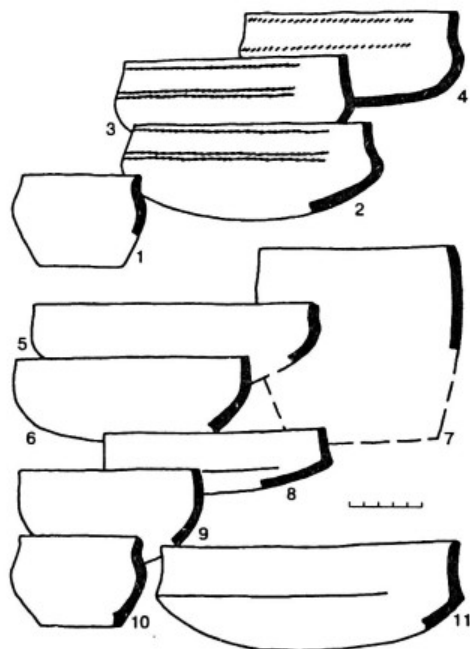

Рис. 31. Лепная керамика городища Камно. Столовая посуда

что памятники близки друг другу. Основное отличие лепной керамики городища Камно от поселений типа Рыуге заключается в отсутствии у кухонных сосудов с Камно проколов под венчиком, а также в значительно меньшем количестве здесь столовой посуды. С учетом того, что поселения Нижнего Повеличья занимают периферийное положение относительно основного ареала распространения памятников типа Рыуге, последнее легко объяснимо. Во всяком случае, отмеченные различия не дают основания для противопоставления поселений Нижнего Повеличья и юго-восточной Эстонии друг другу.

Родство поселений последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье и юго-западном Причудье прослеживается и по остаткам домостроительства. Раскопками городища Камно выявлено до шести строительных горизонтов построек с земляными или глинобитными полами и отопительными сооружениями, занимавшими в интерьере серединное положение (рис.32). По крайней мере со второго по времени горизонта на площадке городища устанавливается порядная система застройки: ряды разнотипных построек (столбовые с очагами, обставленными по краю плитняковыми камнями, поставленными на ребро; срубные с глинобитной печью на булыжном опечье и подом, промазанным глиной) чередуются между собой.⁴¹

Вероятно, сходное домостроительство зафиксировано также раскопками городища у д.Борохново под Псковом: здесь исследованы фрагменты глинобитных полов (?) и остатки обугленных деревянных конструкций по краю площадки городища; найденная в слое лепная керамика представлена фрагментами кухонной и столовой утвари.⁴²

Домостроительство городища и селища Рыуге стало в недавнее время предметом специального анализа в работе М.Аун. Исследовательница отметила, что "о характере построек в древнем периоде (жизни памятника — С.Б.) судить весьма трудно. Но поскольку вблизи очагов в большинстве случаев не обнаружено столбовых ям, то можно предположить, что постройки были, очевидно, срубными... В одном случае...

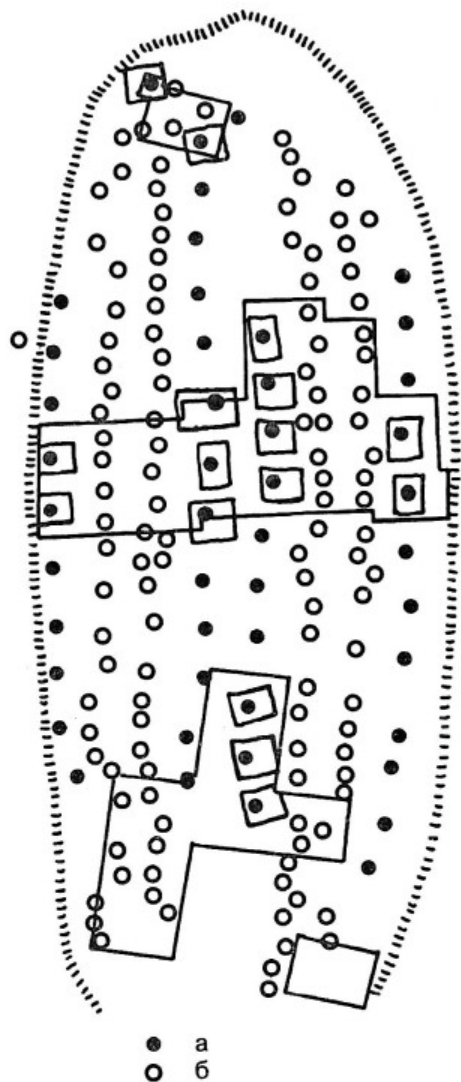

Рис. 32. Схема застройки городища Камно по данным раскопок и результатам геофизической разведки (по К.М.Плоткину, с элементами реконструкции). а — очаги; б — печи

41 Глазунов В.В., Плоткин К.М. Археолого-геофизическое изучение..., с.82-91; Плоткин К.М. Псков и его округа..., с.9.

42 Архив ИА РАН, р.1, д.8576, л.4-9.

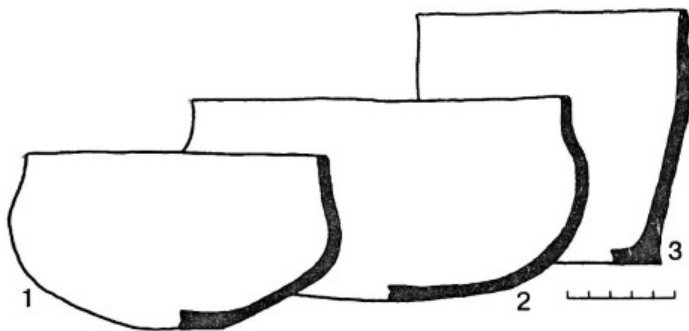

Рис. 33. Грубая (3) и подлощенная (1-2) лепная керамика из могильника в Кобрату (восточная Эстония)

в нижней части культурного слоя обнаружено несколько округлых ям (диам. 25 см), оставшихся, возможно, от столбов. Большинство остатков построек связывается с периодом, когда на его (городища — С.Б.) западном и восточном концах были сооружены низкие валы... Выявленные постройки... неоднократно перестраивались. Обнаружены остатки пяти построек с глиняными полами... Кроме остатков жилищ к этому периоду относится и большинство очагов и печей... К позднему этапу городища относятся, очевидно, очаги и очажные ямы".⁴³ Аналогичного характера остатки домостроительства выявлены и раскопками селища Рыуге.⁴⁴ Имеющиеся данные позволяют констатировать соответствие этих построек домостроительству городища Камно, что уже отмечалось в литературе.⁴⁵ На других поселениях рыугеского типа следы застройки не вполне отчетливые.⁴⁶

Для решения проблемы происхождения поселенческих древностей типа Камно-Рыуге существенным представляется наблюдение, изложенное в ряде работ эстонских коллег, фиксировавших совпадение ареалов распространения поселений типа Рыуге и каменных могильников юго-восточной Эстонии с ареалом тартусского диалекта южно-эстонского наречия. Наличие в каменных могильниках второй половины I тысячелетия по Р.Х. керамики, аналогичной керамике поселений типа Рыуге (рис.33), а также безусловные местные корни керамического набора поселений типа Рыуге, генетически связанного с керамикой каменных могильников с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х., позволяют признать, что поселения типа Рыуге принадлежали населению, хоронившему своих покойников в поздних каменных могильниках. Это население являлось потомками носителей культуры каменных могильников с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х.

Если сказанное справедливо, то, по-видимому, и для керамического набора поселений типа Камно следует констатировать местное прибалтийско-финское происхождение, что дает основание относить жителей поселений данного типа к прибалтийско-финскому миру. Однако фиксировать прямую связь поселений типа Камно с южно-эстонскими каменными могильниками не приходится. В низовьях Великой могильники с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х. пока не известны, и вероятность их обнаружения в будущем мы можем только предполагать. В этой связи обращают на себя внимание курганы с подкурганными каменными конструк-

43 Аун М. Археологические памятники..., с.27.

44 Там же, с.28-32.

45 Там же, с.40; Плоткин К.М. К вопросу о хронологии...

46 Аун М. Археологические памятники..., с.21, 22, 24, 25, 32-34.

циями, известные по материалам раскопок в Нижнем Повеличье и на смежных территориях юго-восточной Эстонии. По крайней мере часть таких памятников традиционно включается в сводки памятников культуры длинных курганов (курганы в могильниках Северик, Верепково, Лосицы, Першина, Кынну, Лоози и др.),⁴⁷ или же причисляется к древностям типа новгородских сопок (курган у д. Романово).⁴⁸ Именно на эти памятники указывал В.В.Седов, отмечая смешение традиций погребального обряда культуры длинных курганов и южно-эстонских каменных могильников, вызванного, по мнению исследователя, ассимиляционными процессами, происходившими в контактной зоне между двумя разноэтничными археологическими культурами.⁴⁹ И именно эти памятники привлекали внимание исследователей, искавших истоки культуры длинных курганов в южно-эстонских каменных могильниках.⁵⁰

Невозможность признать погребальные памятники данного типа переходным звеном от культуры каменных могильников к культуре длинных курганов вытекает из хронологического соотношения курганов с подкурганными каменными конструкциями и курганов, относящихся к собственно культуре длинных курганов: эти группы древностей либо археологически одновременны, либо курганы с подкурганными каменными конструкциями датируются более поздним временем, чем середина — третья четверть I тысячелетия по Р.Х.⁵¹ Но, в то же время, связь курганов с подкурганными каменными конструкциями и культуры каменных могильников сомнений не вызывает.⁵² На эту связь указывает и сходство подкурганных оградок с оградками каменных могильников, и близость каменных вымоستков под курганными насыпями каменным вымосткам поздних каменных могильников, утративших традиции возведения оградки, и, наконец, массовые категории находок, прежде всего —

47 Седов В.В. Длинные курганы..., с.24.

48 Седов В.В. Восточные славяне..., с.61.

49 Седов В.В. Длинные курганы..., с.39,40.

50 Лаул С.К. Об этнической принадлежности..., с.319-329; Тыниссон Э. Монография..., с.304.

51 К числу ранних памятников обычно относят курган 6 (по нумерации К.М.Плоткина) в могильнике Северик. В частности, В.В.Седов датирует погр. 16 в этом кургане по находке бляшки-скорлупки VI-VII вв. и считает курган одним из наиболее ранних в культуре длинных курганов (Седов В.В. Длинные курганы..., с.34). Однако датировка эта не бесспорна. К.М.Плоткин датирует тот же комплекс VII в., а другие курганы с подкурганными каменными оградками в могильнике Северик относит к VIII-IX вв. (Плоткин К.М. Курганный могильник у д.Северик // АИП, 1982, [вып.2], с.50). Большинство курганов с подкурганными каменными конструкциями в пределах региона либо не содержат датирующего материала (Лоози, Верепково, Першина), либо относятся к концу I тысячелетия по Р.Х. (Романово).

52 Основным отличие курганов с подкурганными каменными конструкциями от каменных могильников является принцип совершения захоронений. Для каменных могильников характерно рассыпание погребений по обряду кремации на стороне среди камней во внутреннем пространстве оградки; выделение отдельных погребений в процессе раскопок как правило невозможно или, во всяком случае, затруднено. В курганах с подкурганными каменными конструкциями, напротив, обнаружены обособленные друг от друга погребения по обряду кремации на стороне, помещенные в кургане аналогично тому, как помещались в курганах погребения культуры длинных курганов. Кажется, единственный случай рассыпания кальцинированных костей и преднамеренное разбивание погребальной урны, совершенные на плитняковой вымостке в основании курганной насыпи, зафиксированы раскопками кургана у д.Романово (Белецкий С.В. Курган у деревни Романово..., с.180). Конечно, теоретически не исключено, что подобные различия в деталях обрядности объясняются хронологическими изменениями в ритуале, которые произошли под влиянием социальных изменений в обществе. Но подчеркну, что традиция рассыпания кальцинированных костей в культуре каменных могильников прослеживается не только в первой половине I тысячелетия по Р.Х., но и в более позднее время — вплоть до XI-XII вв. Иными словами, эта традиция сохранялась в обрядовых действиях населения Эстонии параллельно с распространением на территории Нижнего Повеличья и Причудья погребальных памятников с традицией совершения отдельных, обособленных друг от друга погребений. При этом нет оснований считать, что носители культуры длинных курганов находились по сравнению с носителями культуры каменных могильников на более высокой ступени развития общественных отношений.

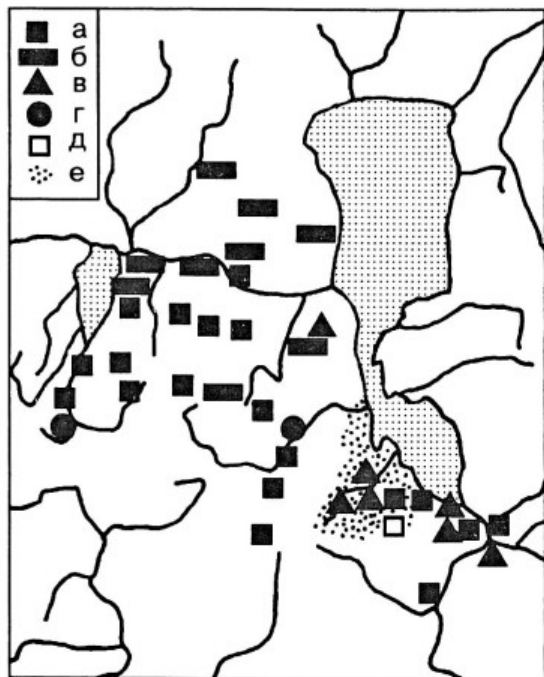

Рис. 34. Поселения и могильники последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье и западном Причудье. а – городища культуры Камно-Рыуге; б – каменный могильник; в – курганы с каменными конструкциями; г – селища культуры Камно-Рыуге; д – поселение с преобладанием в керамике раннеславянских форм; е – ареал расселения сету в начале XX в. (по Е.Рихтер)

керамика (рис. 19, 3; 20, 1,3,4,7,10). Найденные в погребениях курганов с каменными конструкциями сосуды,⁵³ типологически восходят к керамике каменных могильников с оградками первой половины I тысячелетия по Р.Х. А погребальная урна из кургана в Кынну (рис. 17, 1) представлена сетчатым сосудом, аналогичным сетчатой керамике из каменных могильников с оградками (рис. 17, 2-3).⁵⁴

Обращает на себя внимание сходство керамики из курганов с подкурганными каменными конструкциями с керамикой поселений типа Камно: и в погребениях, и на поселениях представлены грубые банковидные сосуды с едва намеченными плечиками и стенками, незначительно сходящимися по направлению к широкому дну, а также подлощенная керамика. Вместе с данными о близости поселений типа Камно поселениям рыугеского типа, а курганов с подкурганскими каменными конструкциями каменным могильникам это позволяет утверждать: в курганах с подкурганскими каменными конструкциями хоронили своих покойников жители поселений типа Камно.

После всего сказанного мы неизбежно приходим к выводу о том, что в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. Нижнее Повеличье и Западное Причудье (в пограничных с Псковщиной районах) было заселено потомками носителей культуры длинных курганов, ассимилированными местным прибалтийско-финским населением – носителями культуры каменных могильников. И если в отношении бытовой материальной культуры, зафиксированной поселенческими древностями (обликом поселения, характером домостроительства, бытовым инвентарем и системой хозяйствования) процесс слияния разнокультурных традиций зашел уже настолько далеко, что привел к появлению качественно нового образования – древностей типа Камно, близко родственных (но не вполне идентичных) древностям типа Рыуге, – то в отношении духовной культуры общества (материализовавшейся в деталях погребального ритуала), этот процесс еще не привел к окончательному слиянию особенностей, восходящих к различным по происхождению традициям. Именно этим, вероятно, следует объяснять отмеченную выше сложную картину погребальных

53 Таковы, в частности сосуды из погребений в кург. 6 в могильнике Северик. Замечу, что сосуд из погр. 16 этого кургана В.В.Седов неправомерно отождествил с биконическими сосудами новгородских сопок и ребристыми сосудами, характерными для некоторых групп населения северо-западного ареала расселения славянства (Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья..., с.100-101; он же. Длинные курганы..., с.26,27; он же. Восточные славяне..., с.51). В действительности, в погр.16 кург.6 могильника Северик найден сосуд, чрезвычайно близкий и по форме, и по фактуре к чашевидным сосудам поселений типа Рыуге и сходных с ними сосудов из каменных могильников с оградками.

54 Аун М. Археологические памятники..., табл.XLVIII, 2.

обрядов последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в регионе.

Если изложенное справедливо, то поселения типа Камно и соответствующие им погребальные памятники следует расценивать в качестве древностей населения, являвшегося в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. уже автохтонами края. Разумеется, время от времени это население испытывало на себе внешние импульсы, связанные с инфильтрацией в пределы региона отдельных групп населения извне. Это фиксируется и деталями материальной культуры поселений, и элементами погребального ритуала.⁵⁵ Однако существенного воздействия на характер исторических процессов, протекавших в регионе, эти импульсы, можно думать не оказали, а их носители вскоре растворялись в местной этно-культурной среде, почти не оставляя следов своего пребывания. Единственным исключением из намеченной картины (рис.34) остается факт существования на площадке Труворова городища поселения с преобладанием славянского элемента в составе жителей. Значительные отличия этого памятника от древностей округа и отсутствие в пределах региона убедительных корней для материальной культуры первопоселенцев Труворова городища заставляют с особым вниманием отнестись к роли и месту этого поселения в исторических судьбах региона.

Но прежде обратимся к анализу культурной стратиграфии Пскова: благодаря полученной картине культурной стратиграфии Нижнего Повеличья и западного Причудья реконструкция процесса возникновения города при слиянии Псковы и Великой получает тот необходимый "фон", без которого трудно оценить фиксируемые по данным археологии изменения, происходившие в судьбах этого центра.

55 К числу таких импульсов, вероятно, можно относить инфильтрацию в Нижнее Повеличье носителей культуры смоленско-полоцких длинных курганов; этот импульс материализовался появлением в регионе круглых полусферических курганов, лишенных погребений (так называемые "пустые курганы"), а в слоях поселений — незначительного количества фрагментов сосудов с S-видным профилем, украшенных по плечу и венчику отпечатками веревочного штампа. Пустые курганы и керамика, украшенная веревочными штампами, широко представлены в более южных районах Верхнего Поднепровья (и шире — до Верхнего Повеличья и Бежаницкой возвышенности). Следами пребывания в Нижнем Повеличье носителей культуры сопков, возможно, явилась ярусность захоронений в кургане у д. Романово, а свидетельством проникновения населения с территории расселения балтских племен — погребения коней в могильнике Северик и жертвенный жеребенок в романовском кургане.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПСКОВА¹

Псков находится на западной границе русских земель. Город расположен при слиянии рек Псковы и Великой в 10 км от впадения последней в Псковское озеро. Средневековый Псков в основном вписывается в границы крепостных стен конца XV в. (рис. 35). Территория города традиционно разделяется на Кром, (включающий площадку городища и примыкавший с юга к городищу участок плато), Довмонтов город, Средний город, Окольный город, включающий Полонище (кварталы в междуречье Псковы и Великой) и Запсковье (кварталы на правом берегу Псковы). К юго-востоку и северу от крепостных стен располагались посады и околгородские слободы. Посады находились также на Завеличье — на левом берегу Великой.

Псковское городище — неправильно овальное в плане, площадью около 2 га. Оно занимает площадку на вершине узкого скалистого мыса при впадении Псковы в Великую, с запада площадка городища ограничена крутым берегом Великой, с востока и с севера — крутым берегом Псковы и речной поймой. Высота над урезом воды 15-17 м. От плато в древности городище отделялось перепадом материковой скалы, ныне хорошо заметным со стороны берега Великой. Раскопки производились неоднократно — с 1930 г. и вплоть до начала 1990-х годов. Вскрытая площадь превышает 3 тыс. м² (рис.36), мощность слоя — от 2 до 4,5-5 м.

Напластования культурного слоя на площадке Псковского городища представлены отложениями разного времени. Стратиграфически выделяются два основных слоя: верхний — светло-серый и серо-коричневый с обильной примесью щебня, известкового раствора, битого кирпича и проч.; нижний — темно-серый до черного и темно-коричневого (в последнем случае — за счет обильной примеси щепы и навоза). Слой в основном сухой, лишенный грунтовых вод. Только в центральной части площадки городища выявлены несколько горизонтов деревянной застройки хорошей сохранности.

Культурный слой Псковского городища содержит до 13 горизонтов застройки. Древнейший из этих горизонтов принадлежал поселению носителей культуры каменных могильников.² От поселения сохранилась всего одна постройка, представленная углубленным котлованом неправильных очертаний, в центре которого размещались остатки очага³. Находки лепной сетчатой керамики немногочисленны (рис. 37), а сам культурный слой первой половины I тысячелетия по Р.Х. практически полностью “растоптан”.

В третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. на площадке городища существовало

1 В сокращенном виде основные выводы по главе были опубликованы в 1980 г., см.: Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, 1980, № 160.

2 Раскопками 1991 г. на площадке городища выявлены плохо сохранившиеся остатки слоя с находками керамики асенской культуры середины I тысячелетия до Р.Х. В настоящей работе эти материалы не учитываются.

3 Открыта при раскопках 1983 г. в центральной части площадки городища.

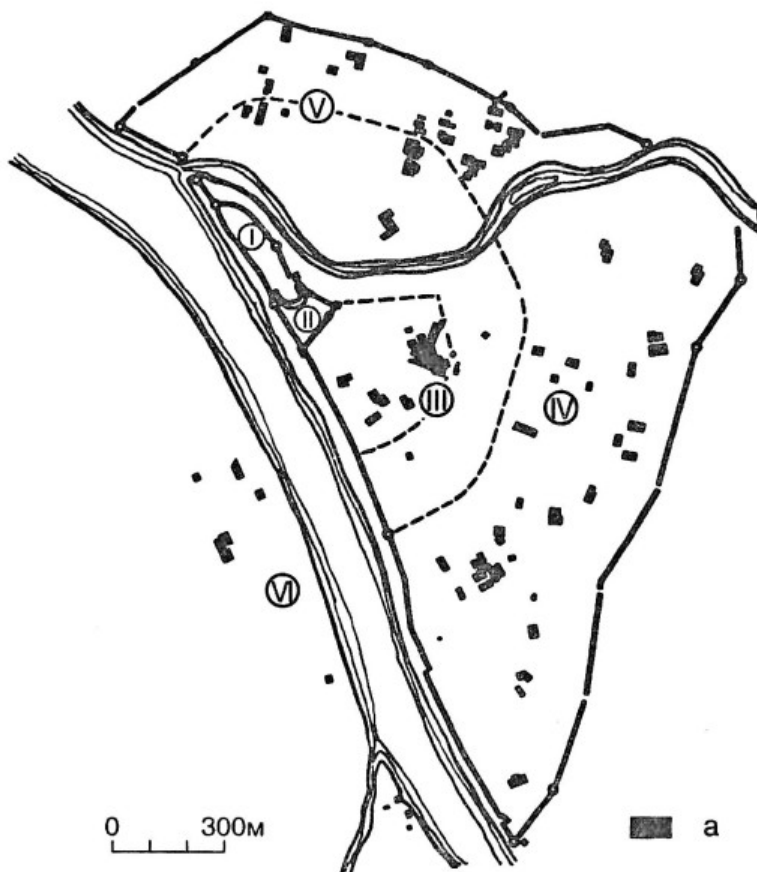

Рис. 35. Схема Псковской крепости с обозначением мест раскопок. I – Кром; II – Довмонтов город; III – Средний город; IV – Полонище; V – Запсковье; VI – Завеличье

поселение, принадлежавшее носителям культуры длинных курганов. От этого поселения до нас дошли остатки наземных жилых построек с углубленным в землю квадратным центральным котлованом; в одном из углов котлована или у его стены (напротив входа?) размещалась печь-каменка. Не исключено, что постройки располагались по периметру свободной от застройки центральной площади (рис.38), хотя уверенности в этом нет: пространство между двумя основными по площади раскопами в мысовой части городища осталось в основном не исследовано, а, кроме того, именно в этой части площадки зафиксированы наиболее существенные нарушения культурного слоя, относящиеся, главным образом, ко времени сооружения артиллерийских бастионов (1701 г.).

Из вещевых находок, определенно относящихся ко времени существования на площадке городища поселения носителей культуры длинных курганов, упомяну шестигранную бусину синего стекла и бронзовый пластинчатый браслет.⁴ В заполнении котлованов построек и в предматериковом слое погребенной почвы найдена лепная гладкостенная керамика, представленная обломками горшков баночной и тюльпановидной формы, а также сосудами стройных пропорций и единичными фрагментами сковород (рис. 39-40). Найдены также арбалетная фибула с лопатовид-

4 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия..., с.11.

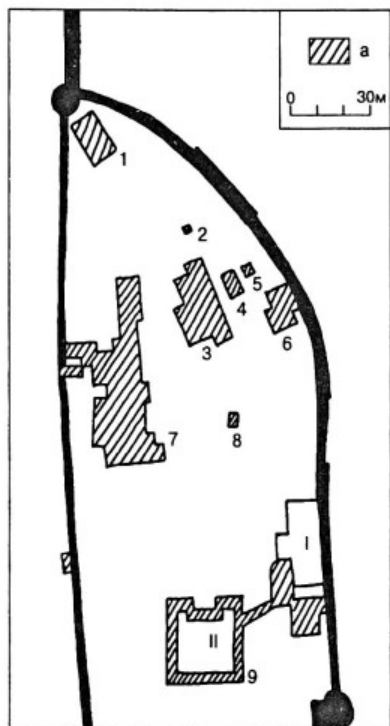

Рис. 36. План-схема Псковского городища. I — “Пороховой погреб”, II — “Дом причта”. а — раскопы (1 — 1960 г.; 2,5 — 1030 г.; 3 — 1941, 1946, 1947 гг.; 4 — 1936 г.; 6 — 1961 г.; 7 — 1946-1949, 1977-1978 гг.; 8 — 1972 г.; 9 — 1983, 1984, 1991, 1992 гг.

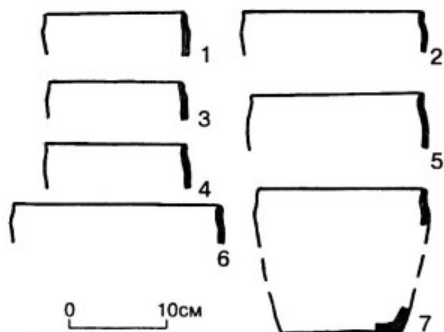

Рис. 37. Сетчатая лепная керамика из нижнего слоя

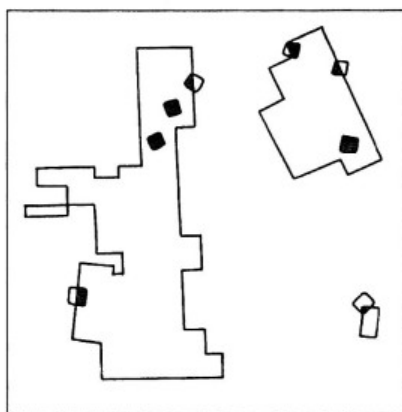

Рис. 38. Схема размещения углубленных построек в мысовой части площадки Псковского городища

ной ножкой, бляшка-скорлупка, булавка.⁵ С комплексами построек эти предметы не связаны. В статье 1980 г. я предполагал, что большинство находок первой половины — середины I тысячелетия по Р.Х. относятся ко времени поселка культуры сетчатой керамики. После анализа образцов угля из раскопок 1991-1992 гг.⁶ выяснено, что поселение культуры сетчатой керамики на Псковском городище гибнет во второй половине IV — первой трети V вв., так что не исключено, что названные предметы могли относиться к поселению носителей культуры длинных курганов. Из других находок, связанных с поселением середины — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х., следует упомянуть многочисленные глиняные биконические пряслица с широким каналом, а также роговые односторонние гребни с горбатой спинкой.

В VIII-IX вв. на площадке Псковского городища существует поселение, принадлежавшее носителям культуры типа Камно-Рыуге. В это время площадка городища застраивается несколькими рядами наземных построек с глинобитными или земля-

5 Там же.

6 Определения датировок по ¹⁴C выполнены С.Г.Поповым (ИИМК РАН), которого, пользуясь случаем, я хотел бы искренне поблагодарить.

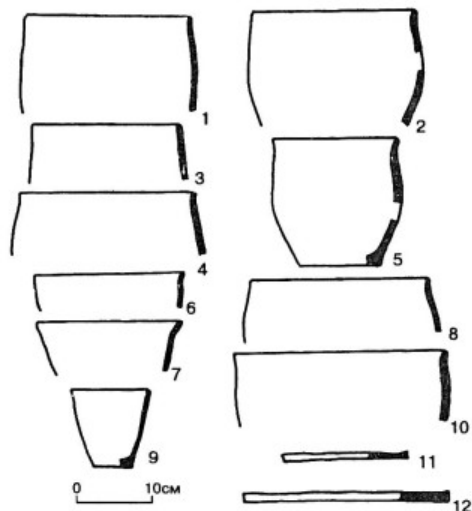

Рис. 39. Лепная гладкостенная керамика из нижнего слоя Псковского городища

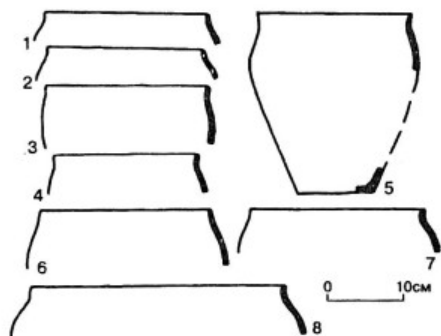

Рис. 40. Лепная гладкостенная керамика из нижнего слоя Псковского городища

ными полами и отопительными сооружениями (печи, очаги), занимавшими в интерьере серединное, либо близкое к серединному положение. Ряды построек ориентированы вдоль длинной оси площадки городища — с севера на юг. Между рядами прослежены проезды. В площади сводного раскопа в северной части площадки городища восстанавливается система застройки для трех условных горизонтов (рис.41-43). Остатки построек сопровождаются находками многочисленных фрагментов лепной кухонной и столовой посуды, аналогичная керамика происходит и из слоя, соответствующего этому периоду существования поселения (рис. 44,46). Наряду с керамикой рыугеского круга из слоя происходят также немногочисленные фрагменты сосудов иных типов: ребристые, канеллированные, с S-видным профилем и орнаментом в виде отпечатков веревочного штампа (рис.45). Многочисленны вещевые находки: браслеты с утолщенными и расширяющимися концами, пластинчатые браслеты с выпуклыми ребрами, булавки, пинцеты, бизовидная подвеска, спиральный перстень, трапециевидные подвески, предметы и отходы бронзолитейного производства (тигли, льячки, литейные формы, шлаки, капли металла), следы железодельного производства (крицы, шлаки), известняковые пряслица, гребни с фигурной спинкой, костяная подвеска-уточка, синие стеклянные бусы.

Позднейший из горизонтов застройки поселка культуры Камно-Рыуге гибнет в пожаре. Предварительно время гибели поселения определялось второй половиной IX в.⁷ Эта датировка подтвердилась раскопками 1991-1992 гг.: спил с бревна, происходящего из слоя пожара, был датирован в лаборатории дендрохронологии Псковского археологического центра 860 г.⁸

Во второй половине IX в. застройка городища меняется. Появляется горизонт деревянных срубных построек с дощатыми полами на лагах и печью в углу. Сохранность слоя этого времени плохая — напластования в основном уничтожены при позднейших планировочных работах. Как будто бы удается фиксировать два самосто-

7 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия..., с.15; он же. Раскопки Псковского городища в 1977-1978 гг. // Древнерусские города. М., 1981, с.60, рис.25.

8 Благодарю М.И.Кулакову, обработавшую коллекцию спилов из раскопок 1992 г.

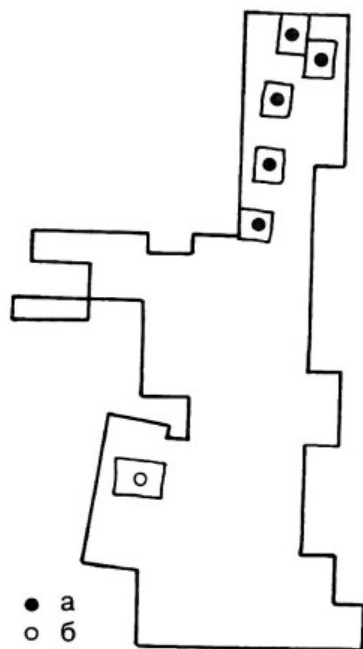

Рис. 41. Схема реконструкции застройки в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище. "Нижний горизонт" сводного раскопа.
а — очаги; б — печи

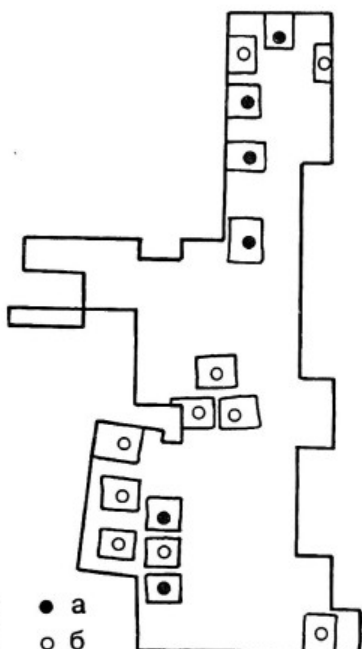

Рис. 42. Схема реконструкции застройки в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище. "Средний горизонт" сводного раскопа.
а — очаги; б — печи

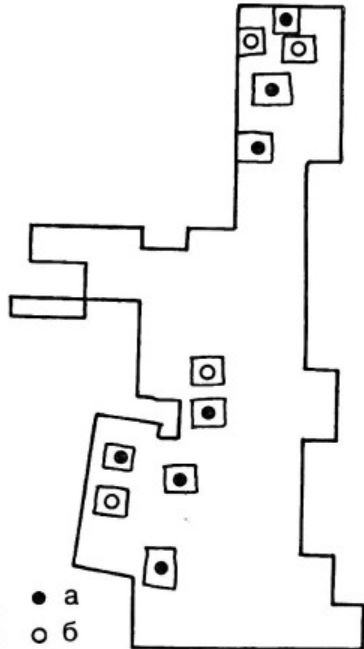

Рис. 43. Схема реконструкции застройки в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище. "Верхний горизонт" сводного раскопа.
а — очаги; б — печи

ятельных горизонта застройки, но полной уверенности в этом нет. Более или менее отчетливо застройка восстанавливается только в южной части сводного раскопа (рис.47). Время формирования слоя было определено в пределах второй половины IX — начала XI вв.,⁹ что подтвердилось датировкой спилов из раскопа 1992 г. — 938 и 944-945 гг.

В слое найдена предкруговая и примитивнокруговая керамика (рис.48), а в верхних частях этого слоя обнаружены также немногочисленные фрагменты круговой богатоорнаментированной керамики рубежа X-XI вв. (рис.49) Среди находок, связанных с этим слоем отмечу равноплечные и круглую фибулы, диски от вертикального ткацкого стана, односторонние наборные роговые гребни, детское деревянное оружие, разнообразные бусы, куфические дирхемы, коромысло весов и гирьку, бронзовую шейную гривну, подковообразные фибулы, игральную кость, ланцетовидные наконечники стрел, односторонний роговой гребень с фигурной спинкой, украшенный гравированным изображением ладьи и проч. Из находок в раскопках последних лет особый интерес представляет нательный крест из низкопробного серебра с грубым изображением Распятия, найденный в слое рубежа X-XI вв.¹⁰

Слой X в. перекрыт слоем пожара начала XII в. В этом слое вместе с находками круговой древнерусской керамики (рис.50) содержатся остатки деревянной жилой

9 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия..., с.11,12.

10 Мусин А.Е. Крест-тельник из Псковского кремля (к характеристике корпуса древнейших русских крестов) // ПСКОВ, СПб., 1994, с.154-163.

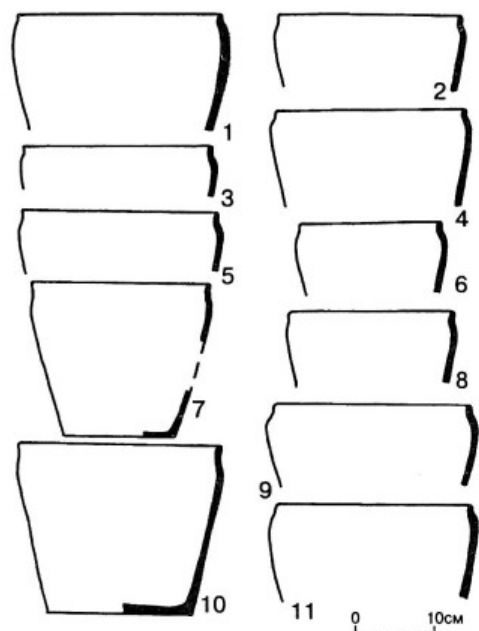

Рис. 44. Лепная кухонная посуда из слоя последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище

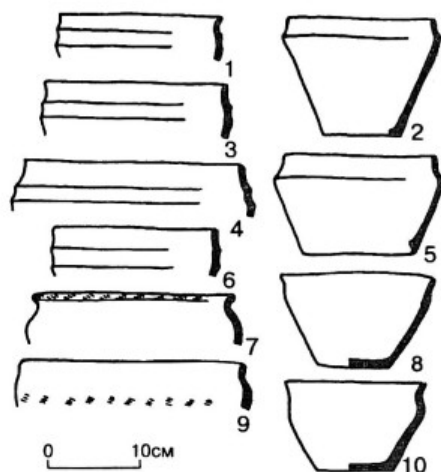

Рис. 45. Лепная кухонная посуда из слоя последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище. Редкие типы сосудов

застройки: фрагменты срубных построек с печью в углу, частоколы. Слой сохранился крайне плохо. Однако к XI-XII вв. относятся многочисленные ямы, прорезавшие более древние напластования культурного слоя и позволяющие уверенно фиксировать для этого времени плотную жилую застройку на площадке городища. Частоколы, выявленные в площади сводного раскопа в северной части площадки городища, как будто бы указывают на существование улицы, проходившей с юго-востока на север и упиравшейся в переулок (рис.51). Отсутствие культурного слоя и остатков построек второй половины X-XI вв. указывает на проведение на площадке городища нивелировочных работ, непосредственно предшествовавших жилой застройке начала XII в.:

во время этих работ слои второй половины X-XI вв., а частично, и более раннего времени, были уничтожены. Древнейшая каменная крепость, фрагмент которой был открыт при раскопках 1948 г., датируется временем не позднее начала XII в. Можно полагать, что нивелировочные работы были связаны с необходимостью переустроить территорию городища, превратившегося после строительства каменной крепости в детинец города. К XII в. относится и строительство в южной части детинца каменного с кирпичом храма Св.Троицы.

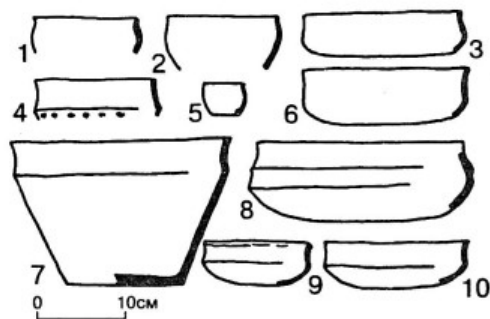

Рис. 46. Лепная столовая посуда из слоя последней четверти I тысячелетия по Р.Х. на Псковском городище

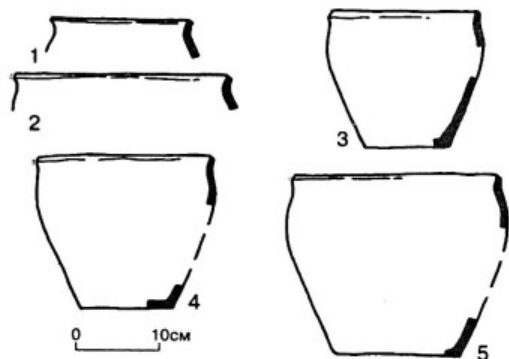

Рис. 48. Предкруговая керамика Псковского городища

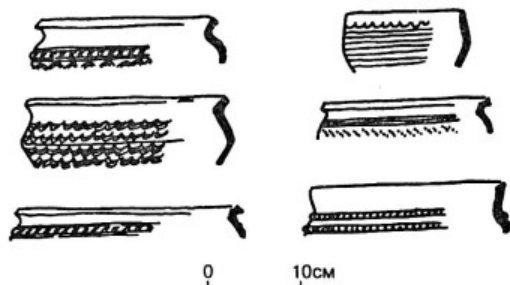

Рис. 49. Богатоорнаментированная круговая керамика Псковского городища

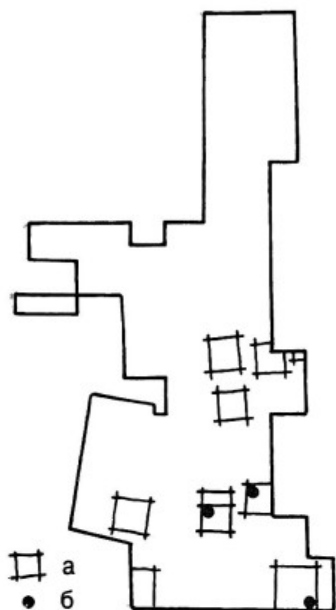

Рис. 47. Схема застройки сводно-го раскопа на Псковском городище в конце IX-X вв. а — местоположение постройки; б — печь

Вышележащие отложения на площадке Псковского городища датируются XIV-XV вв. и более поздним временем. К проблеме возникновения города эти материалы уже не имеют отношения: в XI-XII вв. Псков — безусловно существующий средневековый город, судьбы которого исследуются не только по данным археологических раскопок, но и по разнообразным свидетельствам письменных источников. Отмечу только, что отсутствие культурного слоя XII-XIII вв. на площадке городища связано с проведением в начале XIV в. нивелировочных земляных работ, необходимость которых диктовалась полным переустройством в это время городского детинца.

Южная часть Крома — территория средневековой вечевой площади Пскова (к югу от собора Св.Троицы) площадью около 1 га — в древности находилась за пределами площадки городища. Раскопки здесь производились в 1970-1980-е годы в связи с изучением средневековых псковских фортификаций. Вскрытая площадь превысила 600 кв.м, мощность слоя достигает 4,5 м и более. Стратиграфически выделяются два слоя: нижний — темно-коричневый до черного с прослойками угля, золы, песка, древесного тлена; верхний — шлейф прослойки строительного мусора, сформировавшийся в результате масштабного каменного строительства и разрушения каменных и кирпичных построек XII-XX вв.

Древнейшие отложения культурного слоя в южной части Крома начали формироваться во второй половине IX в. В слое открыто 4-6 горизонтов жилой застройки, представленной фрагментами срубных построек с глинобитными купольными печами, зафиксированы деревянные и плитняковые отмостки (дворовые?). Из слоя происходят находки лепной и примитивнокруговой керамики (рис.52, IV-VI). Наиболее поздние из открытых в нижнем слое сооружений относятся к началу XI в. В этом горизонте зафиксированы следы пожара. Из слоя происходят фрагменты

богатоорнаментированной керамики (рис.52, III) и вещевые находки, среди которых отмечу глиняные диски от вертикального ткацкого стана, наборную одностороннюю гребенку, бляшку от поясного или уздечного набора, куфический дирхем.¹¹

Верхний слой начал формироваться не ранее XIV в. (рис.52, I-II). Слои конца XI — начала XIV вв. отсутствуют, что позволяет предполагать проведение в южной части Крома в первой половине XIV в. (возможно, в 1337 г. в связи с устройством вечевой площади Пскова) масштабных земляных работ.

На территории Довмонтова города, примыкающего с юга к Крому, раскопки велись практически непрерывно с 1956 по 1990 г. Мощность культурного слоя здесь колеблется от 2,5 до 3,5 м, возрастает до 8 м за счет заполнения рва перед южной крепостной стеной Крома. Стратиграфически выделяются два слоя: нижний — интенсивно черного или темно-коричневого цвета с прослойками золы, песка, угля, навоза, щепы, древесного тлена, насыщенный грунтовыми водами; верхний — серый и светло-серый, насыщенный строительным мусором, представляет собой шлейф прослоек строительного мусора, отражающих процесс застройки территории Довмонтова города в XII-XVI вв. каменными культовыми и гражданскими постройками. В результате этих строительных работ нижний слой оказался сильно нарушен, прослежен в относительно неповрежденном виде только отдельными, сравнительно небольшими участками.

Нижний слой в пределах Довмонтова города начал формироваться в конце IX в. В отложениях конца IX-XIII вв. прослежено несколько горизонтов застройки деревянными срубными жилищами с дощатыми полами на лагах и печью в углу. В горизонте начала XI в. исследованы остатки железодельного производства. Отмечу следы пожара, в котором погибли постройки первой половины XI в. Среди находок, связанных с отложениями конца IX — начала XI вв. упомяну, кроме предкруговой, примитивнокруговой и круговой богатоорнаментированной керамики, незавершенную ажурную подвеску гнездовского типа из оловянистого сплава, заготовку рогового одностороннего гребня с фигурной спинкой, золотую византийскую монету X в.

Территория Среднего города примыкает к Довмонтову городу с юга, разделяется на две части. Первоначальное ядро Среднего города — так называемое “Застенье” — площадью около 20 га ограничено стенами 1309 г. В конце 1360-х годов была возведена деревянная крепостная стена, включившая в черту городских укреплений еще около

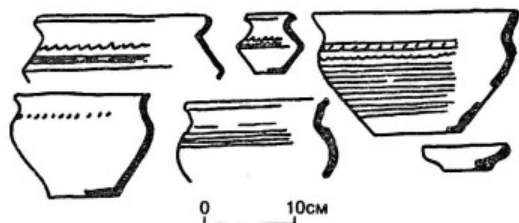

Рис. 50. Круговая древнерусская керамика Псковского городища

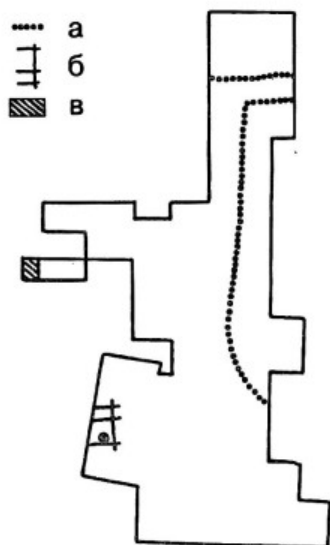

Рис. 51. Схема застройки сводного раскопа на Псковском городище в XII в. а — частотолы; б — постройка; в — местоположение открытого участка крепостной стены

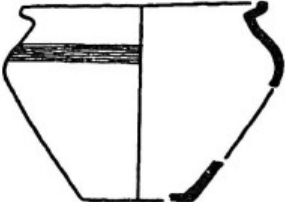

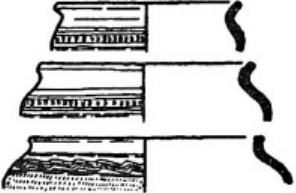

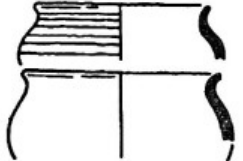

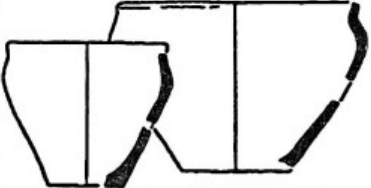

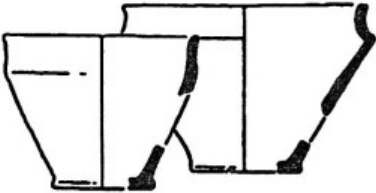
Слой	Фрагменты	Реконструкции
I		
II		
III		
IV		
V		
VI	 <div data-bbox="421 1350 637 1461" style="display: inline-block; border: 1px solid black; padding: 5px; margin-left: 100px;"> </div>	

Рис. 52. Керамика из раскопа 1973-1974 гг. в южной части Псковского Кремля. а -- лепная керамика; б - примитивнокруговая и круговая керамика

20 га территории междуречья Псковы и Великой; в 1374/75 г. деревянные стены Среднего города были заменены каменными. До возведения крепостных стен территория будущего Среднего города входила в пределы неукрепленного городского посада. Слои X-XI вв. открыты в северо-западной и восточной частях Среднего города, слои второй половины XI в. и более позднего времени зафиксированы во всех раскопах.

Слой древнейшего посада X — начала XI вв. содержал не менее двух строительных горизонтов деревянной застройки, представленной срубными постройками с печью в углу. Застройка середины X в. (горизонт Ж, по Г.П.Гроздилову¹²) открыт только в раскопе 1956 г. (рис.53, А). В раскопе X на ул.Ленина к этому времени относится доярусный слой. Древнейший посад топографически представлял собой два “языка” застройки, распространившейся вдоль Псковы и Великой. Этот горизонт характеризуют находки примитивнокруговой керамики (рис.53, Б).

Горизонт конца X — начала XI вв. (горизонт Е в раскопе 1956 г., см.: рис.54, А; ярус 15 в раскопе X на ул.Ленина; предматериковый слой в раскопе 1972 г. у здания института “Псковгражданпроект”) сохраняет направления роста посада. Характерными находками, позволившими синхронизовать раскопы в разных частях территории города, явились фрагменты богатоорнаментированной круговой керамики (рис.54, Б; 55). Встречены также единичные фрагменты лепных подлощенных чаш (рис.55, В), сходных со столовой посудой из слоя Псковского городища.

Между двумя языками посада в конце IX — начале XI вв. функционировал курганный некрополь. Здесь же были исследовано языческое капище.¹³

Остатки курганов, большинство которых было полностью сnivelировано еще в древности, исследовались под культурным слоем средневекового посада на протяжении ряда лет — с 1974 по 1991 гг. К началу 1990-х годов в раскопах на ул. Ленина было открыто около 70 погребений. Наиболее подробная информация о них содержится в статье Н.Н. Милютиной.¹⁴ Опираясь на результаты этого исследования, частично скорректированные по отчетам о раскопках, можно суммировать имеющиеся сведения об обряде псковского некрополя следующим образом:¹⁵

1) преобладают безурновые погребения по обряду кремации на стороне, рассыпанные на горизонте (на поверхности погребенного дерна), на тонкой песчаной подсыпке или на кострище; помещенные в грунтовых ямках, опущенных с уровня горизонта, с поверхности подсыпки или с поверхности кострища, либо впущенные в насыпь кургана;

2) не менее трети погребений по обряду кремации помещались в урны (лепные, примитивнокруговые или круговые богатоорнаментированные сосуды), поставленные на горизонте либо на кострище или же помещенные в ямки, опущенные с поверхности горизонта или подсыпки либо впущенные в насыпь кургана;

3) сожжения на месте немногочисленны: уверенно можно говорить только об одном захоронении (погр. 19/1978), размещавшемся на ладьевидном кострище (вероятно, сожжение в челне);

4) погребения по обряду ингумации (всего 7) составляют менее 10% открытых захоронений; зафиксированы основные (в деревянных камерах, в колоде, в яме), и впускные (в ямах) погребения ориентированные, по-преимуществу, головой на юг и

12 Гроздилов Г.П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ, 1962, № 4.

13 Лабутина И.К. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского городища. М., 1989, с.100-108.

14 Милютина Н.Н. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков, 1994, с.128-150.

15 Белецкий С.В. Несколько замечаний о языческом некрополе Пскова // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. СПб., 1995, с.31-36.

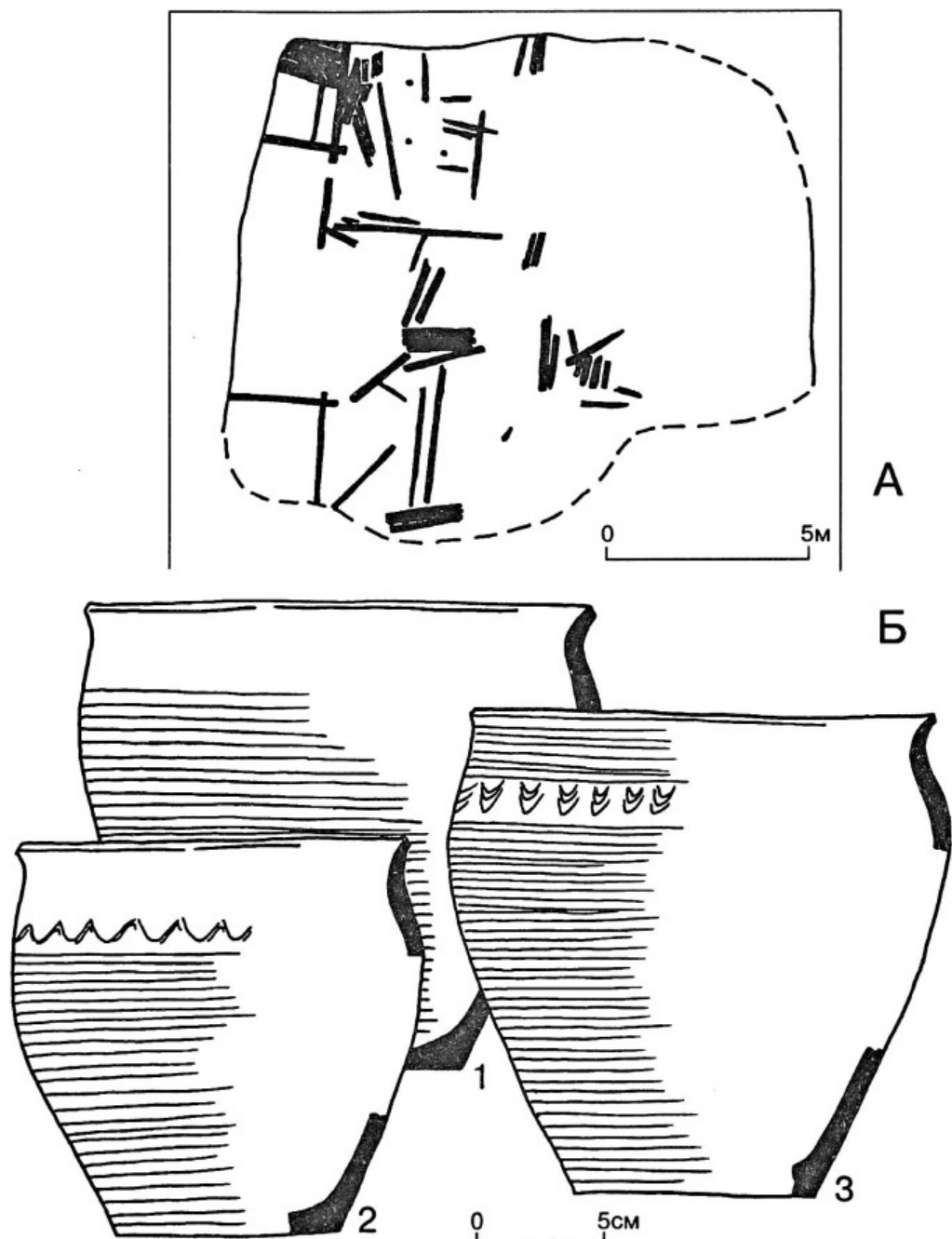

Рис. 53. Средний город. Горизонт Ж (А) в раскопе 1956 г. (по Г.П.Гроздилову) и примитивнокруговая керамика из этого горизонта (Б)

юго-запад (погр. 15/1976 имело северо-восточную ориентировку).

Время функционирования некрополя традиционно определяется в пределах X — начала XI вв. Основанием служат находки погребального инвентаря, а также хронология древнейшего горизонта жилой застройки, перекрывшего курганы. Начало освоения участка под жилую застройку И.К. Лабутина определяет в пределах вт. пол. XI в.,¹⁶ а начало застройки некрополя объясняет ростом населения Пскова.¹⁷ Этот вывод недавно поддержал К.М. Плоткин.¹⁸ Действительно, первое освоение территории некрополя под застройку происходит около сер. XI в., что подтверждается дендрохронологически: древнейший столб-свая, прорезавший курганный насыпь над погр. 1/1974 имел порубочную дату 1044 г. Очевидно и то, что застройка участка происходила не единовременно, а на протяжении по крайней мере всей вт. пол. XI и нач. XII вв.: первый сформировавшийся строительный горизонт относится только к 20-30-м годам XII в.

Но если вывод о постепенном характере формирования застройки участка не вызывает возражений, то заключение о постепенном прекращении функционирования некрополя остается не доказанным, как не доказанной является и предлагавшаяся датировка начала функционирования кладбища X в. Пока можно уверенно говорить о том, что наиболее ранние погребения совершены в пределах кон. IX — X вв., а позднейшие — не ранее перв. четв. XI в. Судя по находкам в погребениях примитивнокруговой и богатоорнаментированной круговой керамики, время совершения большинства захоронений соответствует времени существования застройки горизонтов Е и Ж (по стратиграфической шкале Г.П. Гроздилова) посадка, а находки лепных сосудов соотносят погребения некрополя с горизонтом застройки Псковского городища, образовавшимся после пожара начала 860-х годов. Таким образом, курганный некрополь оказывается по времени синхронен поселению, существовавшему на месте Пскова во вт. пол. IX — перв. пол. XI вв. Около сер. XI в. (ранее 1044 г.) курганы некрополя были сnivelированы, и с полученной дневной поверхности начали забивать первые сваи будущего горизонта посадской застройки. Тогда же было уничтожено и языческое капище, открытое рядом с курганами. Таким образом, застройка территории некрополя растянулась во времени на несколько десятилетий, в то время как сам некрополь был подвергнут единовременной nivelировке. Очевидно, уничтожение некрополя не связано с демографическими проблемами.

Особым сюжетом является проблема “варяжского присутствия” в материалах псковского некрополя. Наличие в составе некрополя скандинавов в настоящее время уже никем всерьез не отрицается: к числу “скандинавских” погребений относят нарушенное погр. 4/1976, содержавшее парные скорлупообразные фибулы,¹⁹ погр. 9/1976, в которое были воткнуты нож, наконечник стрелы и железное кресало,²⁰ погр. 46/1985, из которого происходит булава с декоративным кольцом,²¹ курган с погр. 57/1989 (т. н. “большой курган”), из которого происходит, наряду с другими находками, набор амулетов.²² Учитывая, что исследовано около 70 погребений, традици-

16 Лабутин И.К. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с.157-158.

17 Лабутин И.К. Псков в X-XV вв. Историческая топография по данным археологии // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.1, вып. 2а. М., 1987, с.133.

18 Плоткин К.М. Концы Пскова на начальном этапе сложения городской территории // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994, с.30-31.

19 Лабутин И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА, 1981, № 166, с.71-72; Милотина Н.Н. Некоторые результаты изучения..., с.149.

20 Лабутин И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф. Древнерусский некрополь Пскова, с.74.

21 Александров А.А., Грушина Л.Е., Закурина Т.Ю. Во времена княгини Ольги. Псков, 1995, с.25, табл.V.

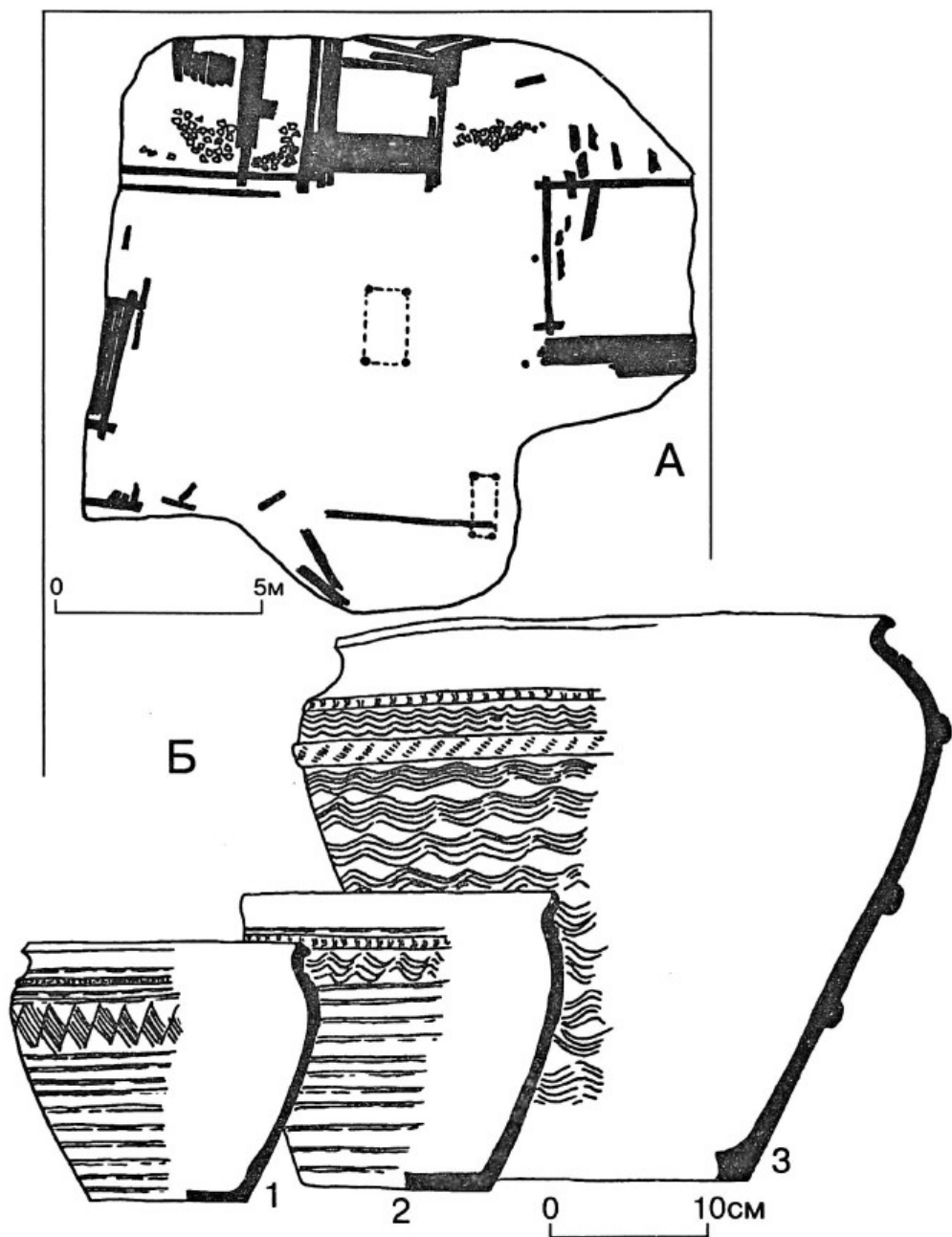

Рис. 54. Средний город. Горизонт Е (А) в раскопе 1956 г. (по Г.П.Гроздилову) и богатоорнаментированная круговая керамика из этого горизонта (Б)

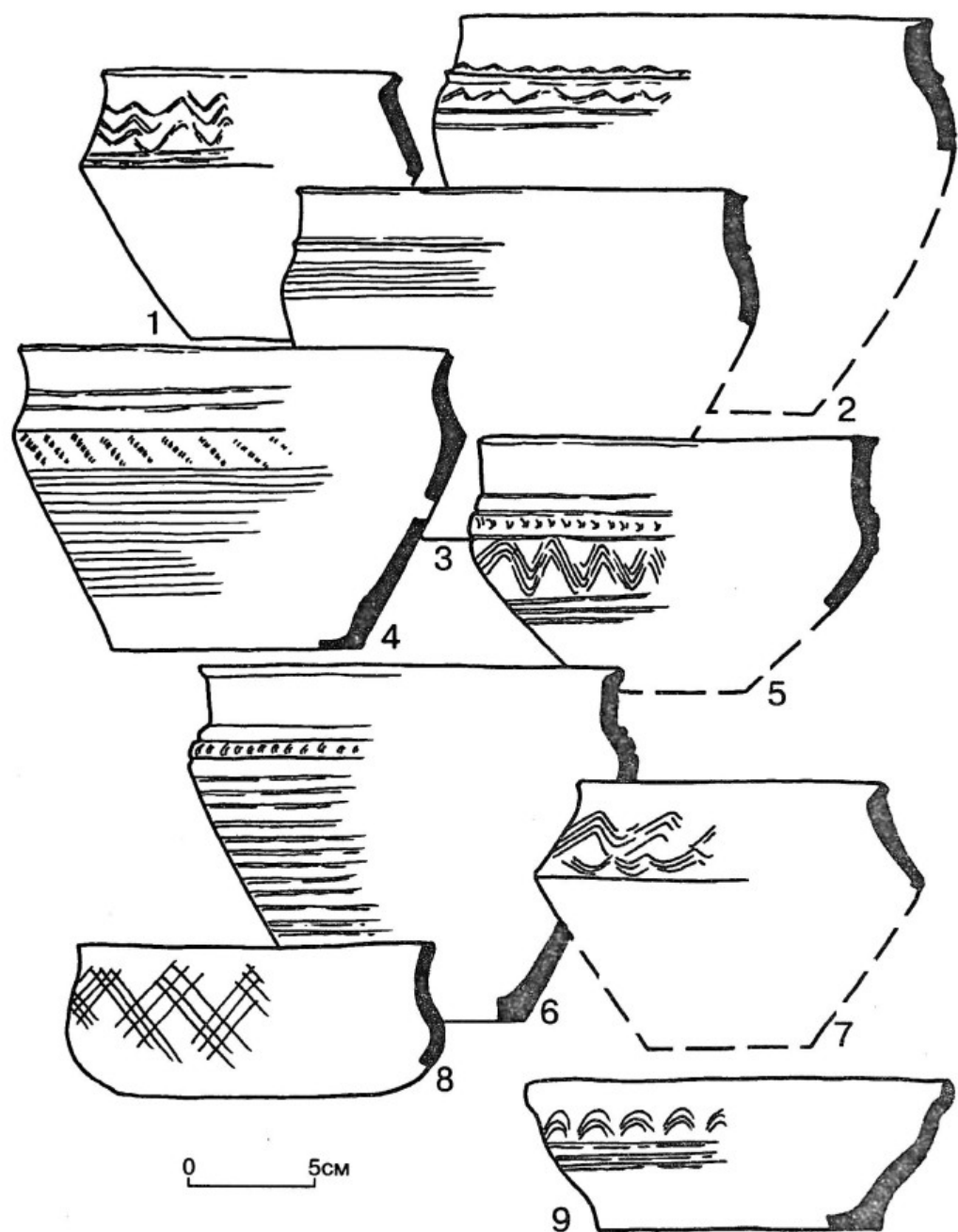

Рис. 55. Лепная (8) и круговая богатоорнаментированная керамика (1-7,9) из горизонта Е в раскопе 1956 г. (1-8) и Довмонтова города (9)

онно речь идет о присутствии отдельных “скандинавских” захоронений, в то время как подавляющее большинство погребений псковского некрополя признается “славянскими”. “Пребывание скандинавов в Пскове представляется малозаметным эпизодом,” — подчеркивал В.В. Седов.²²

Полагаю, вывод этот не вполне корректен: статистика изученных погребений некрополя вряд ли дает основание для однозначных выводов о соотношении “славян” и “не-славян” среди погребенных. Традиционная отсылка к находкам “славянской” керамики вряд ли помогает: в качестве погребальных урн использовались, по преимуществу, такие же круговые сосуды, какие обнаруживаются и в слоях жилой застройки. Очевидно, и в погребальном ритуале, и в быту использовалась одинаковая керамика — продукция профессионалов-гончаров, обеспечивавших горожан посудой. И, следовательно, речь может идти о профессиональных традициях гончарства, но не о этнографической характеристике тех лиц, прах которых находил последнее упокоеие в сосудах.

Подавляющее большинство исследованных раскопками погребений псковского некрополя являются, на мой взгляд, этнографически “нейтральными”. Единственная количественно заметная группа захоронений — погребения с северо-европейскими элементами в обряде и находками предметов северо-европейского происхождения. Кроме уже названных захоронений упомяну погребения, в которых среди кальцинированных костей найдены фрагменты сломанного гребня (12/1976, 26/1982, 36а/1985, 55/1987), погребение, рядом с которым в кострище был воткнут нож (50/1985), погребение на ладьевидном кострище (19/1978). Очевидно, северо-европейские параллели можно обнаружить для погребения, исследованного в 1989 г. на границе раскопов X и XI на ул. Ленина: с этим погребением связаны находки тордированной железной гривны с молоточком Тора и вотивного железного топорика.²³ Вероятно, к числу не обязательно “славянских” захоронений следует отнести также три камерных (“дружинных”) захоронения (1/1974, 15/1976, 25/1979), в двух из которых погребения по обряду ингумации были помещены в сидячем положении (1/1974; 25/1979). Погр. 15/1976 по сопровождавшему инвентарю (фибула, футляр для трута) признал “скандинавским” В.В. Седов.²⁴

Для характеристики некрополя определенное значение имеют предметы, найденные в культурном слое подстилающем горизонт застройки: равноплечная фибула, железная тордированная гривна, инкрустированные бусы, ланцетовидные наконечники стрел, серебряная подвеска в виде молоточка Тора, скрамасакс. Большинство этих предметов связано с разрушенными погребениями некрополя.

Разумеется, я не настаиваю на том, что большинство захоронений псковского некрополя были совершены по северо-европейским традициям обрядности — такой вывод был бы в той же мере неоправдан, что и вывод о преобладании “славянских” захоронений. Скорее, речь может идти о том, что именно “варяжская” серия признаков оказывается среди прочих характеристик псковского некрополя единственно выразительной.

Горизонт Е раскопа 1956 г. гибнет в пожаре. Со следующего строительного горизонта (середина — вторая половина XII в.) фиксируется перепланировка посада: по жилым кварталам предшествующего времени проходит улица, а застройка приобретает усадебный характер. Напластования культурного слоя XI-XVII вв., содержащие до 13 ярусов жилой застройки, относятся ко времени безусловного существования города Пскова.

В пространстве между речья Псковы и Великой к югу и юго-востоку от Среднего

22 Седов В.В. Скандинавские элементы в раннесредневековом Пскове // ТД XI СК, М., 1989, с.147.

23 Плоткин К.М., Степанов С.В. Раскоп X на ул. Ленина // АИП, 1990, (Вып.11), с.90.

24 Седов В.В. Скандинавские элементы..., с.146.

города (территория т.н. "Полонища") ранние напластования зафиксированы раскопками 1989-1993 гг. на Романовой горке: в XI-XIII вв. здесь существовало околородское поселение. Раскопками исследованы остатки курганно-жальничного могильника, среди погребений которого преобладают грунтовые захоронения по обряду ингумации, но обнаружено по крайней мере одно погребение по обряду кремации на стороне. В культурном слое XIV-XIX вв. найдены редкие фрагменты домонгольской круговой керамики, единичные обломки лепных сосудов. Здесь же в 1881 г. был найден клад, состоявший из серебряных скандинавских и прибалтийско-финских украшений.²⁵ Исследования других кварталов территории Полонища показали, что формирование здесь посадской застройки начинается только в XV в., хотя с XIII-XIV вв. территория Полонища входила в зону хозяйственного освоения города.

Первоначальное освоение территории Запсковья (правобережье Псковы) относится к третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. В это время в прибрежной к Пскове части Запсковья существовало поселение культуры длинных курганов. Основной период формирования культурного слоя на Запсковье определяется в пределах от XI до XVII-XVIII вв. Древнейшее ядро застройки (XI-XIV вв.) тяготеет к пойме Псковы. Освоение периферийных районов Запсковья происходит в XV в.²⁶

Раскопками конца 1980-х годов были получены некоторые дополнительные данные, позволяющие предположительно относить время освоения Запсковья под застройку посадскими кварталами ко времени более раннему, чем вторая половина XI в. (начало XI в.),²⁷ однако последующие раскопки это, как будто бы, не подтвердили.²⁸

На левом, противоположном от псковской крепости берегу р. Великая культурный слой прослежен пятнами в прибрежной зоне напротив Псковской крепости. Раскопками в районе средневековой Изборской улицы исследованы остатки околородского поселения XI — XII вв.²⁹ Этому поселению, вероятно, принадлежал могильник, открытый при случайных обстоятельствах в 1886 г.³⁰ и обследованный в 1940 г.³¹ Значительные размеры могильника и присутствие в нем разноэтничных погребений (латгальское, древнерусские, возможно — прибалтийско-финские) подтверждает этническую пестроту округа Пскова в XI-XII вв.³²

Таким образом, накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет уверенно констатировать сложный и непрямолинейный процесс предистории средневекового города при слиянии Псковы и Великой. Древнейшее поселение на Псковском городище принадлежало прибалтийско-финскому населению. В середине — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. на площадке Псковского городища существует поселение носителей культуры длинных курганов. Это поселение располагается в окружении (?) неукрепленных селищ, что свидетельствует, по всей видимости, об иммиграционном потоке и целенаправленной попытке освоения Нижнего Повеличья.

25 Анализ состава клада проведен А.А. Александровым и В.И. Кильдюшевским (Псковский клад 1881 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1988, с.71-74).

26 Белецкий С.В., Кильдюшевский В.И., Плоткин К.М., Мержанова К.А. Запсковье средневекового Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990, с.15-19.

27 Белецкий С.В., Мержанова К.А. Козмодемьянский раскоп // АИП, 1989, (вып.10), с.95,96.

28 Яковлев А.В. Раскопки Псковского археологического центра в 1993 г. // АИП, 1994 (вып.14), с.3.

29 Харлашов Б.Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков, 1994, с.44-75.

30 Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ПАО, т.10, Псков, 1914, с.248-249.

31 РА ИИМК РАН, ф. 35, оп.1, № 90.

32 Ершова Т.Е. Могильник XI-XII вв. в Пскове на Завеличье // АИП, 1989, (вып.10), с.16-18.

В последней четверти I тысячелетия по Р.Х. площадку Псковского городища занимает крупное поселение, принадлежавшее прибалтийско-финскому населению, родственному носителям рюгеской культуры — потомкам носителей культуры каменных могильников. Попытка освоения Нижнего Повеличья носителями культуры длинных курганов, таким образом, окончилась безрезультатно: иммигранты практически полностью растворились среди автохтонов. Поселение на Псковском городище, являвшееся наиболее крупным (несколько сотен жителей) поселением такого типа в пределах Нижнего Повеличья и примыкающих районах юго-восточного Причудья представляло собой, по всей видимости, племенной центр автохтонов края последней четверти I тысячелетия по Р.Х.

В 860-е годы при впадении Псковы в Великую появляется и на протяжении последующих полутора столетий функционирует раннегородское образование: к югу от городища формируется обширный неукрепленный посад, появляется курганный некрополь и языческое капище (рис.56). Застройка посада была, как будто бы, достаточно хаотичной. Отдельные усадьбы, возможно, размещались не только в пространстве междуречья Псковы и Великой, но и на Запсковье (с начала XI в.?). Вещевой инвентарь и детали погребального обряда указывают на этническую пестроту жителей с выделением прибалтийско-финского, латгальского, славянского и заметного варяжского компонентов. В топографической близости от города размещаются околгородские поселения.

Раннегородское образование при слиянии Псковы и Великой гибнет в пожаре в первой половине XI в. (ранее 1044 г.). Основанное на его месте поселение дает начало собственно средневековому городу Пскову: именно с этого времени можно констатировать стабильный характер топографии и планировки городской территории, а также материальной культуры жителей.

События, материализовавшиеся в археологических материалах IX-XI вв. теоретически должны были бы найти отражение на страницах русских летописей. Но, прежде чем мы обратимся к фактам письменной истории, представляется целесообразным вернуться к проблеме соотношения Труворова городища и его округи.

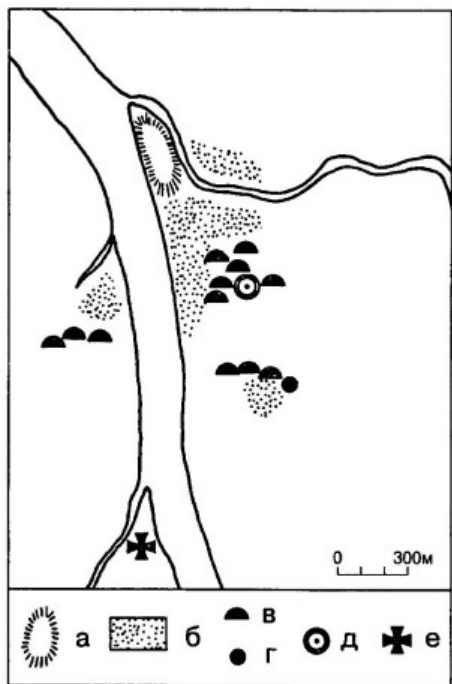

Рис. 56. Топографическая структура раннегородского образования при слиянии Псковы и Великой в начале XI в. Реконструкция. а — городище; б — неукрепленные поселения; в — могильники; г — клад; д — капище; е — христианский монастырь

ТРУВОРОВО ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Для понимания исторических процессов, протекавших в Нижнем Повеличье в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. проблема соотношения поселения на Труворовом городище и древностей округа имеет первостепенное значение.

Прежде всего, обращают на себя внимание значительные размеры поселения. Около 200 отопительных устройств, исследованных раскопками в нижнем слое поселения свидетельствуют о существовании по крайней мере такого же числа жилых построек. Предполагая (с учетом долговременного характера поселения), что одновременно на площадке городища существовало не более трети этих построек, то есть — около 60-70 жилых комплексов, мы получаем ориентировочное число семей, одновременно проживавших на поселении. Если принять среднюю численность семьи в 6 человек,¹ то общее число жителей поселка можно оценить в 360-420 человек.

Однако раскопками на Труворовом городище была полностью изучена только площадка в пределах укреплений древнерусского времени. Считать, что площадь раскопов накрыла всю территорию поселения последней четверти I тысячелетия по Р.Х., естественно, не приходится: примыкающее с юга предградье, застроенное более хаотично, нежели пространство в пределах укреплений, было подвергнуто раскопкам лишь на сравнительно небольшом участке. Значительная часть территории предградья (не менее 0,5 га) в настоящее время для раскопок потеряна или недоступна: в древнерусское время культурный слой здесь был уничтожен при устройстве рва или перекрыт насыпью вала городища. С учетом этой части поселения число жилых комплексов, одновременно существовавших в пределах поселения, могло достигать ста и более, то есть — численность жителей поселения можно оценить ориентировочно в 600-700 человек или даже несколько больше.

Таким образом, значительная концентрация населения, зафиксированные раскопками следы ремесленной деятельности, знакомство жителей поселка с товарно-денежными отношениями и установленная этническая пестрота в составе населения свидетельствуют о далеко не рядовом характере поселения на Труворовом городище. В.В.Седов полагает, что Труворово городище в VIII-IX вв. было ремесленно-торговым центром,² и с этим выводом трудно не согласиться.

В то же время, вывод В.В.Седова о том, что Труворово городище являлось одним из племенных центров славян, расселившихся в середине I тысячелетия по Р.Х. в низовьях Великой и бассейне Псковского озера,³ вызывает решительное возражение.

1 "Независимые демографические исследования согласно утверждают, что средняя численность семьи — шесть человек — была одинаковой в средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока" (Древняя Русь. Город, замок, село. // Археология СССР, т.15, М., 1985, с.65).

2 Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / Археология СССР, т.13, М., 1982, с.46-58.

Ход рассуждений, лежащих в основе этого вывода, приблизительно следующий:

— поселение на Труворовом городище основано славянами;

— оно находится в пределах региона, заселенного с середины I тысячелетия по Р.Х. славянами-кривичами, насыпавшими длинные курганы;

— носители культуры длинных курганов появились в лесной зоне Восточной Европы в результате миграции какой-то части славян из Средней Европы;

— все параллели для материальной культуры Труворова городища уводят в северо-западный регион славянского расселения, то есть — в районы Средней Европы;

— Архангелогородский летописец называет Изборск “в кривичех большой город”;

— следовательно, Труворово городище в д. Старый Изборск — это и есть кривичский “город Изборск”, племенной центр славян-кривичей, насыпавших длинные курганы.

При всей логичности изложения, подкупающего своей четкостью и кажущейся очевидностью, конечный вывод при ближайшем рассмотрении оказывается неверным. В последней четверти I тысячелетия по Р.Х. Нижнее Повеличье не было зоной славянского расселения: хотя носители культуры типа Камно и являлись в своей основе потомками носителей культуры длинных курганов, но в смешении двух различных по происхождению традиций — культуры длинных курганов и культуры каменных могильников — решительно возобладали прибалтийско-финский компонент. Следовательно, расценивая поселение на Труворовом городище в качестве племенного центра Нижнего Повеличья, заселенного в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. потомками носителей культуры длинных курганов, нам пришлось бы допустить неславянский характер поселения на Труворовом городище.⁴ Но дело даже не в этом.

Определение “племенной центр” подразумевает существование “племени”, а “племя”, нужно полагать, в этно-культурном отношении должно было составлять вместе со своим “племенным центром” некое единство, материализовавшееся, в частности, в однородном облике материальной культуры. Между тем, в пределах Нижнего Повеличья и Причудья отсутствует сколь-нибудь заметный пласт древностей

3 Там же.

4 Такой вывод, кстати говоря, не вступил бы в противоречие с общим ходом рассуждений В.В.Седова. Анализируя особенности культуры длинных курганов в Нижнем Повеличье и Причудье, исследователь отмечал: “длинные курганы с самого начала сочетают в себе славянские и местные... культурные особенности. А это значит, что кривичи как отдельная восточно-славянская племенная группировка формировались в условиях взаимодействия... славян с местным населением (Седов В.В. Восточные славяне..., с.54). Неоднократно подчеркивалась и важная роль прибалтийско-финских традиций в формировании культуры длинных курганов: “Кривичи VI-IX вв. — это не только пришлые носители славянского языка, но и местное население, смешавшееся с пришельцами. Поэтому не будет ошибкой назвать длинные курганы памятниками смешанного славяно-балто-финского населения” (Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ, вып.Е1-8, М., 1974, с.40). Правда, В.В.Седов рассматривает смешение разноэтничных традиций при сложении культуры длинных курганов как свидетельство “начавшегося процесса славянизации аборигенов” (Седов В.В. Длинные курганы..., с.40). Однако для районов юго-восточной Эстонии исследователь делает исключение, допуская здесь полную ассимиляцию носителей культуры длинных курганов местным прибалтийско-финским населением (Седов В.В. Восточные славяне..., с.56). Учитывая, однако, что памятники культуры длинных курганов в районах Нижнего Повеличья и Причудья (включая памятники восточной Эстонии, находящиеся на побережье Псковско-Чудского озера) В.В.Седов всегда анализировал как единый массив древностей (Седов В.В. Длинные курганы..., табл. I-III, VIII, IX), можно полагать, что исследователь не наблюдал и принципиальных отличий между древностями отдельных микрорегионов в пределах этого ареала распространения памятников культуры длинных курганов. И, следовательно, судьбы носителей культуры длинных курганов вряд ли должны определяться местом проведения современной государственной границы между Россией и Эстонией. Считать всерьез, что носители культуры длинных курганов на территории Эстонии были полностью ассимилированы, а на территории России, напротив, славянские элементы возобладали над прибалтийско-финскими, не приходится. Кстати, Изборск и его округа находятся в пределах государственной территории Эстонии (в границах до 1940 г.).

последней четверти I тысячелетия по Р.Х., который соответствовал бы по облику материальной культуры поселению на Труворовом городище. Следовательно, для “племенного центра” не находится “племени”. Полагаю, что определение “племенной центр” применительно к поселению на Труворовом городище принципиально неверное.

Но, отказываясь от оценки поселения на Труворовом городище как племенного центра, подчеркну: население Нижнего Повеличья в последней четверти I тысячелетия по Р.Х., безусловно, уже достигло того уровня общественного развития, при котором процесс социально-политической консолидации (явившийся следствием социально-экономического развития общества) неизбежно должен был материализоваться в возникновении крупных племенных центров. Именно таким центром являлось в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. Псковское городище. По ориентировочным подсчетам, на поселении одновременно существовало до 150-180 жилых построек. Это позволяет оценивать численность жителей поселения в пределах 1 тыс. чел. Раскопками зафиксированы следы ремесленной деятельности, свидетельства занятий жителей охотой, рыболовством, возможно — животноводством. Все это свидетельствует о большом значении центра на Псковском городище для округа. К.М.Плоткин справедливо подчеркивал, что Псковское городище “в VIII-IX вв. является самым крупным центром в бассейне нижнего течения р.Великой”.⁵ Добавлю к этому, что Псковское городище являлось наиболее крупным поселением последней четверти I тысячелетия по Р.Х. не только в Нижнем Повеличье, но и в Причудье: все остальные укрепленные поселения типа Камно-Рыуге (включая такие центры, как Тартуское городище) заметно уступали Псковскому городищу и по размерам, и по вероятному числу жителей.⁶

Как будто бы есть основания фиксировать определенную иерархию поселений Нижнего Повеличья. Так, К.М.Плоткин полагает, что городище Камно являлось “центром небольшой округи, иерархически подчиненным” Псковскому городищу.⁷ По-видимому, такой же вывод можно адресовать и другим укрепленным поселениям типа Камно-Рыуге. Численность жителей на каждом из таких поселений оценивается ориентировочно в несколько десятков человек (до сотни?). Для последней четверти I тысячелетия по Р.Х. это, на мой взгляд, немало. При этом следует учитывать, что ремесленные поселения типа Камно-Рыуге являлись центрами сельскохозяйственных микроокруг, получая оттуда значительную часть продуктов питания и, следовательно, находясь от округ в известной зависимости. Основная же масса населения культуры

5 Плоткин К.М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н.э. / Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Л., 1980, с.11-12.

6 К.М.Плоткин оценивал численность жителей городища Камно в несколько сотен человек (Плоткин К.М. Псков и его округа..., с.9). Однако с этим вряд ли можно согласиться. По подсчетам Плоткина, на площадке городища одновременно размещалось 50-60 построек со средней площадью 17,5 м² и 100-120 построек со средней площадью около 22 м². Таким образом, общая площадь одновременно существовавших на площадке городища построек достигает 3075-3100 м². Общая площадь площадки городища — около 0,35 га. Таким образом, свободной от застройки в пределах поселения оставалась площадь не более 400-425 м², что позволяет считать средний проход между постройками равным приблизительно 0,3 м. Полагаю, что при самых скромных требованиях к санитарным нормам этого, все-таки, недостаточно. Видимо, при реконструкции сводных планов по отдельным строительным горизонтам застройки городища Камно не всегда учитывалась одновременность сооружений. Реально на площадке городища Камно вряд ли могло разместиться одновременно более 15-20 построек, что определяет численность жителей поселка в пределах 90-120 человек (реально, по-видимому, несколько меньше). На городище Рыуге и примыкавшем к нему селище в общей сложности зафиксированы следы приблизительно трех десятков построек, однако долговременный характер поселения дает основания полагать, что часть этих построек разновременна. Поэтому численность жителей вряд ли превышала несколько десятков человек. Таким же миниатюрным было и поселение, размещавшееся на площадке городища Борохново.

7 Плоткин К.М. Псков и его округа..., с.14.

типа Камно-Рыуге, составлявшая такого рода микроокруги, проживала на селищах, аналогичных селищу у д. Усадище.⁸

Таким образом, к концу I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье сложилась, на мой взгляд, следующая ситуация. Население региона состояло, главным образом, из потомков носителей культуры длинных курганов, испытавших сильное воздействие со стороны автохтонов края. Практически, жители края уже утратили этноопределяющие черты иммигрантов середины — третьей четверти I тысячелетия по Р.Х. и полностью смешались с автохтонами. Население Нижнего Повеличья находилось на стадии родо-племенной организации общества: сельские округа группировались вокруг центров типа городища Камно, а последние находились в иерархическом подчинении крупнейшему в регионе центру — поселению при слиянии Псковы и Великой.

Сам по себе факт возникновения в пределах микроокруг центров с большей или меньшей концентрацией населения и выраженной ремесленной специализацией жителей свидетельствует о том, что в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье протекал интенсивный процесс формирования территориально-соседских общин. Однако очевидно, что этот процесс не привел еще ни к распаду родовых связей, ни к социальной дифференциации общества. Более того, нет никаких данных, которые позволили бы установить различия в укладе жизни населения центров микроокруг и племенного центра на Псковском городище: единственным отличием последнего является значительная концентрация здесь населения. По-видимому, ни одно из укрепленных поселений носителей культуры типа Камно (включая и Псковское городище) не достигло той стадии развития, при которой центр превращался в место концентрации и перераспределения прибавочного продукта.

В попытке объяснить место протогородского центра на Труворовом городище в системе центров Нижнего Повеличья приходится констатировать, что ремесленная деятельность иммигрантов и их потомков ни в коей мере не являлась приоритетной особенностью хозяйственной деятельности жителей Труворова городища: ремесленными центрами своих микроокруг являлись и городища типа Камно, и даже племенной центр на Псковском городище. Следовательно, занятие жителей Труворова городища ремеслами не обеспечивали протогороду исключительного положения в пределах округа. Очевидно, основная функция Труворова городища скрывается в чем-то ином, нежели обеспечение жителей округа продукцией ремесла.

В этой связи напомним, что в IX в. на Труворовом городище серийно представлены монетные находки — дирхемы 792/793 (2 экз.), 805, 811/812 и 818/819 гг. Время выпадения монет в слой П.Г.Гайдуков и А.В.Фомин определяют в пределах 800-870 гг.⁹ Факт присутствия в слоях IX в. куфических монет В.В.Седов отмечал, однако оставил его без комментария.¹⁰

Между тем, эти находки заслуживают самого пристального внимания. П.Г.Гайдуков расценил монетные находки Труворова городища как свидетельство знакомства жителей протогорода с товарно-денежными отношениями.¹¹ Соглашаясь с этим выводом, подчеркну: в IX в. Труворово городище является единственным поселением такого рода в Нижнем Повеличье, и уже одно это не позволяет распространять вывод о существовании товарно-денежных отношений на все Нижнее Повеличье.¹² Но, если

8 Памятники этого типа известны пока только по данным разведок и сборам подъемного материала: изучение сельских поселений Нижнего Повеличья продолжает оставаться одной из насущных задач археологии Псковщины.

9 Гайдуков П.Г., Фомин А.В. Монетные находки Изборска // КСИА, 1986, № 183, с.101-104.

10 Седов В.В. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т.1, вып.1, М., 1987, с.17.

11 Гайдуков П.Г. Монетные находки Изборска // АИП, 1983, (вып.3), с.29.

так, то монетные находки Труворова городища, вне всякого сомнения, указывают на более высокий уровень экономического развития общины протогорода по сравнению с другими поселениями региона. И, следовательно, развитие товарно-денежных отношений в общине протогорода вряд ли было вызвано потребностями внутреннего рынка в регионе.

В этой связи внимание привлекают находки предметов импортного происхождения, найденные на поселениях Нижнего Повеличья. В нижнем слое Труворова городища такие предметы немногочисленны, но их состав достаточно характерен: равноплечная фибула вендельского времени,¹³ аналогичная находкам в Финляндии и на Готланде, наборные односторонние гребни типа I-в, по О.И.Давидан,¹⁴ шпора типа I, по А.Н.Кирпичникову.¹⁵ Перечисленные предметы указывают на существование внешнеторговых связей общины Труворова городища.¹⁶

Среди поселений типа Камно важнейшим в Нижнем Повеличье являлось Псковское городище. Само местоположение племенного центра — на берегу р. Великая в 10 км от впадения последней в Псковское озеро — предполагает наличие предпосылок для возможных внешнеторговых связей общины этого центра. Обнаруженные при раскопках 1946-1949 гг. серийные находки импортов (односторонние наборные гребни, равноплечные фибулы и проч.), казалось бы, подтверждают это предположение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что подтверждение мнимое. Раскопки 1970-1990-х годов показали, что практически все импортные предметы (за исключением некоторых бус) связаны с горизонтом конца IX-X вв., не имеющим отношения к слоям племенного центра последней четверти I тысячелетия по Р.Х. В слоях, формировавшихся в период существования на Псковском городище племенного центра культуры Камно импортные предметы в основном отсутствуют, хотя широко представлены предметы местного происхождения и местного производства. Это дает основание считать, что водно-торговый путь по Великой в последней четверти I тысячелетия по Р.Х. еще не функционировал.

На других поселениях культуры Камно находки импортов немногочисленны: они ограничиваются обломками наборных односторонних гребней и фрагментом рукояти меча с городища Камно. Этих данных, на мой взгляд недостаточно для того, чтобы констатировать наличие у общины поселка "широких международных контактов".¹⁷ Вряд ли можно согласиться с мнением, согласно которому жители Псковского городища к концу I тысячелетия по Р.Х. вышли из состояния племенной обособленности на уровень широких международных торговых связей. Напротив, население Нижнего Повеличья представляло собой достаточно замкнутое общество, изолированное от внешнего мира. Находки предметов импорта на поселениях Нижнего Повеличья, вероятнее всего, попали сюда благодаря посредничеству жителей Труворова городища, для которого наличие в IX в. налаженных внешнеторговых связей, основанных на товарно-денежных отношениях, не вызывает сомнений.

12 Дирхем 813 г. найден также на городище Камно (Плоткин К.М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА, 1974, № 139). Однако находка единична и только подтверждает вывод о том, что для Нижнего Повеличья в IX в. находки монет не характерны.

13 Седов В.В. Изборск в 8-10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985, с.124, рис.1, I; он же. Восточные славяне..., с.85, табл.ХІХ, I.

14 Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ, 1968, № 10, с.60; она же. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ, 1962, № 4, с.99-101.

15 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ, вып.Е1-36, 1973, с.64, рис.39.

16 Скандинавские типы наконечников стрел и копий в число импортов, естественно, не включаются, так как попадание предметов метательного вооружения в культурный слой поселения носило, судя по условиям их обнаружения — в слое пожара — специфический характер.

17 Плоткин К.М. Псков и его округа..., с.13.

В таком случае, именно занятия посреднической торговлей определяли, по-видимому, особое положение Труворова городища в системе поселений последней четверти I тысячелетия по Р.Х. в Нижнем Повеличье. Не исключая возможности того, что в составе населения Труворова городища были профессиональные ремесленники, обслуживавшие округу,¹⁸ и что какая-то часть жителей протогорода могла заниматься сельским хозяйством,¹⁹ я все-таки хотел бы подчеркнуть: не эти занятия являлись важнейшими — экономическую стабильность протогородского центра на Труворовом городище обеспечивал, прежде всего, приоритет перед другими центрами (в том числе — перед племенным центром на Псковском городище) во внешнеэкономических связях Нижнего Повеличья²⁰ — эти связи, можно думать, не представляли собой ценности в глазах аборигенов края. И если с внешним миром торговые отношения строились на принципах традиционной для балтийской торговли VIII-IX вв. системе товарно-денежных отношений, основанной на обращении арабского серебра,²¹ то внутренний рынок складывался, вероятно, по иным законам — возможно, на основе прямого товарообмена.²²

18 Набор литейных форм для производства украшений из оловянистых сплавов, происходящий с Труворова городища (Седов В.В. Восточные славяне..., с.279, табл. LXVI, 1, 4, 5), по типам отливавшихся в них предметов совершенно аналогичен литейным формам Псковского городища и городища Камно (Плоткин К.М. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1991, с.33-34; он же. Псков и его округа..., с.10), поселения Рыуге (Шмидехельм М.Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // ВЭИНП, М., 1959, табл.V, с.179), а также из погребений оловолитейщиков в курганах с подкурганными каменными конструкциями (Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллинн, 1980, с.81-82, рис.17, 2,4-6). Если считать, что в торговле спрос всегда отделяет предложение, то ювелиры Труворова городища обслуживали тот же контингент покупателей, что и ювелиры поселений типа Камно-Рыуге.

19 Об этом, в частности, свидетельствует находка серповидного ножа в нижнем слое Труворова городища (Седов В.В. Изборск в 8-10 вв., с.125, рис.2, 1; он же. Восточные славяне..., с.275, табл.LXII).

20 Оценивая Труворово городище с точки зрения хозяйственного уклада жителей этого поселения, В.В. Седов констатировал: "Поселок обеспечивал ремесленной продукцией окрестное население, здесь же, очевидно, совершался обмен и с отдаленными землями" (Седов В.В. Восточные славяне..., с.242).

21 Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985, с.100-120.

22 Трудно сказать, что могло быть основной статьей экспорта из Нижнего Повеличья. Рассматривая вопрос об экспорте товаров из Смоленской земли в страны Скандинавии, Л.В. Алексеев перечисляет среди прочего "огромное количество товаров органического происхождения, о котором можно только догадываться (хлеб, иные съестные припасы, пряности, ткани, вина и т.д.)", см.: Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Северной Белоруссии. М., 1980, с.85. Я согласен с Л.В. Алексеевым в том, что среди экспорта было немало предметов из органических материалов. Однако, судя по приведенному исследователем списку, речь идет о товарах транзитной торговли народов Севера с "ромейским миром" по пути "из варяг в греки". Во всяком случае, мне не известны факты, свидетельствующие о специализации населения Смоленщины (и вообще, древней Руси) в VIII-X вв. на производстве пряностей, вин и тканей экспортного качества. Для Нижнего Повеличья вывоз на экспорт хлеба и иных съестных припасов маловероятен: эта гипотеза предполагает производство в регионе значительного объема сельскохозяйственной продукции, что возможно только в условиях существования высокоразвитого пашенного земледелия и не менее высокоразвитого мясного скотоводства. И в том, и в другом случае неизбежным следствием должно было стать появление избыточного прибавочного продукта и формирование предпосылок для его перераспределения и концентрации в руках отдельных членов общества, то есть — следствием должно было явиться формирование внутри общества имущественного неравенства и социальной стратификации. Оснований для такого вывода, как уже говорилось, нет, как нет и данных о специализированном мясном скотоводстве и развитом пашенном земледелии у населения Нижнего Повеличья последней четверти I тысячелетия по Р.Х. Предполагать, что основной статьей экспорта являлась продукция ремесленного производства, на мой взгляд, рискованно. Хотя в Нижнем Повеличье и существовали ремесленные центры, жители которых специализировались на черной и цветной металлургии и косторезном производстве, эти центры обслуживали исключительно округу. Данных о производстве ремесленной продукции экспортного качества и нехарактерных для культуры Камно-Рыуге типов, как будто бы, нет. Наиболее вероятной представляется гипотеза об экспорте на рынки Балтики пушного товара (об этом свидетельствуют, в частности, находки на поселениях Нижнего Повеличья кустей бобра, шкурки которого являлись одной из основных статей экспорта из Восточной Европы в страны Балти-

Таким образом, соотношение протогородского центра на Труворовом городище с поселениями носителей культуры типа Камно-Рыуге представляется мне в следующем виде:

— продвинувшись в Нижнее Повеличье непосредственно или опосредованно из районов балтийско-славянского Поморья, первопоселенцы Труворова городища оказались в пределах плотно освоенного аборигенами района;

— для основания своего укрепленного поселения иммигранты избрали высокий мыс коренного берега долины Городищенского озера, позволяющий контролировать обширную Городищенско-Мальскую котловину, но, в то же время, находящийся в конце тупикового водного пути, ведущего с Псковско-Чудского водоема по р. Бдеха (Абдех), Мальскому озеру и р. Сходница в Городищенское озеро;

— здесь иммигранты закрепились, вступив в регулярные контакты с местным населением, причем контакты, судя по керамическому материалу, носили интенсивный двусторонний характер;

— основу контактов составляли внутрирегиональные торговые операции, причем протогород на Труворовом городище, вероятно, являлся центром концентрации тех товаров, которые составляли основной объем экспорта из Нижнего Повеличья в страны "балтийского сообщества".²³

Можно полагать, что именно функции посредника в международной торговле явились той питательной средой, которая экономически обеспечивала существование поселения иммигрантов и их потомков в окружении аборигенов края (хотя, напомним, жители Труворова городища снабжали продукцией ремесла окрестное население). При этом существенной особенностью взаимоотношений населения протогорода с населением округа явилось сохранение жителями Труворова городища традиционных для первопоселенцев особенностей материальной культуры (керамика, домостроительство, планировка и застройка поселения). Единственным объяснением этому является, на мой взгляд, существование языкового барьера между иммигрантами и аборигенами, причем этот барьер не удалось полностью преодолеть даже в условиях проживания на одном поселении вместе с потомками иммигрантов значительного (до трети жителей) числа аборигенов края.²⁴

ки (Херрманн Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986, с.102-103; Лебедев Г.С. Эпоха викингов..., с.101), а также льна, меда и воска, являвшихся традиционными статьями вывоза с территории Псковщины на протяжении средневековья.

23 Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья. К постановке проблемы // Тезисы X СК, М., 1986, с.158-160.

24 Говоря о посреднических функциях Труворова городища между аборигенами Нижнего Повеличья и "балтийским сообществом", я подразумеваю под аборигенами население именно Нижнего Повеличья, а отнюдь не всего ареала расселения носителей культуры типа Камно-Рыуге. В новейшем исследовании М. Аун приведены сведения о монетных находках конца VIII-IX вв. на городище и селище Рыуге и других поселениях собственно рыугеской культуры (Отеля, Кививаре), см.: Аун М. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. в юго-восточной Эстонии. Таллинн, 1992, с.75,169, табл. I. Отмечу, что поселение Рыуге выделяется по количеству монетных находок среди поселений междуречья р. Ахья, Эмайыги и Вяйке-Эмайыги точно так же, как среди поселений Нижнего Повеличья выделяется Труворово городище.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПСКОВА

Прежде чем мы попытаемся сформулировать версию происхождения города при слиянии Псковы и Великой, целесообразно повторить основные выводы, сформулированные в предыдущих главах:

1. В VIII-IX вв. в Нижнем Повеличье, заселенном, по преимуществу, автохтонным прибалтийско-финским населением, одновременно существуют два крупных несельскохозяйственных поселения, различающиеся между собой по преобладающим функциям. Одно из них — Псковское городище — являлось племенным центром округа, другое — Труворово городище — представляло собой внеплеменное торгово-ремесленное поселение (ВТРП), основанное группой славян-иммигрантов.

2. Во второй половине IX в. на мысу при впадении Псковы в Великую, на месте погибшего в пожаре племенного центра автохтонов, группа иммигрантов основывает укрепленное поселение. Среди иммигрантов прослеживается варяжское присутствие.

3. В это же время гибнет внеплеменное торгово-ремесленное поселение на Труворовом городище; участие в событии варягов засвидетельствовано находками в слое пожара наконечников стрел и копий северо-европейского происхождения.

4. На протяжении нескольких последующих десятилетий население округа стягивается к стенам крепости при слиянии Псковы и Великой. В результате этого процесса к X в. в низовьях Великой формируется раннесредневековый город. Стратегически выгодное положение его при входе во внутреннее пространство Восточной Европы по водно-торговому пути, ведущему с Балтики, обеспечивало поселенческой агломерации, сформировавшейся в низовьях Великой, стабильное существование.

Весь процесс формирования раннегородского центра при впадении Псковы в Великую свидетельствует о том, что этот центр принял на себя и функции посреднической торговли, ранее являвшиеся экономической основой существования ВТРП на Труворовом городище, и административные функции центра округа, являвшиеся в предшествующее время прерогативой племенного центра на Псковском городище. Совпадение во времени двух событий — основание раннегородского образования при впадении Псковы и Великую и гибель ВТРП на Труворовом городище — позволяет предполагать, что эти события взаимосвязаны. Весьма вероятно участие в трагической судьбе поселения на Труворовом городище той группы варягов, которая осела в низовьях Великой, ликвидировав перед этим племенной центр автохтонов. В целом, реконструируемый процесс представляет собой замену племенного протогорода (Псковское городище) и существовавшего рядом с ним в пределах того же региона города старшего типа (Труворово городище) городом младшего типа (раннегородское образование при впадении Псковы в Великую).

Реконструируемый процесс (рис.57) соотносится с событиями, зафиксированными в летописном “Сказании о призвании варягов”.¹ Достоверность легенды призна-

1 “Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в нихъ правды, и вьста родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: Поищемъ себе князя, иже бы володелъ нами и судить по праву. И идоша за море къ варягомъ, к Руси. Сиче бо ся зваху тыи варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъглыане, друзии Гъте, тако и си. Реша Русь, чудь, словени, и кривичи и вси: Земля наша велика и обилна, а наряда в ней неть. Да поидете княжить и володети нами. И изъбрашася 3 брата с роды своими, пояша по себе

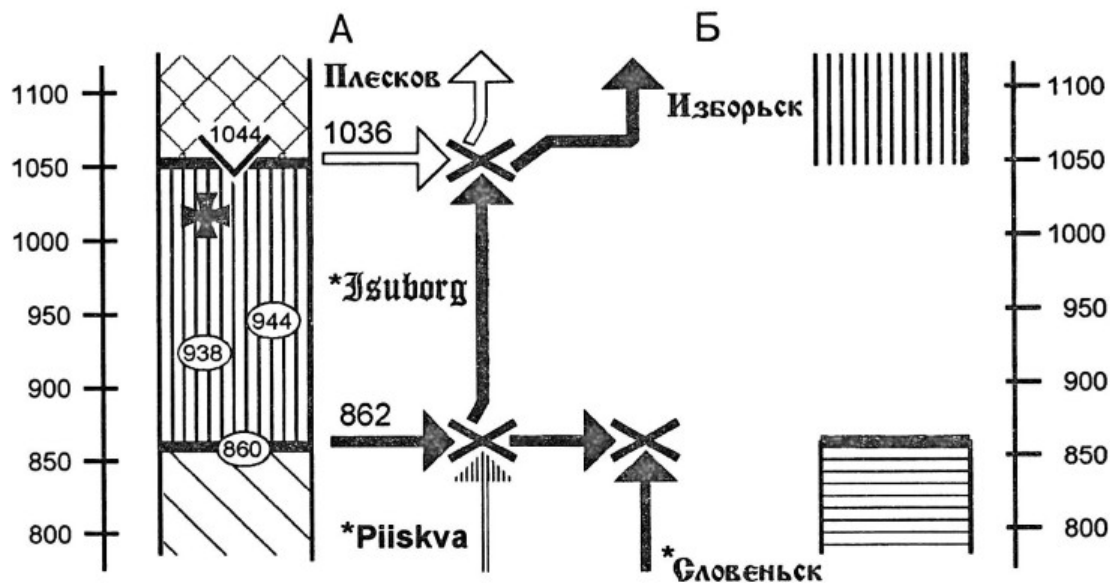

Рис. 57. Схема соотношения поселений при слиянии Псковы и Великой (А) и в черте д.Старый Изборск (Б) и возможное отождествление событий с фактами летописной истории. Комментарии в тексте.

ется современными исследователями,² а по части хронологии она подтверждается детально разработанной на основе дендрохронологии³ ярусологией Земляного городища Старой Ладogi.⁴ Это дает основание предполагать, что речь в "Сказании", поместившей одного из трех братьев-князей — Трувора⁵ — в Изборске, идет не о Труворовом городище, а о раннегородском образовании в низовьях Великой.

Действительно, отсутствие отчетливых свидетельств существования в конце IX-X вв. поселения на Труворовом городище (и, как будто бы, вообще в окрестностях д. Старый Изборск) позволяет согласиться с мнением Д.А. Мачинского,⁶ считающего, что Изборск, названный в "Сказании", совершенно не обязательно должен отождествляться с поселением, плодотворные раскопки которого на протяжении почти

всю Русь, и приидоша; старейший Рюрик седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Труворь. И от тех варяг прозвася Руская земля" (ПВЛ, под 862 г.).

- 2 Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения до-монгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986, с.190 сл.
- 3 Черных Н.Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладogi (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985; она же. Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данному дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989; Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА, 1988, № 1. Данные дендрохронологии, кстати, подтверждают летописный вариант "Сказания", согласно которому Рюрик первоначально садится в Ладoge, а не в Новгороде.
- 4 Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. Культурная стратиграфия Ладogi VIII-X вв. // АИП, 1989, (вып.10), с.29,30.
- 5 Вне зависимости от того, реальна или же легендарна сама фигура Трувора, см.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982, с.298.
- 6 Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этно-культурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

четверти века ведет экспедиция ИА РАН под руководством В.В. Седова. С другой стороны, отчетливый варяжский элемент в составе общины раннегородского образования при слиянии Псковы и Великой, а также вероятное участие в судьбах Труворова городища жителей именно этого поселения, подтверждает, что иммигранты закреплялись в Нижнем Повеличье всерьез и надолго. Замечу, что заметный варяжский компонент в составе населения раннегородского образования при впадении Псковы и Великую, отмечался еще до начала обширных раскопок 1980-х годов,⁷ а в настоящее время скандинавское присутствие здесь уже никем всерьез не отрицается, хотя продолжает сильно преуменьшаться.⁸

Предложенная гипотеза хорошо объясняет давно обсуждаемую в литературе этимологию топонима Изборск⁹ — от *Исуборг. Иса (Исса) — левый приток Великой, впадающий в последнюю значительно южнее Пскова. Происхождение гидронима *Исса* от финск. *iso*, “большой”, “великий” убедительно показано А.И. Поповым.¹⁰ Он же предполагал, что гидроним *Великая* восходит к дославянскому названию реки, являясь переводом гидронима *Исса*. Не исключено, что в древности верховьями Великой считалась Исса, по которой водный путь выводил через систему себежских озер в бассейн Западной Двины (Даугавы) к одному из основных водно-торговых путей, пересекавших Восточную Европу. Действительно, нынешние верховья Великой уводят, фактически, в никуда: водный путь по Великой, выводящий через Псковско-Чудской водоем и р. Нарва в Балтийское море, тупиковый. Между тем, еще в XVII в. р. Великая рассматривалась как магистраль, выводящая от Пскова к Себежу: “А под городом под Псковом река Великая, течет в озеро Псково... А река Великая вытекла от Себежа”.¹¹ Если сказанное справедливо, то гипотеза А.И. Попова получает серьезное подтверждение.

Согласившись с тем, что первоначальное название р. Великой в ее среднем и нижнем течении соответствовало названию верховьев, за которые в древности принималась р. Исса, мы, таким образом, приходим к выводу: топоним *Исуборг является не финно-скандинавским¹² и не славянским,¹³ а чисто скандинавским: он принадлежит к топонимическому ряду на *-borg* и переводится как “город на Иссе”.¹⁴

7 Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА, 1980, № 160, с.15,16.

8 Седов В.В. Скандинавские элементы в раннесредневековом Пскове // ТД XI СК, М., 1989, с.145-147.

9 Споры о происхождении топонима Изборск ведутся со времен Г. Миллера и М.В.Ломоносова (Соч., т.6, М.-Л., 1952, с.22-23). Подробную историографию вопроса см.: Джаксон Т.Н. Рождественская Т.В. К вопросу о происхождении топонима “Изборск” // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М., 1988, с.223-229.

10 Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981, с.30-32.

11 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950, с.154. Благодарю Т.Н. Джаксон (ИРИ РАН), обратившую мое внимание на этот источник. Замечу, кстати, что Исса, как и среднее и нижнее течение Великой, проходит по Псковской низменности, в то время как нынешние верховья Великой уводят на Бежаницкую возвышенность.

12 Мачинский Д.А. Этносоциальные.... с.20-22.

13 Седов В.В. Топоним Изборск // АИП, 1990, (Вып.11), с.24-26.

14 Г. Шрамм отмечал: “Изборск можно возвести к скандинавскому так же, как мы это предположили относительно *Alaborg* и, со всей осторожностью, относительно *Белоозеро* — названию, которое в качестве первого компонента содержало местный прибалтийско-финский гидроним, а в качестве второго — опять-таки формант *-borg*: **Is(s)uborg* > *Исбъргъ* (город). Генитив **Is(s)u-*, в отличие от *-a* в *Ala-*, указывает не на озеро, а на реку под названием *Is(s)a*. Этот гидроним сохранился как название одного из притоков верхнего течения Великой. И в других местах известны случаи, когда более раннее название реки сохранялось как раз в верховьях, тогда как в остальном получало преобладание другое имя. *Великая* — название явно славянское и не может быть исконным; несомненно оно вытеснило какой-то иноязычный, скорее всего прибалтийско-финский гидроним. Так как *Великая*, в

Таким образом, процесс возникновения города при слиянии Пскова и Великой представляется мне в следующем виде. В начале 860-х годов на месте уничтоженного племенного центра аборигенов Нижнего Повеличья группа иммигрантов основывает поселение, получившее наименование Исуборг, то есть — “город на Иссе”. Узурпировав административно-политические функции племенного центра, основатели Исуборга уничтожают торгово-ремесленное поселение на Труворовом городище, функции которого также переходят к Исуборгу. С разрушением родо-племенных административных структур, сковывавших подвижность населения округа, наиболее мобильная часть жителей Нижнего Повеличья постепенно начала перемещаться к стенам Исуборга, приняв участие в формировании не только древнейшего городского посада, но и поселенческой агломерации в ближайшей округе Исуборга. Однако формирование посада Исуборга происходило не только за счет окрестного населения. Западнославянские параллели для керамики X — начала XI вв. свидетельствуют о пополнении городской общины за счет дополнительных иммиграционных волн.¹⁵ В результате всех этих процессов к X в. на месте города Пскова сформировался и на протяжении последующих полутора столетий существовал город Исуборг — один из первых городских центров формирующегося раннегосударственного образования, “державы Рюриковичей”.¹⁶

Расцвет Исуборга приходится на конец X — начало XI вв. В культурном слое первой половины XI в. прослежен пожар, в котором погиб практически весь город. В слоях, перекрывших пожар, уже отсутствуют северо-европейские импорты и предметы, поступающие на территорию Северной Руси через Скандинавию. Но зато в слое, перекрывшем пожар, появляются предметы, поступающие в земли Северной Руси с юга, а также предметы, связанные с христианским культом. Строительные горизонты середины — второй половины XI и начала XII вв. фиксируют рост городской территории и перепланировку городской застройки. Таким образом, в период, последовавший за гибелью Исуборга, в городе произошла политическая и внешнеэкономическая переориентация, смена господствующей идеологии и, вероятно, частичная (если не почти полная) смена населения.

Резонно предположить, что описанные события должны были найти отражение в письменных источниках. Ниже я вернусь к этому. Здесь же хотелось отметить обстоятельство, представляющееся весьма существенным. В археологических материалах фиксируется, как будто бы, совпадение во времени двух событий — гибели

отличие, пожалуй, от всех прочих названий крупных рек России, по форме просто воспроизводит одно из славянских слов, причем весьма распространенное, то это наводит на мысль о кальке. В финском же *iso* значит “большой”. Гидронимы-кальки вовсе не редкость в древнерусском” (Шрамм Г. Ранние города северо-западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994, с.147, выделено Г.Шраммом).

15 Западнославянские элементы в керамике Пскова X-XI вв. объяснялись вероятным переселением сюда групп славянского населения с территории междуречья нижней Вислы и Эльбы еще более тридцати лет назад (Белецкий В.Д. Раскопки древнего Пскова в 1964 г. // ТД научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год. Л., 1965, с.28-29).

16 В примечании к анализу топонима “Изборск” Г. Шрамм отмечал: “Древнескандинавское название Старой Ладogi *Aldeigiuborg*... изначально не входило в эту группу (топонимов на *-borg* — С.Б.). Скальдический вариант *Aldeigia* и ганзейско-нем. *Aldagen* свидетельствуют, что первоначальное скандинавское название было продолжением финского **Alodejogi* без добавления компонента *-borg*. Последний был добавлен с целью пояснить западноскандинавскому читателю и слушателю, не знакомому с Русью, что речь идет о городе. В тех случаях, когда скандинавское название не оканчивалось на *-borg*, когда оно, сверх того, в отличие от скандинавских названий с этим компонентом на территории Руси, восходило к наименованию того или иного небольшого водоема, известного только в его окрестностях, то из этого обстоятельства можно заключить, что речь идет не о специально основанном поселении, а о торговом центре, развивавшемся постепенно и как бы стихийно” (Шрамм Г. Ранние города..., с.150, примеч. 4, выделено Г. Шраммом). Нельзя ли, в свете гипотезы Шрамма, предположить, что топонимы на *-borg* связаны именно со специально основанными населенными пунктами? Этот вопрос оставляю открытым.

Исуборга и повторного освоения площадки Труворова городища. Материальная культура поселения на Труворовом городище XI в., судя по немногочисленным имеющимся данным, совпадает с материальной культурой Исуборга начала XI в., в то время как в городе при слиянии Псковы и Великой облик основных компонентов материальной культуры (керамика, инвентарь, планировка, застройка) претерпевает заметные изменения. Иными словами, поселение на Труворовом городище, фактически, наследует погибшему Исуборгу. Это дает основание считать, что повторное освоение Труворова городища связано с отселением сюда части жителей Исуборга, покинувших город при слиянии Псковы и Великой в момент гибели последнего.

Предлагаемая реконструкция позволяет объяснить естественное недоумение: каким образом город, фактически основанный заново на месте сожженного Исуборга, получил наименование “Псков”. Топоним *Псков* (*Пьсковъ, Пъсковъ, Плесковъ*) фиксируется письменными источниками с X в. и, как будто бы, нет никаких оснований считать замещение топонима *Изборск* топонимом *Псков* в известиях о событиях X в. поздним явлением, относящимся к тому времени, когда существование *Изборска* и *Пскова* на их нынешних местах было уже реальностью.

Представляется вполне вероятным, что оба топонима — и *Изборск*, и *Псков* — на протяжении конца IX — XI вв. употреблялись параллельно в применении к раннегородскому образованию при слиянии Псковы и Великой: такая возможность вытекает, кстати говоря, из взаимозаменяемости топонимов при летописной характеристике событий.¹⁷ Рассматривая происхождение топонима *Псков* А.И. Попов считал первичной форму *Пьсковъ*, являющуюся, по его мнению, производной от **Piiskva* (сохранившейся в современных финск. и эст.). Название поселения исследователь производил от гидронима *Пскова* (**Piiskava*).¹⁸ Если А.И. Попов прав, рассматривая топоним *Псков* как дославянский, прибалтийско-финский в своей основе, то этот топоним с наибольшей вероятностью должен быть отнесен к догородскому прибалтийско-финскому поселению VIII-IX вв. Можно полагать, что первоначальное название племенного центра на Псковском городище сохранялось в обиходе в период существования при слиянии Псковы и Великой города Исуборга. Тогда после отселения на Труворово городище части общины Исуборга в XI в., на вновь основанное поселение было перенесено наименование погибшего Исуборга, возможно, получившее к этому времени славянизированную форму *Изборск*. Сохранявшийся же параллельно с топонимом **Исуборг* топоним *Пьсковъ* был возрожден, но уже применительно к основанному на месте сожженного Исуборга древнерусскому городу.¹⁹

17 Александров А.А. Княгиня Ольга: летопись, археология, топонимика. По следам одной летописной строки // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1987, с.90-93.

18 Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.

19 В сравнительно недавнее время К.М. Плоткин предложил новое подтверждение гипотезы о возникновении топонима *Изборск* “по привычной топонимической модели X-бург” (Плоткин К.М. К вопросу о топониме “Изборск” и реке Исе // С.С.С.Р., ПАВ, № 6, 1993, с.115). Анализируя карту Ливонии и Курляндии Г.Фалька, исследователь отметил, что город *Изборск* поименован на карте *Isbursky* и помещен на реке, названной на карте “Иса река” (“Isa Reha fl.”) и соответствующей р. Бдеха/Обдех (Оптийоки), в бассейне которой находится Труворово городище и позднейший город *Изборск*. *Псков* на той же карте помещен на реке с двойным названием — “Муддов или Великая река” (“Muddow fl. als Welicha Recha”). Отметив, что наименование реки “Муддов” может восходить как к шведскому, так и к эстонскому языкам, и подтверждается сведениями Жильбера де Ланноа, посетившего *Псков* в 1413 г. (Ланноа отмечал, что *Псков* находится при слиянии рек *Мёде* и *Плескова*), К.М. Плоткин высказал убеждение в том, что “*Изборск* всегда оставался на своем месте, у истоков р. Бдеха (известной также под названием *Иса*), а *Псков* — в низовьях р. *Великой*” (Плоткин К.М. К вопросу..., с.115). Отдавая должное важности обнаруженного К.М. Плоткиным свидетельства того, что *Изборск* размещался на берегу реки, одним из названий которой было *Иса*, я, тем не менее, продолжаю оставаться при своем прежнем (Белецкий С.В. Происхождение *Пскова* // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990, с.8-14) мнению: первоначальный *Изборск/Исуборг* (в том, что

После всего сказанного попробую конкретизировать ситуацию. Раннегородское образование при впадении Псковы и Великую в начале XI в. оставалось в основном языческим. К этому времени относится большая часть открытых при раскопках некрополя погребений, в пределах некрополя функционировало капище. И хотя христиане в городе безусловно были (об этом свидетельствуют находки нательных крестов, в том числе — в слое рубежа X-XI вв. на площадке городища), эта религия не являлась основной — присутствие христиан лишь свидетельствует о пестроте населения и веротерпимости языческой общины города.

Ситуация начинает меняться в начале XI в. В древлехранилище Псковского музея-заповедника хранится интереснейший источник, до сих пор остающийся по достоинству не оцененным — служебник Стефановской церкви Спасо-Мирожского монастыря. Рукопись датируется первой четверть. XVI в. и содержит древнейший из дошедших до нас псковских синодиков. К сожалению, в литературе фигурирует неточное прочтение ктиторского списка синодика и основанная на этом прочтении фантастическая дешифровка состава первых вкладчиков в монастырь.²⁰ В действительности анализ ктиторской части Стефановского синодика позволяет утверждать, что первыми среди вкладчиков в Мирожский монастырь назван Ярослав Владимирович (Мудрый), его братья Святослав, Мстислав, Борис и Глеб Владимировичи, а также кузен Святополк Ярополчич (Окаянный). Монастырь, таким образом, основан не в середине XII в., как это принято считать, а значительно раньше — не позднее 24 июля 1015 г. (убийство Бориса Владимировича).

Вряд ли случаен состав первых вкладчиков в Мирожский монастырь. Все они — и сыновья Владимира I Святославича (Святого), и его племянник — являлись удельными владетелями, а свои уделы получили из руки великого киевского князя. Юридически они, таким образом, представляли на местах интересы великокняжеского стола. Хронологически компактный состав древнейшей части ктиторского списка Стефановского синодика позволяет считать, что перечисленные князья являлись не просто первыми вкладчиками в монастырь, но и его устроителями.

Полагая, что основание Спасо-Мирожского монастыря, в устройстве которого

топоним Изборск образовался по скандинавской модели на *-borg* Плоткин, кажется, не сомневаясь) находился не на Труворовом городище, а при слиянии рек Великая и Пскова. Множественность наименований как Великой, так и Бдехи допускает, что в обиходе могли бытовать одновременные гидронимы. Относительная хронология появления каждого из них не вполне ясна, но сосуществование вполне допустимо. По-видимому, гидроним *Обдех* является производным от финск. **Optijoki*, а гидроним *Бдеха* вторичен по отношению к *Обдех*. Добавлю, что в настоящее время продолжается переосмысление и окончательная славянизация этого прибалтийско-финского в основе гидронима: у местных жителей бытует наименование реки в усложненном звуком *з* после первой согласной виде. Не исключено, что гидроним *Иса*, зафиксированный картой Г. Фалька, вторичен по отношению к гидронимическому ряду **Оптийоки-Обдех-Бдеха*: он мог быть перенесен на эту небольшую речку в момент повторного освоения площадки Труворова городища, но впоследствии не получил широкого распространения ввиду явного несоответствия обозначаемому объекту. Но не исключено также, что гидроним *Иса* для р. Бдеха не просто вторичен, но является производным от топонима. Кстати, в настоящее время гидроним *Бдеха* связан только с участком реки между Мальским и Псковским озерами; протока между Городищенским и Мальским озерами носит название *Сходница*, а ручей, впадающий в Городищенское озеро и рассматриваемый обычно как исток Бдехи, называют *Смолкой*. Таким образом, собственно Бдеха отстоит от Труворова городища не меньше чем на 6-7 км.

20 Неверное прочтение текста, связанное с оставшейся не понятой пунктуацией, опубликовано М.Н. Соболевой (Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. М., 1968, с.40-41) и затем повторено И.И. Лагуниным ("И бысть тишина в рустей земле..." К вопросу о датировке Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древний Псков. История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1988, с.67 и сл., примеч.10-13). К сожалению, с неверной пунктуацией дано и последнее по времени воспроизведение текста (Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника. XIV — начало XX вв. Часть I. Псков, 1991, с.14), хотя о необходимости соблюдать пунктуацию подлинного текста уже приходилось писать (Белецкий В.Д., Белецкий С.В. Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М., 1988, с.109-110, примеч. 25).

приняли участие одновременно новгородский, древлянский, тмутараканский, муромский, ростовский и туровский князья, явилось актом общегосударственного значения, и в этом действии принимали участие все русские князья, представлявшие на местах власть Киева, можно попытаться конкретизировать время основания монастыря. Ктиторская часть Стефановского синодика не содержит имен князей, скончавшихся к 1010 г. — Всеволод, Изяслав и Вышеслав. В перечне князей отсутствуют также младшие Владимировичи — Станислав, Судислав и Позвизд. О времени кончины Станислава (смоленского) и Позвизда (волынского) сведений в источниках нет. Если два последних княжича к моменту основания Мирожской обители не были удельными князьями (скончались?, не получили столы по малолетству?), то наиболее вероятным представляется связывать основание Спасо-Мирожского монастыря с утверждением на псковском княжеском столе малолетнего (?) Судислава Владимировича (после 1010 г.),²¹ а основание монастыря определять в пределах хронологически узкого интервала — между 1010 и 1015 гг. Тем самым выясняется, что устройство христианского монастыря близ языческого города было задумано в качестве поддержки христианину Судиславу (княжич наверняка был крещеным, поскольку введение христианства в качестве общегосударственной религии произошло по крайней мере за четверть века до его вокняжния в Пскове) на начальном этапе его деятельности в качестве псковского князя, а устройство обители было осуществлено совместно старшими братьями Судислава, занимавшими все основные столы на Руси. Вряд ли, в таком случае, можно расценить Спасо-Мирожский монастырь иначе, чем в качестве оплота христианства в окружении языческого мира Псковщины.

Гибель Исуборга в пожаре и последовавшая за этим катаклизмом политическая, внешнеэкономическая и идеологическая переориентация позволяют с большой степенью вероятности связывать событие с фактом крещения города “огнем и мечом”. Момент крещения хронологически укладывается в пределах второй четверти XI в.: позднейшее из исследованных раскопками погребений курганного языческого некрополя совершено не ранее первой четверти XI в., а первая свая горизонта застройки городскими кварталами уничтоженного некрополя дендрохронологически датирована 1044 г. Это позволяет соотносить момент крещения города с событиями, последовавшими за смертью Владимира Святого — с междуусобицей Владимировичей.

Борьба между сыновьями Владимира Святославича за власть, гибель Бориса и Глеба Владимировичей, разделение Руси между Ярославом и Мстиславом Владимировичами и, наконец, единовластие Ярослава Владимировича после смерти Мстислава — все эти события неоднократно анализировались в литературе. Напомню только, что после 1026 г., когда произошло примирение Ярослава и Мстислава, на политической арене державы Рюриковичей оставалось всего трое Владимировичей: Ярослав, занявший Киев и контролировавший большую часть государства, Мстислав, разместивший резиденцию в Чернигове, контролировавший Днепровское Левобережье и юридически считавшийся соправителем-дуумвиром Ярослава, а также Судислав, занимавший псковский княжеский стол. При этом Судислав Владимирович — “один из самых незаметных князей” Руси первой половины XI в.²² — в междуусобной борьбе братьев, как будто бы, вообще не принимал участия.²³ Во всяком случае, сведения

21 В большинстве летописных списков вокняжение Судислава Владимировича либо не обозначено, либо помещено вместе с сообщением о вокняжении остальных сыновей Владимира Святого под 988 г. Ко времени после 1010 г. передача псковского стола Судиславу отнесена только в Никоновской летописи.

22 Рыбаков Б.А. Киевская Русь..., с.415.

23 В связи с проблемой княжения в Пскове Судислава Владимировича особое внимание привлекает найденная в раскопе 1976 г. на Старом рынке в Пскове подвеска со знаками Рюриковичей (Лабутина И.К. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с.21, рис.10). Изображенные на этой подвеске знаки (рис.58) принципиально отличаются от всех известных знаков Рюри-

о нем в летописи после констатации вокняжения отсутствуют до 1036 (1034?) г.

События 1036 (1034?) г., однако, достаточно знаменательны. В том году скончался Мстислав Тмутараканский. И под тем же годом летопись глухо фиксирует следующее событие: “В се же лето всади Ярослав Судислава в порубь, брата своего, Плескове, оклеветан к нему”.²⁴ Добавлю, что Судислав Владимирович просидел в заточении почти четверть века и был выпущен пленниками только для того, чтобы принять постриг.²⁵

Арест Судислава лишен в летописном рассказе видимой мотивировки. Однако мы располагаем любопытными археологическими параллелями для событий времен пожара Исуборга. Я имею в виду пожар, зафиксированный раскопками Тартуского городища: крупное поселение культуры Рыуге погибло в огне в XI в., а на его месте появилось древнерусское поселение с характерным набором керамики и инвентаря, типичным древнерусским домостроительством, предметами южно-русского происхождения и атрибутами христианского культа. Эти события давно и однозначно соотнесены с летописным известием о походе Ярослава Владимировича в 1030 г. на эстов и с основанием города Юрьева.²⁶ “Иде Ярослав на чюдь и победи я, и постави градь Юрьевъ”.²⁷ Материализация событий, произошедших во второй

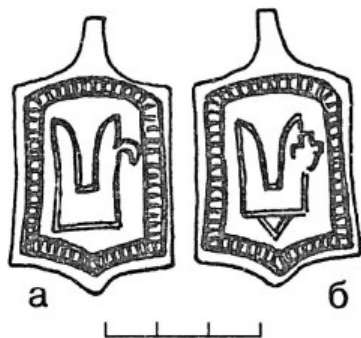

Рис. 58. Псковская подвеска (прорисовка по фотографии)

ковичей X-XI вв.. У знака на стороне А (обозначения сторон по И.К. Лабутиной) отсутствует ножка. Теоретически объяснить отсутствие ножки у двузубца можно было бы необходимостью введения индивидуального признака у простого двузубца для того, чтобы отличить его от родового двузубца, принадлежавшего последовательно Игорю, Святославу и Ярополку. Изменение формы ножки у тамги является отличием тамги старшего сына от тамги отца (Белецкий С.В. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X-XI вв. // АИП, В печати). Однако простой двузубец без ножки не мог принадлежать ни Ярополку Святославичу, наследовавшему тамгу отца без изменений, ни Святополку Ярополчичу, знак которого известен по монетам. Возможно, отсутствие ножки у двузубца должно рассматриваться как низший ранг знака по сравнению с тамгой в виде простого двузубца, имевшего традиционную треугольную ножку; в таком случае, простой двузубец без ножки теоретически мог принадлежать младшему брату Ярополка Святославича, Олегу древлянскому. На правом зубце у двузубца на стороне А псковской подвески помещен отрог наружу — признак, не известный не только у знаков X-XI вв., но и у двузубцев XII-XIII вв. Теоретически можно было бы предполагать, что данный отрог индивидуализирует знак, принадлежащий сыну Олега Святославича. Если считать Судислава сыном не Владимира, а Олега Святославича, как это засвидетельствовано в Иоакимовской летописи, то знак на стороне А псковской подвески можно было бы считать тамгой “Судислава Ольговича”. При этом пришлось бы допустить, что “правило отличия” тамги сына от тамги отца путем добавления на зубце отрога наружу появилось в конце X в., затем на протяжении столетия не применялось и вновь вошло в практику только в XII в., причем — исключительно в применении к трезубцам. Знак на стороне Б у псковской подвески можно с известной степенью гипотетичности соотнести со знаком, изображенным на “таманском брактеате”: крестообразный отрог наружу на правом зубце у двузубца на псковской подвеске напоминает крестообразную форму зубца, у знака на “брактеате”. Если остаться на позициях датировки “брактеата” X-XI вв. и предположить, что крестообразный отрог адекватен крестообразному зубцу, то знак на псковской подвеске следовало бы признать знаком неизвестного (неустановленного?) брата Святополка Ярополчича. Все сказанное о знаках на псковской подвеске носит умозрительный характер, поскольку в попытках объяснения особенностей знаков на подвеске мы вынуждены пускаться в рискованные гипотезы. Очевидно, до новых, более или менее надежных находок следует оставить псковскую подвеску без комментария. Напомню, что по мнению А.А. Молчанова, в этой подвеске опознается современный фальсификат, см.: Молчанов А.А. Верительные знаки киевский князей и древнескандинавские jahrtegnir // ТД Х СК, М., 1986, с.185.

24 ПВЛ, под 6544 г.

25 ПВЛ, под 6567 г.

26 Трумал В.К. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // СА, 1971, № 2, с.265-271.

четверти XI в. в Пскове и в 1030 г. в Тарту (Юрьеве), оказывается совершенно идентичной: археологические материалы, как характеризующие начальный этап в истории города Юрьева так и обнаруженные в строительном горизонте псковского посада, перекрывшем пожар, полностью соответствуют друг другу. Особенно отчетливо это фиксируется по массовому керамическому материалу. Поэтому можно считать, что гибель Исуборга близка по времени к 1030 г. Это вписывается в намеченные выше хронологические рамки (позднее первой четверти XI в., но ранее 1044 г.) и максимально сближается с зафиксированными летописью событиями 1036 (1034?) г.

Все сказанное позволяет мне предполагать, что в 1036 (1034?) г. по инициативе Ярослава Владимировича (Мудрого) состоялось крещение города при слиянии Псковы и Великой. Очевидно, речь может идти о *casus belli*, необходимом Ярославу для похода против последнего из братьев, который мог претендовать на часть власти в государстве. Крещение “огнем и мечем” привело к гибели Исуборга: часть жителей была уничтожена, какая-то часть их бежала, переселившись на удаленное от устья Великой Городищенское озеро. При этом переселенцы сохранили для нового поселения старое название — Исуборг (в славянизированной форме “Изборск”). На месте же погибшего Исуборга был, фактически, основан новый город, получивший в качестве наименования возрожденное название древнего племенного центра — Псков (в славянизированной форме “Плесков”).

Изложенная версия происхождения города Пскова представлена в самых общих чертах. Разумеется, она не претендует на окончательность, тем более что огромные материалы раскопок Труворова городища пока остаются не введены в широкий научный оборот. Однако динамичная картина событий, результатом которых стало возникновение в Нижнем Повеличье двух древнерусских городов — Пскова и Изборска — позволяет считать, что вывод исследователей о развитии средневековых русских городов из восточно-славянских племенных центров опирается, применительно к Пскову и Изборску, все-таки, не на реальные факты, а на общие соображения.

ОППОЗИЦИЯ И ПОЗИЦИЯ (вместо заключения)

Попробую подвести итоги. В научной литературе до настоящего времени бытует представление о том, что наиболее прочный путь становления средневекового русского города обеспечивался перерастанием в древнерусские города восточнославянских племенных центров. Одни исследователи убеждены в том, что все без исключения древнейшие русские города прошли в процессе своего становления стадию восточнославянского племенного протогорода, а другие пути становления древнейших городов на Руси невозможны. Другие исследователи считают, что наряду с магистральным путем возникновения древнейших русских городов — из восточнославянских племенных центров — как исключение мог иметь место и иной путь: перерастание в средневековый город межплеменных центров, характеризующихся этнической пестротой в составе жителей. Третьи исследователи полагают, что надплеменные протогородские центры, являвшиеся катализаторами новых общественных сил и отношений, не перерастали в средневековые города, а во времени и в пространстве развивались города, выросшие из племенных центров и вторичные по отношению к ним раннефеодальные города, возникавшие в процессе окняжения государственной территории.

Мне представляется, что традиционное для отечественной исторической науки положение о племенном пути становления древнерусского города является не более, чем историографическим мифом, восходящим к работам историков, в распоряжении которых еще не было достаточно репрезентативного археологического материала. В настоящее время, когда накопленные в результате раскопок нескольких поколений археологов факты позволяют достаточно объективно воссоздавать судьбы большинства древнейших городов Руси, мы, тем не менее, так и не располагаем достоверными свидетельствами, которые позволили бы достаточно уверенно фиксировать перерастание племенных центров дофеодальной поры в средневековые города.¹

Разумеется, нельзя исключать, что со временем, в процессе дальнейших исследований могут появиться безусловные доказательства континуитета между племенными восточнославянскими племенными центрами и раннефеодальными древнерусскими городами. Но до тех пор, пока таких доказательств нет, необходимо крайне осторожно

1 Показательно, что даже Е.Н. Носов, детально анализировавший начальную историю городов Северной Руси (Носов Е.Н. Новгородская земля IX-XI вв. Историко-археологические очерки // Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. СПб., 199, с.31-32; он же. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб., 1993, с.59-78), не исключал вероятность племенного пути развития древнерусского города: "Уже для VI-VII вв. можно говорить о появлении славянских "градов" как, прежде всего, административно-политических центров племен... Часть этих "градов" в дальнейшем переросла в города. Однако, широкий процесс образования городов как нового типа поселений начался позже — в VIII-X вв. Города вырастали в плотно освоенных земледельческим населением районах, в местах концентрации сельских поселений как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение" (Носов Е.Н. Проблема происхождения..., с.73-74). Правда, эти рассуждения исследователь адресовал южно-русским землям, подчеркнув: "На севере Руси наблюдалась иная картина" (Носов Е.Н. Проблема происхождения..., с.74).

подходить к выводам исследователей о племенном пути основания того или иного древнерусского города: эти выводы могут не в полной мере опираться на фактический материал и даже не в полной мере соответствовать этому материалу.

И уж тем более, вряд ли правомочно утверждение: “Из десяти древнейших городов, названных в летописях IX в., восемь, нужно полагать, были прежде центрами крупных племенных образования восточного славянства”.² В свете имеющихся археологических материалов подобный вывод, на мой взгляд, является не более чем данью традиции.

² Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989, с.44.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта работа вчерне была написана двадцать лет назад. Первая редакция ее была завершена весной 1976 г. и оформлена в виде дипломного сочинения “Керамика древнего Пскова как исторический источник” (рукопись на кафедре археологии СПбГУ). Отдельные фрагменты работы представляли собой курсовые работы разных лет. В том же 1976 г. заключительная глава дипломного сочинения была сдана в печать и через четыре года вышла в журнале “Краткие сообщения ИА АН СССР” (№ 160).

Вторая версия работы писалась в 1976-1979 гг. В начале 1980 г. она была защищена в качестве кандидатской диссертации на тему “Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н.э. как исторический источник. Культурная стратиграфия региона” (рукопись в архиве ИА РАН). Сразу же после защиты я оформил рукопись к изданию. Но так сложились обстоятельства, что издание не состоялось — вышла лишь серия статей. Может быть, это и хорошо: в начале 80-х годов ситуация с возникновением Пскова и судьбами Труворова городища мне была еще не ясна — очевидной лишь представлялось отсутствие отложений конца IX-X в. в слое Труворова городища и заметное скандинавское присутствие в Пскове.

Вновь вернуться к проблеме происхождения города Пскова мне удалось только в 1987 г. Потребовалось дополнить фактологическую базу исследования новейшими материалами раскопок в Пскове и на Псковщине. В процессе этой доработки выяснилось: вся прежняя аргументация и все основные выводы, сделанные еще в 1970-е годы, сохранились практически без изменений. Единственным дополнением стала гипотеза о соответствии раннегородского образования при слиянии Пскова и Великой Изборку варяжской легенды: намеченная ранее хронологическая лакуна в культурном слое Труворова городища получила историческую интерпретацию. В 1988 г. гипотеза была доложен на заседании семинара “Археология и история Пскова и Псковской земли” (руководитель семинара проф. В.В. Седов). Предполагалось, что развернутое обоснование этой гипотезы должно будет войти монографической статьей в сборник “Становление европейского средневекового города” (ред. В.В. Седов; М.: Наука, 1989). К сожалению, размеры статьи значительно превысили отпущенный для нее листаж, и публикация была вновь отложена.

Осенью 1991 г., при подготовке спецкурса “Происхождение городов на Руси” на кафедре музееведения Санкт-Петербургской Академии культуры я заново проверил основные выводы по проблеме возникновения Пскова по своим старым картотекам (делавшимся еще в студенческие и аспирантские годы) и по новым публикациям. Должен с удовлетворением констатировать: сделанные ранее выводы не только не потребовали пересмотра, но получили подтверждение новым археологическим материалом. Таким образом, ничего по существу менять не пришлось. Подготовка к изданию рукописи, однако, затянулась — на этот раз уже по моей вине: хотелось дождаться выхода публикаций по результатам раскопок псковского некрополя, а также учесть результаты раскопок на Псковском городище в 1991-1992 гг.

К чему это послесловие?

Археологическая версия предлагаемой модели происхождения города Пскова создавалась в середине 1970-х годов. На славяно-варяжском семинаре кафедры

археологии ЛГУ Г.С. Лебедев и В.А. Булкин “прокатывали” основные положения гипотезы об “открытых торгово-ремесленных поселениях”. Только-только вышла из печати искрометная статья “Гнездово и Бирка”, положившая начало продолжающейся до сих пор дискуссии о роли центров типа Гнездово в становлении древнерусских городов и древнерусской государственности. А до появления блестящего учебного пособия “Археологические памятники древней Руси IX-XI вв.”, с некоторыми положениями которого я имел честь спорить, оставалось еще несколько лет.

Наверное, это послесловие — немножко ностальгия. Но в последние месяцы, завершая доработку рукописи, я вновь ощущал себя дренгиром, уходящим в викинг в составе дружины конунга Гудлейфра Удачливого.

Шумели весла
Железо звенело
гремели щиты
викинги плыли

Мчалась стремительно
Стая ладей
Несла дружину
В открытое море.¹

Основные наблюдения, в той или иной мере связанные с проблемой начальной истории Пскова, неоднократно становились предметом обсуждения с друзьями и коллегами — участниками славяно-варяжского семинара. Спасибо им за доброжелательно-критический интерес к моей работе.

Среди памятников эпохи викингов широко представлены так называемые рунические стелы — поминальные камни с надписями-эпитафиями. Стелы с руническими надписями ставились в память о погибших. Я не рискую резать руны.

Рун не должен резать
Тот кто в них не смыслит
В непонятных знаках
Каждый может сбиться²

И все-таки, мне хотелось бы, чтобы эта книга стала поминальной стелой моему другу, талантливому археологу и историку, директору музея-заповедника в Кярнаве (Литва) Витаутасу Ушинкасу — хольду из младшей дружины славяно-варяжского семинара, безвременно ушедшему от нас 14 января 1991 г.

1 Старшая Эдда // Западноевропейский эпос. Л., 1977, с.159.

2 Исландские саги // М., 1956, с.72.

Список сокращений

АИП	Археология и история Пскова и Псковской земли
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВЛУ	Вестник Ленинградского университета
ВМУ	Вестник Московского университета
ВЭИМП	Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ИА	Институт археологии РАН (АН СССР)
ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН
ИРИ	Институт Российской истории РАН
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ПАВ	Петербургский археологический вестник
ПВЛ	Повесть Временных лет. М.-Л., 1950
ПСКОВ	Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994
РА ИИМК РАН	Рукописный архив ИИМК РАН
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СК	Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. ("Скандинавская конференция")
С.С.С.Р.	Скифы, сарматы, славяне, Русь. СПб., 1993
ТД	Тезисы докладов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Позиция и оппозиция (вместо введения)	5
Два пути становления городов на Руси (мифы и реальность)	8
Изборск варяжской легенды и Труворово городище (проблема соотношения)	22
Культурная стратиграфия окрестностей Пскова	34
Культурная стратиграфия Пскова	54
Труворово городище и его округа: проблема соотношения	71
Происхождение Пскова	78
Оппозиция и позиция (вместо заключения)	86
Послесловие	88

С.В.Белецкий

НАЧАЛО ПСКОВА

Компьютерный набор и верстка
К.А.Матехин, В.Я.Стеганцева

Подписано в печать 25.04.1996. Отдел ОП Петербургкомстата.
Лицензия № 69-74 от 27.10.1994. Печать офсетная.
60 x 90 ¹/₁₆. Усл.-печ.л. 6. Бумага офсетная №1.
Заказ № 381. Тираж 500 экз.